Ген. К. ГОППЕРЪ

ЧЕТЫРЕ КАТАСТРОФЫ

ВОСПОМИНАНІЯ

ОГЛАВЛЕНІЕ

МОСКВА, февраль, 1918 г.

Событія, разыгравшіяся во второй половинѣ 1918 г. по Волгѣ, затѣмъ въ 1919 году на Уралѣ и въ Сибири, и кончившіяся небывалой катастрофой Сибирской арміи, слишкомъ сложны, слишкомъ туманны и запутаны, чтобы въ настоящее время кто-бы то ни было могъ бы дать хоть приблизительно вѣрное и безпристрастное освѣщеніе и оцѣнку ихъ. Многіе изъ выдающихся дѣятелей этой гражданской войны погибли; многіе изъ живыхъ не пожелаютъ говорить правду о своей дѣятельности; многія пружины, направлявшія различныя явленія въ опредѣленную сторону, останутся навѣки схороненными въ тайникахъ различныхъ дипломатическихъ кабинетовъ, и будущему безпристрастному историку будетъ чрезвычайно трудно собрать достаточное количество всесторонне освѣщающихъ матеріаловъ для успѣшности своей работы.

За время съ 1918—1919 г. г. мнѣ приходилось стоять близко къ различнымъ центрамъ воюющихъ группъ; принималъ личное участіе въ организаціяхъ, въ походахъ и въ бояхъ; сталкивался съ людьми самыхъ различныхъ взглядовъ и партій, — вотъ почему считаю своимъ долгомъ изложить на бумагѣ свои воспоминанія объ этомъ ужасномъ времени, надѣясь, что они будутъ не безполезны будущему историку. Я не берусь составлять отчеты различныхъ событій этого времени, а могу лишь разсказать исключительно свои личныя впечатлѣнія и переживанія, которыя дадутъ освѣщеніе нѣкоторыхъ

значительныхъ событій съ той стороны, съ которой я ихъ видѣлъ.

Начну съ того времени, когда я началъ участвовать въ движеніяхъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ упомянутымъ событіямъ, именно съ конца января 1918 года.

Въ концѣ января 1918 г. я переѣхалъ изъ Петрограда въ Москву съ небольшой группой офицеровъ — изъ тѣхъ, которые при моемъ участіи были собраны въ Петроградѣ для активнаго содѣйствія защитѣ Учредительнаго Собранія. 13 декабря 1917 г. для этой цѣли здѣсь собралось около 120 офицеровъ бывшихъ латышскихъ стрѣлковыхъ полковъ, которые должны были въ качествѣ взводныхъ и отдѣленныхъ командировъ вступить въ полки, обѣщавшіе свою защиту Учредительному Собранію. Но, какъ уже извѣстно, эти полки въ послѣднюю минуту отказались отъ принятаго раньше рѣшенія, и намъ ничего болѣе не оставалось, какъ распустить ссорганизованныхъ уже офицеровъ, т. к. не было никакихъ средствъ содержать ихъ. Ф.И. Чайковскому, который субсидировалъ насъ за время нахожденія въ Петроградѣ, насилу удалось собрать небольшую сумму для выдачи офицерамъ на дорогу, чтобы выѣхать изъ голоднаго Петрограда. Большая часть этихъ офицеровъ разсѣялась неизвѣстно куда, небольшая группа отправилась на Донъ, другая такая же группа на Украину и нѣсколько человѣкъ поѣхало со мною въ Москву.

Я не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли въ Москвѣ, и въ сущности собирался ѣхать въ Сызрань къ своей семьѣ, остановился же въ Москвѣ лишь затѣмъ, чтобы навѣстить полковника Фридриха Андреевича Брѣдиса, бывшаго командира I-го Латышскаго Стрѣлковаго полка, и

черезъ него узнать, что дѣлается вообще въ Москвѣ и о его намѣреніяхъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что имъ было въ Москвѣ собрано около сорока человѣкъ офицеровъ своего бывшаго полка. Какъ оказалось, полковникъ Брѣдисъ былъ уже болѣе мѣсяца въ курсѣ московской обстановки и высказалъ надежду, что въ Москвѣ удастся создать крѣпкую офицерскую организацію, способную очистить древнюю столицу отъ большевиковъ и протянуть руку генералу Алексѣеву. Такое положеніе соотвѣтствовало нашимъ стремленіямъ. Латышскіе стрѣлки 1½ года вели отчаянную борьбу на фронтѣ ради достиженія своей мечты — свободная Латвія въ свободной Россіи. Исполненіе этихъ желаній они видѣли въ Всероссійскомъ Учредительномъ Собраніи. Уступленіе большевиками латвійской территоріи нѣмцамъ обозначало уничтоженіе Латвійской націи. Поэтому національно настроенная часть стрѣлковъ и офицеры, оставившіе свои полки послѣ большевистскаго переворота, готовы были на всякую жертву, чтобы вырвать побѣду у нѣмцовъ, а своею ближайшей задачею считали борьбу съ большевизмомъ, какъ пособникомъ нѣмцевъ. Тогда я перемѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ остаться въ Москвѣ для совмѣстной работы съ полковникомъ Брѣдисомъ.

Къ этому времени (начало февраля) полковнику Брѣдису удалось нащупать въ Москвѣ около двѣнадцати различныхъ офицерскихъ организацій, по большей части впрочемъ лишь начинающихъ организовываться,и съ нѣкоторыми изъ нихъ установить связь. Въ нашихъ планахъ было установить крѣпкую связь съ болѣе крѣпкими организаціями, либо съ нашей группой влиться въ одну изъ нихъ и добиваться объединенія возможно большаго чи-

сла отдѣльныхъ организацій съ учрежденіемъ общаго центра и выработки общаго плана будущей работы и дѣйствій. Съ этой цѣлью мы побывали у присяжнаго повѣреннаго К., виднаго кадета, считавшагося представителемъ генерала Алексѣева въ Москвѣ.

Но прежде я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи находилась наша латышская группа, которая къ серединѣ февраля возросла до шестидесяти человѣкъ. Средствъ къ существованію у насъ не было положительно никакихъ. Часть этихъ шестидесяти офицеровъ имѣла въ Москвѣ родственниковъ либо близкихъ знакомыхъ, у которыхъ пристроилась на квартирѣ, иногда и на столѣ. Одной части удалось устроиться на маленькихъ мѣстахъ, преимущественно въ домовую охрану, гдѣ они несли дежурства, исполняли часто обязанности швейцара, получая за это комнатку, иногда и столъ, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ даже ничтожный окладъ. Большая же часть не имѣла никакихъ занятій. Они устраивались по четыре, по пять человѣкъ въ одной комнаткѣ, пріискивая себѣ заработокъ чернымъ трудомъ, что кое-когда и удавалось. Помню, напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ одна группа, около десяти человѣкъ, работала около трехъ недѣль надъ выгрузкой каменнаго угля изъ вагоновъ. Они работали сдѣльно и вырабатывали до тридцати рублей въ сутки, что считалось по тѣмъ временамъ хорошимъ заработкомъ. Оставаться въ такомъ положеніи было крайне тяжело и неминуемо каждая организованная группа при такихъ условіяхъ должна была распасться, такъ какъ каждаго, кому удавалось найти сколько нибудь сносную должность, въ Москвѣ ли, или гдѣ нибудь въ провинціи, надо было считать потеряннымъ для орга-

низаціи. Вотъ почему нашей главной заботой было добываніе средствъ для существованія, что только и могло связывать организацію, поэтому къ вопросамъ, съ которыми мы обращались къ присяжному повѣренному К., поневолѣ прибавлялся еще и этотъ доминирующій вопросъ о средствахъ.

Первое свиданіе съ К. намъ ничего особеннаго не выяснило. К. къ проекту объ объединеніи съ другими группами отнесся сочувственно и обѣщалъ позаботиться устроить засѣданіе изъ представителей нѣсколькихъ организацій. Въ вопросѣ о средствахъ онъ не подалъ почти никакой надежды. Онъ впрочемъ утверждалъ, что онъ единственный человѣкъ въ Москвѣ, который можетъ дать средства, но въ принципѣ высказался противъ субсидированія, ссылаясь на имѣющійся у него въ этомъ отношеніи опытъ, а именно: имъ были выданы субсидіи болѣе чѣмъ тысячѣ офицерамъ на проѣздъ въ Донскую область къ генералу Алексѣеву, но изъ этихъ 1000 офицеровъ на самомъ дѣлѣ выѣхало туда не болѣе ста человѣкъ. Остальные, получивши возможность нѣкоторое время прожить, на этомъ успокаивались. Въ виду этого, въ настоящее время онъ отправляющимся на Донъ обезпечиваетъ только стоимость проѣздного билета. Финансовую помощь организаціямъ въ Москвѣ онъ считалъ возможнымъ оказать лишь въ томъ случаѣ, если создадутся организаціи, способныя захватить Москву. Въ теченіе слѣдующей недѣли мы имѣли два или три засѣданія въ конспиративныхъ квартирахъ съ участіемъ представителей отъ 4—5 различныхъ организованныхъ группъ. Одну изъ этихъ организацій удалось обнаружить мнѣ лично, благодаря встрѣчѣ на улицѣ съ однимъ моимъ старымъ знакомымъ

— полковникомъ Л. Цѣлью этихъ засѣданій было: выясненіе наличныхъ организовавшихся силъ, образованіе центральнаго штаба, выясненіе какія силы можно разсчитывать ссорганизовать въ теченіе однаго мѣсяца, а затѣмъ ужъ подготовка плана вооруженнаго захвата Мысквы, въ случаѣ, если силъ будетъ достаточно. Подсчетъ тѣхъ цифръ, которыя давались представителями организацій, казался довольно благопріятнымъ, такъ какъ давалъ уже почти необходимое количество для начала выступленія, имѣя въ виду тѣ незначительныя силы большевиковъ, которыми они располагали въ то время въ Москвѣ. Но возникали сомнѣнія, дѣйствительно ли сможетъ каждая организація выставить столько вооруженныхъ лицъ, сколько писалось на бумагѣ. Основанія для такихъ сомнѣній были, такъ какъ были извѣстны случаи, что одни и тѣ же лица числились въ спискахъ двухъ организацій. Поэтому было рѣшено въ ближайшіе же дни подробно провѣрить наличный составъ каждой организаціи. Полковникъ Л. предложилъ способъ имъ уже испытанный — собрать организаціи по частямъ въ церкви во время обѣдни, либо всенощной, причемъ каждый изъ членовъ организаціи имѣлъ бы на себѣ кой-нибудь условный, мало бросающійся въ глаза знакъ, напримѣръ, маленькую неяркую ленточку въ петлицѣ. Въ одной группѣ, болѣе сконцентрированной, этотъ способъ былъ примѣненъ, для другихъ онъ былъ найденъ неудобнымъ, почему рѣшено было провѣрять путемъ обхода квартиръ, сначала начальниковъ отдѣленій, либо пятерокъ, а затѣмъ рядовыхъ членовъ. Понятно, такой обходъ маскировался различными пріемами.

На мою долю выпало провѣрять двѣ группы — одну

въ Замоскворѣчьи, другую въ районѣ Красныхъ Воротъ. Я посвятилъ этому обходу нѣсколько дней, но увы! съ очень печальными результатами. Въ одной группѣ, значившейся на бумагѣ въ числѣ 50—60 членовъ, мнѣ удалось обнаружить только четырехъ человѣкъ при очень старательныхъ розыскахъ. Въ другой группѣ болѣе ста членовъ я нашелъ въ наличности около 20, и еще человѣкъ 15 вѣроятныхъ, которыхъ мнѣ не удалось увидѣть, но въ существованіе которыхъ можно было вѣрить. На слѣдующемъ засѣданіи представителей «объединенныхъ организацій» выяснилось, что почти такіе же результаты дала провѣрка и другихъ группъ. Самой сильной и надежной, къ нашему удивленію, оказалась все же наша Латышская группа, несмотря на то, что нѣсколько (6 или 8) человѣкъ уѣхало изъ Москвы и поселилось въ одномъ имѣніи поблизости Москвы, а два человѣка было въ разъѣздахъ для связи. Исключеніе составляли только двѣ небольшія войсковыя части, находившіяся на службѣ у большевиковъ, но на большую половину составленныя изъ организованныхъ людей, при чемъ остальная, неорганизованная часть, — люди безразличные, — но далеко не большевики.

Такіе результаты повѣрки совершенно разрушили наши надежды, но не уничтожили ихъ окончательно. Параллельно съ этимъ постепенно выяснились и другія обстоятельства, столько же для насъ неожиданныя. На одномъ изъ засѣданій нашего Центральнаго штаба, однимъ изъ его членовъ, были приглашены два представителя эсеровской военной организаціи. Оба явившіеся представителя были офицеры. Отношеніе большинства членовъ штаба къ нимъ было почти явно враждебное; былъ одна-

ко же выслушанъ ихъ докладъ; но затѣмъ дали имъ понять, что далѣе имъ тутъ оставаться незачѣмъ, и только послѣ ихъ ухода возобновилось обсужденіе нашихъ очередныхъ вопросовъ. На высказанное, кажется мною, удивленіе по этому поводу, одинъ изъ видныхъ членовъ нашего штаба отвѣтилъ вопросомъ, не являемся ли мы, то есть, латышская группа, также эс-эрами.

До этого времени я придерживался того убѣжденія, что всѣ силы русскаго народа могутъ и должны бороться противъ общаго врага — нѣмцо-большевиковъ, что только при этомъ условіи борьба обѣщаетъ быть успѣшной, и что окончательное слово въ возстановленной Россіи на новыхъ началахъ все-таки будетъ принадлежать Учредительному Собранію, изъ котораго не будетъ исключена такая громадная партія, каковой является эс-эры. Однако, вышеупомянутый инцидентъ давалъ намъ понять, что борьба подъ однимъ флагомъ совмѣстно съ эс-эрами едва-ли считается возможной. Я дѣлалъ маленькія попытки выяснить этотъ вопросъ, но встрѣтилъ явное нежеланіе говорить на эту тему. Не помню хорошо, на этомъ ли или на слѣдующемъ засѣданіи обнаружилось еще одно неожиданное обстоятельство: Представитель одной изъ организацій, такъ называемой Прилуковской — названной такъ по фамиліи, либо по кличкѣ лица, стоявшаго во главѣ ея, сообщилъ намъ, что только что вернулась изъ Берлина делегація во главѣ съ однимъ изъ бывшихъ царскихъ министровъ, которая заключила съ Германскимъ правительствомъ секретный, пока, мирный договоръ, помимо Брестскаго мира (послѣдній еще не былъ въ это время окончательно подписанъ). По этому мирному договору часть Россійской территоріи, занятой Германіей по Брест-

скому миру возвращается Россіи, но Россія связывается на 25 лѣтъ довольно тяжелымъ торговымъ договоромъ. Германія, по окончаніи войны на Западномъ фронтѣ, возстановляетъ въ Россіи монархію. Болѣе мелкихъ подробностей онъ пока не зналъ. Нѣкоторое болѣе видные члены нашего штаба, въ томъ числѣ и предсѣдатель — присяжный повѣренный К. — отнеслись къ этому сообщенію какъ къ факту имъ уже извѣстному, въ которомъ они не сомнѣваются. Я до сего времени не знаю, имѣлъ ли мѣсто такой мирный договоръ, или насъ только провоцировали. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ я никогда ни отъ кого не слышалъ подтвержденія этого, но считаю, какъ и тогда считалъ, это вполнѣ возможнымъ, особенно въ связи съ обнаружившейся въ то время германской оріентаціей партіи ка-де и несомнѣнно такой-же оріентаціей всѣхъ партій правѣ ка-де. Къ тому же полковникъ Брѣдисъ съ помощью своихъ развѣдчиковъ узналъ,что члены Прилуковской организаціи получаютъ ежемѣсячно аккуратно довольно солидное вознагражденіе (отъ 300—500 рублей), и, судя по многимъ даннымъ, это вознагражденіе идетъ изъ нѣмецкихъ источниковъ.

Такимъ образомъ постепенно выяснявшіяся обстоятельства показали намъ, что мы попали въ положеніе, совершенно для насъ непріемлемое. До заключенія мира на Западѣ, мы считали невозможнымъ ни Брестскій, ни какой-либо другой миръ, также, какъ и миръ съ большевиками, поэтому, обсудивъ положеніе съ полковникомъ Брѣдисомъ порѣшили прекратить посѣщеніе засѣданій образовавшагося Центральнаго Штаба, но въ то же время не могли ничего придумать, что бы дѣлать намъ дальше. Вопросъ о средствахъ существованія нашей группы былъ

въ прежнемъ положенiи. За все время связи съ присяжнымъ повѣреннымъ К., полковникъ Брѣдисъ получилъ для нашей группы, кажется всего 3000 рублей. Сами со своими силами мы ничего не значили, примкнуть къ какой-либо партiйной организацiи, которая, быть-можетъ, обладала какими-нибудь средствами, мы не хотѣли, желая сохранить принципъ военной безпартiйности. Мы подумывали уже о томъ, чтобы ликвидировать всѣ наши дѣла и разъѣзжаться, какъ неожиданно снова мелькнула надежда на возможность дальнѣйшей работы.

Союзъ Защиты Родины и Свободы.

Я не помню точно времени, когда происходили всѣ эти событія, поэтому числа мѣсяца могу указывать лишь приблизительно. Въ началѣ либо въ серединѣ марта я какъ-то получилъ отъ полковника Брѣдиса записку, въ которой онъ просилъ быть вечеромъ дома, такъ какъ онъ зайдетъ ко мнѣ по важному дѣлу. Вечеромъ дѣйствительно онъ явился въ какомъ-то особенно таинственномъ видѣ, въ костюмѣ (штатскомъ), въ которомъ я его еще не видалъ, просилъ меня принять всѣ мѣры предосторожности и пригласилъ меня идти съ нимъ, не объясняя куда и зачѣмъ. Повелъ онъ меня какими-то темными переулками, какъ будто кружилъ нарочно, либо самъ запутался (мы оба еще сравнительно плохо знали Москву). Наконецъ, послѣ долгихъ скитаній, вошли въ одинъ дворъ, сунулись въ одну темную лѣстницу, но скоро опять вернулись на дворъ, при чемъ Фр. Андр. (полк. Бр.) объяснилъ, что это не та лѣстница, такъ какъ нужная ему лѣстница должна сначала идти вверхъ, а потомъ внизъ. Нашли потомъ другую лѣстницу, которая оказалась вѣрной, позвонили у дверей полуподвальнаго этажа. Когда намъ открыли дверь, Фр. Андр. спросилъ Марію Ивановну, послѣ чего насъ пригласили войти. Изъ передней мы попали въ столовую, гдѣ за хорошо сервированнымъ ужиномъ сидѣло двое мужчинъ и одна дама. На столѣ были свободные приборы, очевидно для насъ. Фр. Андр. представилъ меня болѣе солидному изъ мужчинъ, который

назвалъ свою фамилію. Это былъ Б. В. Савинковъ. Послѣ этого уже Б. В. представилъ насъ хозяйкѣ дома и другому изъ мужчинъ, который оказался его адъютантомъ. Кто была хозяйка квартиры, я до сего времени не знаю, какъ не знаю и тѣхъ многихъ другихъ хозяевъ и хозяекъ, въ квартирахъ которыхъ намъ потомъ приходилось встрѣчаться для совѣщаній, при чемъ кажется ни разу эти встрѣчи не повторялись въ одной и той же квартирѣ. Не стану описывать наружности Б. В.; упомяну только, что меня поразили и расположили къ себѣ та энергія и непреклонная воля, которая отражалась на довольно обыкновенномъ, съ узкими глазами, лицѣ этого человѣка. Ни о какихъ дѣлахъ въ этотъ первый вечеръ знакомства мы не говорили. Б. В. интересовался только тѣмъ, что мы пережили и дѣлали въ ближайшемъ прошломъ, — о дѣлахъ бывшаго сѣвернаго фронта, о возникновеніи большевизма въ Латышскихъ Стрѣлковыхъ полкахъ, что ему казалось еще непонятнымъ въ это время; о лицахъ командного состава, которыхъ мы знали. Условились, что о слѣдующемъ свиданіи съ нимъ насъ извѣститъ «Флегонтъ» — кличка его адъютанта. Самого Б. В. звали «Маріей Ивановной». Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, чтобы указать, что съ этого времени намъ пришлось всѣ наши дѣла обставлять большой конспиративностью, съ пріемами которой мы совершенно не были знакомы, но которыми въ совершенствѣ владѣлъ Б. В. Слѣдующее — уже дѣловое свиданіе съ Б. В., состоялось черезъ день, и на немъ я познакомился съ тѣми сподвижниками Б. В., съ которыми онъ, какъ оказалось, только что пріѣхалъ отъ генерала Алексѣева и съ которыми намъ пришлось вмѣстѣ работать въ будущемъ. Это были пол-

ковникъ Перхуровъ — Александръ Петровичъ (по кличкѣ Александръ Александровичъ) полковникъ С.; докторъ Григорьевъ, Николай Сергѣевичъ (по кличкѣ докторъ Аксеновъ), впослѣдствіи погибшій во время Гайдовскаго возстанія во Владивостокѣ въ ноябрѣ 1919 года. Это и былъ въ первое время штабъ Б. В. въ Москвѣ.

Идея Б. В. Савинкова заключалась въ образованіи въ Москвѣ совершенно безпартійнаго офицерскаго союза, ставящаго своею цѣлью сверженіе большевизма и продолженіе войны съ германцами до окончанія войны на западѣ, и для этого послѣ сверженія большевиковъ образованіе военной диктатуры съ дѣловымъ правительствомъ. Во главѣ союза въ Москвѣ долженъ былъ стать одинъ изъ наиболѣе популярныхъ генераловъ. Все это совершенно соотвѣтствовало нашимъ стремленіямъ, и хотя Б. В. въ данное время также не располагалъ никакими средствами для поддержанія организаціи, все же мы съ радостью были готовы работать совмѣстно съ нимъ. У Б. В. до его прибытія въ Москву не было никакой организованной силы, и наша группа латышскихъ офицеровъ являлась единственнымъ ядромъ для начала организаціи. Но Б. В. имѣлъ большія связи и широкія знакомства въ Москвѣ, что, намъ казалось, обезпечивало быстрый ростъ организаціи. Все же этого оказалось недостаточнымъ, основнымъ рычагомъ для успѣшной работы оставались конечно «проклятыя деньги», и пока ихъ не было или было слишкомъ недостаточно, дѣло подвигалось впередъ вяло. Къ намъ примкнули въ теченіе мѣсяца только нѣкоторые группы болѣе или менѣе обезпеченные, какъ напримѣръ двѣ артиллерійскія батареи, числившіяся на службѣ у большевиковъ, часть уголовной милиціи. Одиночные офи-

церы поступали мало, или, правильнѣе говоря, только постолько, посколько мы имѣли возможность пристроить ихъ къ какому нибудь мѣсту. Такому пристраиванію была посвящена главная забота организаціи, но какъ я уже упомянулъ, такое пристраиваніе имѣло свои дурныя стороны, такъ какъ не на всякаго пристроеннаго къ мѣсту можно было продолжать смотрѣть какъ на боевую силу. Бывали иногда случаи, что поступали офицеры цѣлыми небольшими группами, особенно пріѣзжіе изъ провинціи. Такъ я помню, прибыли двѣ маленькія группы, остатки тѣхъ отрядовъ, которые въ уѣздахъ Рязанской и Тульской губерніи въ теченіе января и февраля мѣсяца вели вооруженную борьбу, отстаивая существованіе земскихъ и городскихъ самоуправленій.

Кромѣ организаціонной работы было еще много и другихъ заботъ. Надо было позаботиться о добычѣ оружія — винтовокъ и пулеметовъ, объ ихъ храненіи, надо было быть все время въ полномъ курсѣ того, что дѣлали наши враги большевики и ихъ друзья — нѣмцы въ Москвѣ, и какія ихъ силы. Для этой цѣли функціи нашего штаба были распредѣлены и напоминали миніатюрные отдѣлы армейскихъ штабовъ, гдѣ весь отдѣлъ состоялъ изъ одного-двухъ человѣкъ.

Отдѣлъ развѣдки былъ порученъ энергичному полковнику Брѣдису. Отдѣлъ артиллерійскаго снабженія полковнику Перхурову; обязанности дежурнаго генерала исполнялъ я, конспираціей и связью вѣдалъ докторъ Григорьевъ, начальникомъ штаба и разработкой оперативныхъ плановъ вѣдалъ полковникъ С. — Б. В. Савинковъ объединялъ и направлялъ дѣятельность всѣхъ и кромѣ

того исключительно вѣдалъ политическую сторону и заботился о финансахъ.

Не менѣе двухъ трехъ разъ въ недѣлю мы устраивали общія засѣданія, гдѣ дѣлались подробные доклады о дѣятельности каждаго отдѣла и намѣчались планы для дальнѣйшей работы. Надо упомянуть, что устройство этихъ засѣданій было сопряжено тогда съ большими затрудненіями, такъ какъ требовалась большая конспирація, и мы придерживались правила никогда не собираться два раза въ одномъ помѣщеніи,а найти подходящее помѣщеніе было не всегда возможно, такъ что не разъ приходилось откладывать засѣданія за неимѣніемъ помѣщенія. Изъ докладовъ о дѣятельности отдѣловъ наибольшій интересъ обыкновенно вызывали доклады полковника Брѣдиса. Необыкновенно скоро Фр. Андр. освоился съ конспиративной работой и сумѣлъ наладить работу своего отдѣла, который въ теченіе мѣсяца своей дѣятельности далъ намъ положительно всѣ интересовавшія насъ свѣдѣнія. Фр. Андр. сумѣлъ провести своихъ ставленниковъ въ нужные для него большевистскіе штабы, черезъ которыхъ узнавалъ, почти все, интересовавшее насъ въ ихнемъ лагерѣ, а иногда предупреждалъ насъ о грозившей съ какой нибудь стороны опасности. Мы знали рѣшительно всѣ большевистскія военныя силы, бывшія въ то время въ Москвѣ, знали склады оружія и патроновъ, знали много и изъ того, что дѣлалось въ другихъ городахъ. Однажды Фр. Андр. сообщилъ намъ даже такую подробность, что на двухъ улицахъ Москвы были поставлены спеціальные посты съ пулеметомъ для того, чтобы изловить Б. В. Савинкова и взять его живымъ или мертвымъ, на каждомъ посту дежурилъ человѣкъ, хорошо знающій Б. В. въ лицо.

Въ первое время послѣ прибытія въ Москву большевистскаго правительства, контръ-развѣдка была организована у нихъ очень плохо и повидимому они довольствовались въ этомъ отношеніи свѣдѣніями, получаемыми отъ нѣмцевъ, поскольку нѣмцы находили нужнымъ давать имъ эти свѣдѣнія. О прибытіи въ Москву Б. В. Савинкова большевики узнали повидимому, только тогда, когда послѣдній помѣстилъ за своей подписью статью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», за которую эта газета была немедленно оштрафована и въ скоромъ времени пріостановлена. Скоро послѣ этого случая и появились посты на двухъ улицахъ, на которыхъ жили друзья и знакомые Б. В., и гдѣ можно было ожидать прохода послѣдняго.

Силы большевиковъ въ Москвѣ въ то время были очень незначительными и состояли изъ небольшихъ по численности и почти небоеспособныхъ остатковъ частей разложенной арміи, большинство которыхъ и не выступило бы открыто на сторонѣ большевиковъ, въ случаѣ возстанія въ Москвѣ. Наиболѣе стойкими были два матросскихъ отряда, численность которыхъ теперъ не помню. Затѣмъ по стойкости слѣдовали полки I Латышской Стрѣлковой Бригады, три полка которой находились въ это время въ Москвѣ и несли караульную службу, а одинъ (третій) слѣдовалъ въ Москву эшелонами изъ Харькова. Численность этихъ полковъ была также не велика — около 400 штыковъ въ каждомъ. Нѣсколько большее число штыковъ — около 600 — было въ третьемъ, который былъ въ пути. Настроеніе въ Латышскихъ полкахъ было хотя и большевистское, но далеко не стойкое, какъ мы увидимъ дальше. Въ общемъ со всѣми этими большевистскими силами могла бы справиться хорошо сплоченная и стойкая органи-

зація, численностью въ 3—4 тысячи. Но вотъ развѣдка Фридр. Андр. открывала намъ все новыя и новыя данныя, которыя наконецъ заставили насъ измѣнить всѣ наши планы и намѣренія. Въ Москвѣ обнаруживалась сила, съ которой справиться никакая организація не была бы въ состояніи. Эта сила была — нѣмцы. Въ общемъ наши данныя о нѣмцахъ, добытыя Фр. Андр., приблизительно до середины апрѣля сводились къ слѣдующему: всѣхъ организованныхъ и, за небольшимъ исключеніемъ, вооруженныхъ нѣмцевъ, въ Москвѣ насчитывалось около 53.000. Въ этомъ числѣ значилось 7.000 регулярнаго войска, прибывшихъ черезъ фронтъ. Большая часть остальныхъ организовано изъ военноплѣнныхъ. Расквартированы по большей части на окраинахъ или въ ближайшихъ окрестныхъ городахъ, отчасти и въ клубахъ анархистовъ. Въ самомъ городѣ работало три нѣмецкихъ штаба, одинъ изъ нихъ былъ штабъ графа Мирбаха, которому какъ-будто подчинялись остальные штабы. Въ общемъ ихъ числѣ полкъ нѣмцевъ - интернаціоналистовъ, который если и не дѣйствовалъ пока активно на сторонѣ большевиковъ, но, повидимому, составлялъ резервъ народныхъ комиссаровъ. Особенно тщательно была поставлена у нѣмцевъ развѣдка, они, какъ намъ удалось убѣдиться, знали положительно все, обо всѣхъ нарождающихся въ Москвѣ противобольшевистскихъ организаціяхъ и очевидно съ нѣкоторыми изъ нихъ поддерживали тѣсную связь и оказывали имъ поддержку.

Какую позицію займетъ эта сила по отношенію къ намъ, мы конечно не знали, но ясно было, что они не могутъ быть за одно съ лозунгомъ «противъ большевиковъ и противъ нѣмцевъ». Изъ этого вытекалъ еще и

другой выводъ, тотъ, что работа подъ нашимъ лозунгомъ въ Москвѣ не обѣщаетъ ни малѣйшаго успѣха. Если въ Москвѣ и возможно успѣшно бороться противъ большевиковъ, то только подъ лозунгомъ, «вмѣстѣ съ нѣмцами противъ большевиковъ».

Часто для насъ большой интересъ представляли также доклады начальника артиллерійскаго снабженія А. П. Перхурова. У него неоднократно значилось на учетѣ оружіе, хранящееся въ большевистскихъ складахъ, но охраняемое нашими часовыми, хотя и временно числившимися на службѣ у большевиковъ,иногда оружіе,охраняемое хотя и настоящими большевиками, но такъ плохо, что добыть его не составляло никакого труда. За такими складами онъ велъ постоянное наблюденіе. Однажды потребовалось вооружить членовъ нашей организаціи, размѣщенныхъ въ клубахъ анархистовъ. Тогда А. П. прибѣгъ къ такому способу: узнавъ, что на одномъ изъ вокзаловъ солдаты, прибывшіе съ фронта, желаютъ продать привезенное ими оружіе, — два пулемета и нѣсколько десятокъ винтовокъ, онъ условился купить это оружіе за 2000 руб., но съ условіемъ, чтобы продававшіе его солдаты доставили его въ условленное мѣсто на загородныя необитаемыя дачи. Такъ какъ продавцы — солдаты, по полученіи денегъ, могли указать это оружіе большевикамъ, а также купившаго его, то къ моменту привоза оружія въ условленное мѣсто А. П. организовалъ «налетъ анархистовъ», которые захватили оружіе насильно подъ страхомъ разстрѣла продавцовъ и перевезли захваченные оружіе въ свой клубъ. Такимъ образомъ это оружіе досталось намъ даромъ.

Въ концѣ марта А. П. для болѣе успѣшной работы по

своему отдѣлу поступилъ на должность инспектора артиллеріи въ большевистскій штабъ партизанскихъ отрядовъ, организуемыхъ якобы съ цѣлью борьбы противъ нѣмцевъ на Украинѣ. По поводу организаціи этихъ отрядовъ красныя газеты подняли большой шумъ и высказывали громадныя надежды. Въ дѣйствительности же, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ А. П., послѣ своего уже двухнедѣльнаго пребыванія въ этомъ штабѣ, шумъ дѣлался очевидно нарочно, для отвода глазъ публики: существовали штабы и получали жалованье, но въ то же время на дѣлѣ ставились такія препятствія въ работѣ, чтобы ни одинъ отрядъ не могъ быть отправленъ на фронтъ. А. П. использовалъ свое положеніе, чтобы подходящій элементъ изъ записывающихся въ отрядъ вербовать для нашей организаціи. При этой работѣ онъ чуть не попался въ руки красныхъ. Изъ навербованныхъ такимъ образомъ членовъ нашей организаціи было нѣсколько кадетъ одного Московскаго Кадетскаго корпуса, размѣщенныхъ въ одномъ общежитіи съ другими солдатами отряда, среди которыхъ, конечно, были большевики. Одинъ кадетъ, написавшій откровенное письмо своему товарищу, неосторожно оставилъ его въ книгѣ, которую въ его отсутствіи читали другіе солдаты и вмѣстѣ съ тѣмъ прочли и письмо. Кадетъ былъ арестованъ и на допросѣ выдалъ всѣхъ товарищей и полковника Перхурова. Одинъ случайно оставшійся неарестованнымъ бывшій кадетъ успѣлъ по телефону извѣстить А. П., который спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ изъ партизанскаго штаба и долженъ былъ съ этого времени совершенно перейти въ подполье и по возможности измѣнять свою наружность и одежду.

Доклады и работа нашего конспиратора и начальника

связи д-ра Григорьева была чисто техническая, но представляла для насъ большой интересъ, такъ какъ значительно облегчала дѣятельность всѣхъ остальныхъ. Особенно мы были благодарны ему, когда онъ оборудовалъ нашъ конспиративный штабъ на Молочномъ переулкѣ, такъ какъ съ того времени намъ не приходилось такъ часто собираться въ чужихъ квартирахъ, что все таки бывало болѣе рисковано. Такъ же онъ умѣлъ очень осторожно придумывать всевозможные шифры и пароли, совершенно не вызывающіе никакихъ подозрѣній. Однажды въ дѣлахъ съ д-ромъ Аксеновымъ скомпрометировался одинъ большевистскій комиссаръ за небольшую взятку. Это обстоятельство Н. С. сумѣлъ использовать въ нашу пользу: онъ запутывалъ скомпрометированннаго комиссара все болѣе и болѣе, и въ концѣ концовъ этотъ комиссаръ опасаясь за свою жизнь и положеніе, былъ настолько въ зависимости отъ Н. С., что не могъ отказать ни въ какой услугѣ. Черезъ него Н. С. получалъ цѣлую массу бланковъ съ приложенными печатями и иногда съ подлинными подписями на право имѣть оружіе, удостовѣренія личности, на право выѣзда и въѣзда въ Москву и т. д. Для насъ эта была неоцѣнимая услуга.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ Б. В. Савинкова, надо сознаться, наименьшей продуктивностью работы отличался я. У меня не было никакихъ личныхъ знакомыхъ въ Москвѣ, никакихъ связей въ политическихъ кругахъ и, конечно, ни малѣйшаго навыка и способностей къ конспиративной организаціонной работѣ. Поработавши мѣсяцъ слишкомъ, я обратился къ Б. В. съ просьбой уволить меня, но Б. В. все таки задержалъ меня еще до конца апрѣля, т. е. до того времени, когда мы убѣдились въ необходимости вре-

менно пріостановить дѣятельность организаціи. Къ такому убѣжденію мы пришли на основаніи уже упомянутыхъ данныхъ нашей развѣдки и также вслѣдствіе разгрома большевиками тѣхъ клубовъ анархистовъ, въ которыхъ были размѣщены члены нашего союза. Я уже указывалъ, что на стойкость и боеспособность организаціи можно было разсчитывать только въ томъ случаѣ, если организованные члены союза будутъ имѣть хоть внѣшнія воинскія формы, т. е., если члены будутъ размѣщены не по одиночкѣ въ частныхъ квартирахъ и на частныхъ должностяхъ, а совмѣстно подъ командой опредѣленнаго начальника. Такому положенію очень содѣйствовали клубы анархистовъ, которыхъ большевики хотя и не любили, но не преслѣдовали. Не помню, кто подалъ мысль воспользоваться этой идеей, но она была одобрена, и къ началу апрѣля у насъ было уже около 60—70 человѣкъ размѣщенныхъ подъ видомъ анархистовъ. Это очень облегчало дѣло организаціи, такъ какъ не приходилось больше выдумывать, куда дѣвать вновь прибывшаго члена, особенно пріѣзжаго изъ провинціи; теперь я просто направлялъ его съ соотвѣтствующимъ паролемъ къ нашему «главкоанарху» и онъ водворялся въ соотвѣтствующій особнякъ. Во главѣ нашихъ анархистовъ стоялъ артиллерійскій капитанъ по прозвищу «Сережа», своей внѣшностью и характеромъ какъ нельзя болѣе напоминающій шаблоннаго литературнаго анархиста. Но вотъ въ апрѣлѣ послѣдовалъ разгромъ нашихъ клубовъ. Мы подозрѣвали, что насъ выдали нѣмцы, т. к. ни одинъ изъ нѣмецкихъ клубовъ не былъ тронутъ. Нѣкоторые подозрительные поступки «Сережи» заставили насъ также отказаться отъ его услугъ. Арестованные при разгромѣ клу-

бовъ наши офицеры послѣ мѣсячнаго заключенія были вновь выпущены на свободу.

Въ цѣляхъ расширенія союза мнѣ приходилось еще часто говорить съ нѣкоторыми партійными военными организаціями, именно съ организаціями народныхъ соціалистовъ и правыхъ эсэровъ, но несмотря на ихъ сочувственное къ намъ отношеніе, мы очень немногимъ у нихъ могли воспользоваться. Эти партіи сами бѣдствовали и въ ихъ боевыхъ дружинахъ почти ничего не было. Болѣе плодотворные результаты дали наши сношенія съ другими городами, но эти результаты обнаружились уже послѣ моего отъѣзда изъ Москвы, а при мнѣ были лишь завязаны сношенія съ большинствомъ преимущественно приволжскихъ городовъ.

Къ концу апрѣля Б. В. Савинковъ получилъ уже нѣкоторые авансы въ счетъ тѣхъ кредитовъ, которые ему удалось получить дипломатическимъ путемъ, что сразу поставило все дѣло организаціи на болѣе прочную ногу, но какъ разъ въ это время было рѣшено временно прекратить расширеніе союза, а центръ тяжести работы перенести на пропаганду среди рабочихъ. Въ связи съ этимъ я воспользовался отпускомъ отчасти для устройства своихъ семейныхъ дѣлъ, отчасти потому, что въ Москвѣ мнѣ начала угрожать опасность съ другой стороны.

Выше было упомянуто, что одною изъ серьезныхъ боевыхъ силъ для большевиковъ въ Москвѣ были полки 1 Латышской Стрѣлковой Бригады, т. е. полки, которыми я командовалъ на рижскомъ фронтѣ. Конечно, всѣ стрѣлки знали меня въ лицо и т. к. они теперь несли въ Москвѣ караульную и дозорную службу, то понятно, что мое посто-

янное шатаніе по улицамъ Москвы обращало на себя ихъ вниманіе и имъ не трудно было бы организовать за мной слѣжку. Намъ, конечно, не разъ приходила въ голову идея попытаться обезвредить эту опору большевиковъ и наконецъ были произведены попытки въ этомъ направленіи. Была организована среди стрѣлковъ пропаганда такого содержанія, что конецъ большевизма не за горами, что съ паденіемъ большевизма родина ихъ обратно не приметъ, что пора имъ подумать о томъ, что тогда имъ дѣлать. Тутъ же имъ предлагалось воспользоваться предстоящей демобилизаціей, не записываться въ красную армію, какъ настаивали народные комиссары, а уѣхать изъ Москвы и пріискать себѣ работу въ Далекой Сибири. Даровой проѣздъ и обезпеченіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ гарантировались изъ средствъ, имѣющихся въ Національномъ Союзѣ Латышскихъ Воиновъ, который также къ этому времени перекочевалъ въ Москву. Пропаганда имѣла большой успѣхъ, очевидно стрѣлки сами сильно тяготились своимъ положеніемъ. При демобилизаціи 1 полка (демобилизація этихъ полковъ производилась по очереди, начиная съ 1-го), въ красную армію записалось всего 60 человѣкъ изъ 400, всѣ остальные захотѣли уѣхать въ Сибирь. Когда былъ сформированъ первый эшелонъ отъѣзжающихъ въ Сибирь и посаженъ въ поѣздъ на Ярославскомъ вокзалѣ, туда явился отрядъ матросовъ съ броневикомъ подъ руководствомъ членовъ Исколастрѣла (Исполн. Комит. Лат. Стрѣлк. полковъ) и произвелъ арестъ двухъ офицеровъ, везшихъ деньги (28.000 р.). Эшелонъ, въ которомъ было около 120 человѣкъ, отчасти былъ задержанъ, отчасти уѣхалъ, но уже безъ денегъ. Члены Исколастрѣла, везшіе затѣмъ съ вокзала арестованныхъ офицеровъ, остано-

вили вдругъ на улицѣ автомобиль, соскочили съ него и погнались за какимъ-то офицеромъ, называя при этомъ мою фамилію, но убѣдившись въ своей ошибкѣ, снова вернулись назадъ. Видно они подозрѣвали, что упомянутая пропаганда организована мною, хотя я въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принималъ, а также инціатива не принадлежала мнѣ. Скоро послѣ этого мою квартиру два раза въ одинъ день посѣтили три человѣка въ солдатской одеждѣ. Меня къ счастью весь день не было дома. Эти гости, очевидно, не были изъ желанныхъ, ибо, какъ я потомъ узналъ, никто изъ членовъ нашего союза, знавшихъ мой адресъ, ко мнѣ въ этотъ день не приходилъ. Все это показало, что въ Москвѣ мнѣ больше работать не дадутъ, и я пришелъ къ рѣшенію попытаться что-нибудь создать внѣ Москвы, особенно въ такомъ пунктѣ, гдѣ у меня болѣе знакомыхъ и связей. Обстановка этому благопріятствовала.

Большевики въ это время серьезно приступили къ осуществленію своего большого плана созданія красной арміи. Въ салонъ - вагонахъ на Брестскомъ вокзалѣ помѣстился штабъ формированія. Тутъ же въ поѣздѣ жили генералы, назначенные начальниками округовъ. Я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ и принялъ мѣры, чтобы обезпечить себѣ какую-нибудь командную должность въ войскахъ, которые предполагалось сформировать въ Ярославлѣ или въ Костромѣ. Ярославль, Рыбинскъ, Кострома — это мѣсто стоянки дивизіи, въ которой я служилъ въ мирное время, гдѣ имѣлъ много знакомствъ среди офицеровъ, солдатъ, а также гражданскихъ лицъ. Я хорошо зналъ эти города, окрестности и мѣстныя условія, словомъ здѣсь было все то, чего мнѣ не доставало въ Москвѣ. Мнѣ

надо было найти только какое-нибудь легальное положеніе, которое могло бы обезпечить мое пребываніе тамъ въ недалекомъ будущемъ. Оставивъ у будущаго военнаго руководителя Ярославскаго округа свой адресъ, я уѣхалъ изъ Москвы въ концѣ апрѣля, передавъ А. П. Перхурову свои обязанности. Вмѣстѣ со мной поѣхалъ ближайшій мой помощникъ капитанъ Рубисъ, бывшій адъютантъ 2-го Рижскаго Латышскаго Стрѣлковаго полка.

Ярославль.

Телеграммы изъ Ярославля мнѣ пришлось ожидать цѣлый мѣсяцъ. Это время я провелъ у своей семьи въ Сызрани. Я былъ безконечно доволенъ этимъ мѣсячнымъ отдыхомъ отъ напряженнаго и кошмарнаго настроенія въ Петроградѣ и въ Москвѣ. Цѣлый мѣсяцъ я занимался воздѣлываніемъ огородовъ. Жена на случай голода выпросила у двухъ домохозяевъ пустующіе и совершенно запущенные дворы. Раскопавъ эти дворы и сдѣлавъ грядки, мы насадили картофеля, капусты и всякихъ овощей въ достаточномъ количествѣ, чтобы не нуждаться въ этихъ продуктахъ цѣлый годъ. Какъ я потомъ узналъ осенью — они очень хорошо удались, но къ сожалѣнію намъ не пришлось ихъ использовать, такъ какъ семьѣ пришлось бѣжать дальше.

Сызранскіе совдепщики больше были заняты своими личными дѣлами и спекуляціей и не представляли такого сплошного ужаса для обывателей, какъ это было въ Москвѣ. Только въ послѣдніе дни моего пребыванія тамъ, по директивамъ центра, была учреждена чрезвычайка, которая начала свою дѣятельность съ обхода квартиръ буржуазіи и интеллигенціи, производила ни съ того, ни съ сего аресты или ограничивалась одними угрозами, если своевременно получала выкупъ. Три такихъ бандита съ револьверами въ рукахъ явились и ко мнѣ на квартиру, но къ счастью у меня уже была въ рукахъ телеграмма отъ

военнаго руководителя изъ Ярославля, которая произвела свое желательное дѣйствіе.

Въ Сызрани я произвелъ еще маленькую развѣдку въ офицерской средѣ. Оказалось, что тутъ осѣло довольно много (до 500) офицеровъ, но никакой организаціи среди нихъ не было. Сравнительная дешевизна съѣстныхъ продуктовъ не заставляла очень бѣдствовать; офицерство — какъ это бываетъ въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, знало другъ друга и въ случаѣ надобности ихъ можно было бы соорганизовать очень быстро. Создавать же организацію заранѣе было далеко не безопасно, такъ какъ все, что совершалось въ городѣ, немедленно зналъ весь городъ. Эти данныя я сообщилъ въ Москву, но отвѣта не получилъ, а 1-го или 2-го іюня я выѣхалъ въ Ярославль.

Событія въ Ярославлѣ разыгрались иначе, чѣмъ я предполагалъ, собственно говоря они разыгрались слишкомъ поспѣшно, благодаря выступленію чеховъ въ Самарѣ. По своемъ прибытіи въ Ярославль, я отыскалъ ком-округа генерала Ливенцова, который жилъ въ вагонѣ на вокзалѣ. Онъ былъ радъ моему прибытію, сказалъ, что я пріѣхалъ во время, такъ какъ штабъ округа болѣе или менѣе сформированъ и можно будетъ приступать къ формированію войсковыхъ частей, сказалъ, что о моемъ назначеніи начальникомъ дивизіи онъ говорилъ въ штабѣ формированія въ Москвѣ и тамъ это одобрили, велѣлъ потомъ подать на его имя заявленіе и высказалъ надежду, что дня черезъ два-три, я буду утвержденъ приказомъ и смогу приступить къ формированію штаба и частей по уже выработанному плану. Я желалъ быть поскорѣе утвержденнымъ, чтобы, занявъ легальное положеніе, имѣть

возможность, не вызывая никакихъ подозрѣній, сноситься съ нужными мнѣ лицами подъ видомъ приглашенія ихъ на службу. Однако, прошла недѣля и о моемъ утвержденіи не было и рѣчи. На вопросъ мой по этому поводу, генералъ Ливенцовъ отвѣтилъ, что этого утвержденія не желаетъ окружной комиссаръ. Этимъ комиссаромъ былъ нѣкто Аркадіевъ, о которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и который, по моему, рѣшительно ничего не могъ имѣть противъ меня. Тѣмъ временемъ я уже успѣлъ собрать справки о мѣстѣ жительства нѣкоторыхъ своихъ старыхъ сослуживцевъ и знакомыхъ, находившихся кромѣ Ярославля преимущественно въ Костромѣ, Шуѣ и въ Рыбинскѣ, и которыхъ мнѣ надо было повидать; кромѣ того необходимо было съѣздить въ Москву, чтобы возстановить оборванныя связи и подробно оріентироваться въ настоящемъ положеніи нашего союза. Поэтому я попросилъ у ген. Ливенцова выдать мнѣ хоть временное удостовѣреніе личности, впредь до моего утвержденія. Запасшись этимъ удостовѣреніемъ, я собрался было прежде всего поѣхать въ Москву, но неожиданно пріятно былъ пораженъ, встрѣтивъ въ Ярославлѣ на бульварѣ д-ра Григорьева вмѣстѣ съ капитаномъ Скраббе, бывшимъ начальникомъ хозяйственной части 2-го Латышскаго Стрѣлковаго полка, который еще лѣтомъ 1917 года такъ энергично боролся съ большевистскими ораторами на собраніяхъ полковыхъ комитетовъ. Отъ нихъ я узналъ много новостей, еще болѣе поразившихъ меня, которыя въ общемъ сводились къ слѣдующему: Союзъ за послѣдніе мѣсяцы сильно выросъ, преимущественно за счетъ провинціальныхъ городовъ. Чудодѣйственную силу оказали также средства, полученныя Савинковымъ въ достаточномъ количествѣ. По словамъ

Н. С. въ союзѣ въ настоящее время числилось до 3000 организованныхъ офицеровъ. Я этимъ цифрамъ особенно не вѣрилъ, такъ какъ Москва меня уже научила, что далеко не всѣ, числящіеся на бумагѣ, могутъ считаться за настоящую боевую силу, а точной провѣрки, особенно въ провинціяхъ, конечно, никто не производилъ. Отъ дѣятельности въ Москвѣ союзъ окончательно отказался — къ этому рѣшенію пришли послѣ провала нашего штаба на Молочномъ переулкѣ, гдѣ было арестовано въ маѣ мѣсяцѣ нѣсколько близко къ штабу стоящихъ офицеровъ, въ томъ числѣ мой бывшій помощникъ кап. Рубисъ и дѣятельный членъ организаціи шт. кап. Пинка — тоже 2-го Латышскаго Стрѣлковаго полка. Одновременно съ проваломъ нашего штаба былъ арестованъ также генералъ Довгертъ, стоявшій во время моего пребыванія въ Москвѣ во главѣ одной изъ самыхъ сильныхъ организацій, съ которымъ мы поддерживали связь, но котораго отчасти побаивались, подозрѣвая его также въ базированіи на нѣмцевъ, такъ какъ не могли никакъ выяснить откуда эта организація беретъ средства, въ которыхъ она видимо не нуждалась. Теперь же, какъ намъ сообщилъ Н. С., ген. Довгертъ, отпущенный большевиками, сидитъ въ штабѣ у графа Мирбаха. Прекращая дѣятельность въ Москвѣ, союзъ эвакуировался въ Приволжскіе города и постановилъ, въ связи съ выступленіемъ чеховъ, въ самомъ близкомъ времени произвести возстаніе одновременно въ цѣломъ рядѣ Приволжскихъ городовъ; — образовать такимъ образомъ Поволжскій фронтъ, облегчая тѣмъ самымъ движеніе чеховъ вдоль Волги и французскаго десанта изъ Архангельска. На этотъ послѣдній возлагались большія надежды, и самое рѣшеніе о такомъ спѣшномъ выступленіи

3

было принято подъ диктовку французскихъ властей. Большая часть союза во главѣ съ генераломъ Рычковымъ, принявшимъ на себя командованіе всѣми вооруженными силами союза, эвакуировалась въ Казань. Часть Московской организаціи и Калужскій отрядъ, во главѣ съ полк. Перхуровымъ эвакуировались въ Ярославль. Небольшая группа во главѣ съ полк. Брѣдисомъ — въ Рыбинскъ. Часть Московской организаціи во главѣ съ д-ромъ Григорьевымъ — въ Муромъ. Не выработанными остались еще планы относительно Костромы, Вологды, Шуи и Ивановъ-Вознесенска, гдѣ также предполагались возстанія, но гдѣ еще не были созданы мѣстныя организаціи. Такое рѣшеніе было вынесено уже окончательно и, какъ мнѣ потомъ говорилъ Б. В. Савинковъ, въ связи съ рѣшеніемъ объединившихся политическихъ партій. Слѣдовательно, оставалось напрячь всѣ силы, чтобы обезпечить успѣхъ въ рамкахъ этого плана. Времени для этого оставалось не много, такъ какъ выступленіе предназначалось въ концѣ іюня. Этимъ и объяснялся пріѣздъ Н. С. въ Ярославль, такъ какъ надо было посвятить во все это представителей Ярославской организаціи и приступить къ выработкѣ предварительныхъ соображеній и плановъ выступленія, а А. П. Перхуровъ самъ пріѣхать не могъ. Съ тѣмъ же самымъ Н. С. долженъ былъ ѣхать еще въ Кострому, а А. П. Перхуровъ въ Вологду. Такъ какъ Н. С. нашелъ меня въ Ярославлѣ, то часть этихъ порученій я взялъ на себя и въ этотъ же вечеръ отправился въ Кострому, чтобы войти въ связь съ мѣстной Костромской организаціей по данному адресу и паролю.

Въ Костромѣ я первымъ дѣломъ разыскалъ своего стараго боевого товарища подполк. Калпа-

ка, впослѣдствіи погибшаго геройской смертью въ Латвіи. Калпакъ также недавно вернулся съ Румынскаго противогерманскаго фронта, гдѣ этотъ фронтъ все-таки держался вплоть до самого Брестскаго мира. Ни о какихъ офицерскихъ организаціяхъ въ Костромѣ онъ ничего не зналъ. Переночевавъ у него, я на слѣдующій день отправился по данному адресу. Я позволю разсказать себѣ маленькую подробность, чтобы показать, какъ легко неопытному въ конспиративныхъ дѣлахъ нарваться иногда на гибельныя непріятности. Дверь въ означенной квартирѣ открылъ мнѣ сѣдой старичекъ, который на мой вопросъ, здѣсь ли живетъ шт. кап. П., провелъ меня черезъ гостиную и указалъ на дверь причемъ предупредилъ, что можетъ быть П. еще спитъ. Я постучался и, получивъ разрѣшеніе войти, дѣйствительно, нашелъ П. еще въ кровати. Поклонившись я назвалъ пароль, но П. удивленно спросилъ, что это значитъ. Я повторилъ пароль еще явственнѣе, но П. только пожалъ плечами и отвѣтилъ, что ничего не понимаетъ. Только тогда я догадался спросить дѣйствительно ли онъ П., на что онъ отвѣтилъ, что онъ поручикъ С. Тогда я, досадуя, что мнѣ дали невѣрный адресъ, извинился за безпокойство и хотѣлъ было удалиться, но поручикъ С. сказалъ, что въ этой же квартирѣ живетъ еще одинъ офицеръ и можетъ быть, тотъ и нуженъ мнѣ. Дѣйствительно, такъ и оказалось. Квартирный хозяинъ сдалъ двѣ изъ своихъ комнатъ квартирантамъ, фамиліи которыхъ самъ не помнилъ. Слава Богу, что недоразумѣніе не повлекло за собой никакихъ дурныхъ послѣдствій, что такъ легко могло случиться въ то время. Шт.-кап. П., съ которымъ, какъ оказалось,

я былъ знакомъ еще на фронтѣ, мало могъ мнѣ сообщить утѣшительнаго. Организація, которой онъ являлся представителемъ, состояла всего на всего изъ 8 человѣкъ, — сила, которую, понятно, нельзя было и во вниманіе принимать при серьезныхъ намѣреніяхъ. Тогда я рѣшилъ сдѣлать попытку создать въ Костромѣ что-нибудь на скорую руку. Черезъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ мнѣ удалось нащупать еще одну организацію и познакомиться съ двумя представителями ея, но и эта организація была незначительна и насчитывала всего около 20 человѣкъ членовъ. Обѣ эти организаціи стояли внѣ всякихъ политическихъ платформъ и готовы были работать подъ флагомъ ген. Алексѣева, но объ активномъ выступленіи въ ближайшее время не помышляли безъ солидной посторонней помощи. Послѣдняя изъ организацій была хорошо освѣдомлена о силахъ красныхъ въ Костромѣ, ихъ настроеніи и о боевыхъ запасахъ съ оружіемъ.

Въ Костромѣ въ это время былъ одинъ совѣтскій полкъ, но очень слабаго состава, такъ какъ онъ былъ посланъ на Екатеринбургскій фронтъ, потерпѣлъ ужасное пораженіе отъ чеховъ и разбѣжался. Остатки его, собравшись на другой день послѣ сраженія, по своей инициативѣ выѣхали поѣздомъ обратно въ Кострому. Мой пріѣздъ въ Кострому совпалъ какъ разъ съ возвращеніемъ этого полка. Была довольно жалкая и комическая картина. Полкъ въ составѣ около 150 штыковъ, по прибытіи на ст. Кострому, не пожелалъ оставить вагоны, пока ему не привезутъ фуражекъ и мундировъ, такъ какъ храбрые воины растеряли эти вещи на полѣ сраженія. Кромѣ того, они потребовали

на вокзалъ музыку. Когда все это было исполнено, полкъ во главѣ съ оркестромъ музыки торжественно прослѣдовалъ со станціи въ казармы.

Кромѣ этого полка въ Костромѣ грозной опорой большевизма были организованные коммунисты, состоявшіе по большей части изъ рабочихъ двухъ эвакуированныхъ съ бывшаго фронта фабрикъ. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ организаціи, они могли выставить до 600 штыковъ и, кромѣ того, въ ихъ распоряженіи находилась единственная въ городѣ артиллерія — одинъ тяжелый дивизіонъ. Батареи были поставлены противъ города на правомъ берегу Волги, недалеко отъ станціи, гдѣ была расположена одна изъ эвакуированныхъ фабрикъ. Въ костромскихъ складахъ было много разнаго оружія и очень много снарядовъ и ружейныхъ патроновъ. Обо всѣхъ этихъ припасахъ въ организаціи имѣлись подробныя вѣдомости.

Представители обѣихъ костромскихъ организацій, которыхъ я свелъ вмѣстѣ, обѣщали приложить всѣ свои усилія, для развитія численнаго состава организаціи, я со своей стороны обязался позаботиться о денежныхъ средствахъ и съ этими результатами вернулся въ Ярославль. Д-ра Григорьева я въ Ярославлѣ уже не засталъ. Все, что ему нужно было передать мнѣ (адреса, пароли и часть денегъ), онъ передалъ уже капитану Скраббе, а въ Вологду послалъ молодого офицера Березовскаго.

На слѣдующій день Березовскій вернулся изъ Вологды и привезъ еще болѣе печальныя свѣдѣнія. Офицера, которому было поручено проявить тамъ инициативу и создать организацію, онъ совершенно не нашелъ, уда-

лось ему лишь собрать справки, что этотъ офицеръ изъ Вологды выѣхалъ, но куда, неизвѣстно.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Рыбинска, тамъ дѣло обстояло гораздо лучше, и тамъ имѣлась хорошая офицерская организація, во главѣ съ капитаномъ Г. (я его зналъ лично), которая бралась совершить въ Рыбинскѣ переворотъ безъ посторонней помощи, имѣя въ виду, что въ Рыбинскѣ въ данное время почти не было большевистскихъ воинскихъ частей. Тамъ же была сосредоточена въ большомъ количествѣ артиллерія, которой не было ни въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Команда и офицеры, обслуживавшіе эту артиллерію, были настроены противъ большевиковъ и нѣкоторые изъ нихъ входили въ составъ нашей организаціи. По всѣмъ даннымъ, успѣхъ въ Рыбинскѣ считался обезпеченнымъ и, кромѣ того, можно было разсчитывать, что рыбинская артиллерія подастъ помощь Ярославлю. Я лично не былъ въ Рыбинскѣ и не имѣлъ возможности провѣрить эти данныя, которыя привожу здѣсь со словъ Б. В. Савинкова, полковника Брѣдиса и полк. Перхурова, съ которыми я неоднократно встрѣчался до ярославскаго выступленія.

Обстановка въ Ярославлѣ была слѣдующая: Въ городѣ, въ зданіи кадетскаго корпуса, былъ расквартированъ одинъ совѣтскій полкъ, въ составѣ 4-хъ ротъ, общимъ числомъ штыковъ около 600. Три роты считались мало стойкими, и въ нихъ были ставленники изъ организацій, которые утверждали, что эти роты едва ли даже попытаются оказывать сопротивленіе. Одна же рота, при томъ самая многочисленная, состояла изъ мадьяръ, и считалась стойкой. Въ центрѣ города, въ особнякѣ,

былъ расположенъ особый коммунистическій отрядъ, въ двѣсти штыковъ, считавшійся самой надежной опорой большевиковъ. Кромѣ того былъ отрядъ въ 30—40 человѣкъ конной полиціи, который по настроенію можно было считать на нашей сторонѣ. Наконецъ, авто-пулеметный отрядъ, состоявшій изъ двухъ броневиковъ и пяти пулеметовъ. Вся команда этого авто-отряда — 25 человѣкъ, состояла изъ офицеровъ, входившихъ въ нашу Ярославскую организацію, а ея начальникъ — поручикъ С., являлся однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ офицерской организаціи и одновременно пользовался большимъ довѣріемъ и даже авторитетомъ въ военныхъ дѣлахъ у большевиковъ, они приглашали его на всѣ важнѣйшія засѣданія и не имѣли отъ него почти никакихъ секретовъ.

Офицерская организація Ярославля, во главѣ съ полковникомъ Л., насчитывала до 120 членовъ, не считая авто-пулеметчиковъ. Члены организаціи были раздѣлены на отдѣленія по 5—6 человѣкъ, отдѣленія сводились въ 2 батальона и во главѣ стоялъ полковникъ П. Большинство изъ членовъ состояли на службѣ у большевиковъ, преимущественно въ различныхъ артиллерійскихъ, инженерныхъ и интендантскихъ складахъ, поэтому черезъ нихъ были собраны самыя подробныя данныя обо всемъ военномъ матеріалѣ, имѣвшемся въ распоряженіи большевиковъ. Учитывая силы обѣихъ сторонъ, можно было надѣяться на нѣкоторый успѣхъ въ случаѣ переворота, особенно, если онъ будетъ произведенъ вполнѣ внезапно, и, имѣя въ виду, что будетъ оказана помощь присылкой отрядовъ изъ Москвы и Калуги, а также впослѣдствіи и изъ Рыбинска.

Всѣ приведенныя данныя мы имѣли въ рукахъ въ 20-хъ числахъ іюня. За все это время я посѣщалъ и большевистскій штабъ формированія. Прошло уже 3 недѣли со дня подачи мною заявленія въ этотъ штабъ, но моего утвержденія все еще не было. Въ настоящее время я и не желалъ его, т. к. въ немъ не было уже никакого смысла. Впрочемъ, теперь я уже понялъ истинную причину этого, какъ думалъ, уже полнаго отказа. Я узналъ, что окружной комиссаръ Аркадьевъ, выбранный на эту должность мѣстнымъ совѣтомъ, имѣетъ еще помощника, назначеннаго московскимъ народнымъ комиссаріатомъ, а этимъ помощникомъ оказался Нахимсонъ, бывшій въ свое время фактическимъ редакторомъ «Окопной Правды» и душой всего дѣла разрушенія Рижскаго противогерманскаго фронта, а въ концѣ 1917 года самозванно назвавшійся избраннымъ представителемъ латышскихъ стрѣлковыхъ полковъ въ искосолъ 12-й арміи, будучи самъ евреемъ и никогда не служивши въ латышскихъ частяхъ. Несомнѣнно, что онъ отлично помнилъ меня по 17-му году въ Ригѣ, почему я, конечно, ничего хорошаго для себя не могъ ожидать тутъ. Генералъ Ливенцовъ, впрочемъ, обнадеживалъ еще меня, говоря, что имъ, помимо комиссара, послана еще телеграмма въ Москву, гдѣ онъ настаиваетъ и т. д. Однако, черезъ нѣсколько дней былъ отчисленъ отъ должности и самъ генералъ Ливенцовъ, будто за слишкомъ категорическое требованіе утвержденія представленныхъ имъ проэктовъ, а на его мѣсто былъ назначенъ начальникъ его штаба генералъ Зайченко. Послѣ этого я уже совершенно пересталъ этимъ штабомъ интересоваться и заходилъ туда только изрѣдка

для отвода глазъ, причемъ иногда мнѣ удавалось по документамъ и по приказамъ штаба провѣрить тѣ данныя о силахъ нашего противника, которыя имѣлись у насъ. Въ концѣ іюня переѣхалъ совсѣмъ въ Ярославль А. П. Перхуровъ, назначенный командующимъ Ярославскимъ отрядомъ. Съ его пріѣздомъ устроено было два общихъ засѣданія нашего штаба, гдѣ были еще детально провѣрены силы обѣихъ сторонъ, разработанъ планъ выступленія и составленъ приказъ о выступленіи. Въ первыхъ числахъ іюля пріѣхалъ Б. В. Савинковъ, отъ котораго зависѣло опредѣлить точно день выступленія. Въ эти же дни, по одиночкѣ, прибывали изъ Москвы и Калуги члены нашей организаціи, которыхъ ожидалось около 200 человѣкъ.

При перечисленіи нашихъ силъ я не упомянулъ о солидной поддержкѣ, которая намъ была обѣщана и которая, по моему мнѣнію, должна была лечь въ основаніе нашего выступленія, а именно поддержка со стороны рабочихъ. Недовольство большевистскимъ режимомъ среди рабочихъ въ Ярославлѣ было большое. По сообщеннымъ намъ даннымъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ были поголовно готовы выступить противъ совѣтовъ. Почти такое же настроеніе было среди рабочихъ фабрики Корзинкина. Въ разговорѣ съ Б. В., который, кстати, остановился у меня, я пытался выяснить подробнѣе этотъ вопросъ и настаивать на томъ, что рабочіе въ дѣлѣ выступленія должны подать инициативу, а наша организація явиться только поддержкой имъ и главной боевой силой. Если будетъ наоборотъ, то въ итогѣ получится тотъ же результатъ, какой былъ уже въ Тамбовѣ и Пензѣ, то есть, избіеніе офицеровъ и интелли-

генціи, оставленныхъ въ критическую минуту широкимя массами. Б. В. по существу согласился со мной, но указалъ, что это практически невыполнимо, т. к. за рабочими слишкомъ сильная слѣжка со стороны рабочихъ же большевиковъ и что организовать ихъ для выступленія нѣтъ никакой возможности. Во время своего пребыванія въ Ярославлѣ онъ безпрерывно совѣщался съ видными и вліятельными представителями рабочихъ, которые въ концѣ концовъ гарантировали, конечно, только — «словомъ» — свою помощь въ слѣдующемъ видѣ: черезъ полтора часа послѣ нашего выступленія присоединятся къ намъ 150 человѣкъ рабочихъ одной желѣзнодорожной мастерской, черезъ 4 часа прибудетъ еще 300 человѣкъ, а къ вечеру того же дня еще 300 человѣкъ желѣзнодорожниковъ. Кромѣ того еще надѣются, что на слѣдующій день присоединятся и рабочіе фабрики Корзинкина, а рабочіе остальныхъ фабрикъ, если и не выступятъ на нашей сторонѣ, то во всякомъ случаѣ останутся нейтральными и ни въ коемъ случаѣ не выступятъ на сторонѣ красныхъ.

Днемъ выступленія было опредѣлено 5-ое іюля. Наканунѣ этого дня еще разъ собрался нашъ штабъ въ номерахъ, въ комнатѣ Перхурова для окончательнаго принятія плана и выясненія могущихъ встрѣтиться вопросовъ и недоразумѣній. При окончательномъ подсчетѣ нашихъ силъ для начала выступленія выяснилось, что имѣется всего 300, вмѣсто ожидаемыхъ 400 офицеровъ, т. к. не всѣ ожидаемые прибыли. Пріѣхало 30 чел. калужцевъ, 12 чел. костромичей и только около 50 чел. москвичей. (Моя вторая поѣздка въ Кострому выяснила невозможность что-либо предпринять въ настоящее

время въ Костромѣ, почему и было рѣшено костромичей привлечь также для Ярославля). Приходилось удовлетворяться этими 300 чел., которыхъ было рѣшено разбить на 3 отряда. Половина, то есть 150 чел., при двухъ орудіяхъ должны были разоружить совѣтскій полкъ въ кадетскомъ корпусѣ, 80 человѣкъ съ броневиками разоружить и арестовать коммунистическій отрядъ и запереть его въ большомъ театрѣ. Остальнымъ 70 чел. захватить большевистскій штабъ въ домѣ губернатора, почту, телеграфъ, радіостанцію, казначейство и выставить тамъ караулы. Послѣ этого два первыхъ отряда должны выдѣлить заставу за городъ, а въ городѣ штабъ приступаетъ къ немедленному формированію отрядовъ. На сборный пунктъ собраться къ первому часу ночи, т. к., по случаю бѣлыхъ ночей, въ Ярославлѣ въ это время почти до 12 часовъ еще свѣтло. Мѣсто сборнаго пункта — кладбище въ одной верстѣ отъ сѣверо-западной окраины города, по близости отъ котораго находились склады оружія и патроновъ, нападеніемъ на которые и должно было начаться выступленіе.

На этомъ послѣднемъ засѣданіи начальникъ автоотряда поручикъ С., о которомъ я выше уже говорилъ, сообщилъ намъ интересную новость —, что на бывшемъ въ этотъ день засѣданіи въ совдепѣ обсуждался вопросъ о немедленномъ арестѣ нашего штаба, при чемъ было названо пять фамилій: 3 полковниковъ: Перехурова, моя и Масло, подполковника П. и капитана С., но что ему, поручику С., удалось уговорить отложить этотъ арестъ до болѣе удобнаго момента, когда можно будетъ захватить весь штабъ полностью. Очевидно, имъ недоставало Б. В. Савинкова. Эта новость насъ, конечно, поразила. Мы

никакъ не могли ожидать такой освѣдомленности большевиковъ, но съ другой стороны мы также не могли сомнѣваться въ достовѣрности сообщеннаго, т. к. С. видѣлъ на этомъ засѣданіи меня и Перхурова въ первый разъ и по крайней мѣрѣ моя фамилія ему не должна была быть извѣстна. Во всякомъ случаѣ, это не должно было повліять на рѣшеніе о выступленіи въ завтрашнюю ночь, условлено только было еще передъ вечеромъ зайти въ столовую общества официантовъ около 17 часовъ, но заговорить между собою только въ томъ случаѣ, если у кого-нибудь явится какой-нибудь важный вопросъ. Въ эту столовую на слѣдующій день кромѣ меня пришло только двое: капитанъ С., занявшій мѣсто отказавшагося отъ командованія полкомъ полковника И. и начальникъ автоотряда поручикъ С. Послѣдній, посидѣвъ нѣсколько времени за своимъ столикомъ, подошелъ ко мнѣ и обратился съ вопросомъ, почему на вчерашнемъ совѣщаніи не было ничего сказано о томъ, что будетъ предпринято противъ эшелона красныхъ, стоявшаго въ поѣздѣ на вокзалѣ. Ни я, ни кто-нибудь другой изъ членовъ штаба не имѣли ни малѣйшихъ свѣдѣній о какомъ-то эшелонѣ, поэтому я удивленно спросилъ, что это за эшелонъ, и почему объ этомъ онъ не сообщилъ на вчерашнемъ засѣданіи. С. отвѣтилъ, что онъ былъ убѣжденъ, что про это уже намъ извѣстно, т. к. эшелонъ стоитъ уже 3-й день и отдано уже распоряженіе о пріисканіи для него квартиръ. На вокзалѣ собственно не одинъ, а два эшелона: одинъ въ 470 штыковъ пѣхоты, а другой въ 280 чел. конницы. О цѣли прибытія этихъ войскъ онъ не зналъ.

Меня это извѣстіе окончательно ошеломило:

это была такая сила, съ которой мы справиться не могли. Отложить выступленіе безъ вѣдома Перхурова, мы не были вправѣ, поэтому рѣшили разыскать послѣдняго. Въ ожиданіи А. П., я сидѣлъ на бульварѣ, и тутъ произошла еще одна непріятная для меня встрѣча: за мѣсяцъ времени я вообще успѣлъ присмотрѣться къ Ярославской бульварной публикѣ, но за самые послѣдніе дни появились на бульварахъ совершенно новыя для меня лица, преимущественно молодые люди, элегантно одѣтые. Я приподумалъ, что это, быть можетъ, члены нашей прибывающей организаціи. На этотъ разъ, когда я сидѣлъ сильно взволнованный въ поджиданіи А. П., вдругъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ такихъ молодыхъ людей, безукоризненно одѣтый и заговорилъ со мной по латышски, Извинившись за безпокойство, онъ спросилъ, развѣ я его не узнаю, такъ какъ онъ служилъ когда то писаремъ въ моемъ штабѣ на фронтѣ. Далѣе онъ высказалъ удивленіе по поводу того, что видитъ меня въ Ярославлѣ, тогда какъ онъ читалъ будто въ газетахъ, что я уѣхалъ и поступилъ на службу къ чехамъ. Я въ свою очередь удивился и замѣтилъ, что вѣроятно это написано про кого нибудь другого, такъ какъ наврядъ ли газеты могутъ мной интересоваться. Тогда онъ вытащилъ изъ кармана номеръ «Совѣтскихъ Извѣстій» и показалъ мнѣ статью про чеховъ, гдѣ между прочимъ говорилось что контръ-революціонные офицеры проникаютъ черезъ фронтъ къ чехамъ, какъ напримѣръ латышскій полковникъ Г. уѣхалъ изъ Москвы и поступилъ на чешскую службу. У меня сразу возникло подозрѣніе, что вижу передъ собой агента красной контръ-развѣдки. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ, узнавъ, что я занятъ формированіемъ въ

Ярославлѣ дивизіи, просилъ, не могу ли я опредѣлить на какую нибудь должность его брата, бывшаго студента Рижскаго политехникума, который также пріѣхалъ съ нимъ сюда. Когда я это обѣщалъ, онъ далѣе спросилъ, когда можетъ съ братомъ придти ко мнѣ и, если я позволю, и адресъ моей квартиры. На вопросъ, давно ли онъ въ Ярославлѣ и что дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что пріѣхалъ только что изъ Москвы съ цѣлью закупить кожу — какъ разъ тотъ самый поводъ, который выставляли многіе наши офицеры, какъ причину пріѣзда въ Ярославль. Я не сомнѣвался болѣе, что за каждымъ моимъ шагомъ снова слѣдятъ и даже боялся теперь встрѣтиться съ Перхуровымъ, почему ушелъ съ бульвара.

Въ моихъ глазахъ эшелоны на вокзалѣ явились слишкомъ серьезнымъ препятствіемъ, чтобы его игнорировать; съ другой стороны я не рѣшался безъ вѣдома Перхурова измѣнить принятыя уже рѣшенія, а отлагать рѣшеніе еще далѣе уже нельзя было, такъ какъ не успѣли бы извѣстить всю организацію о томъ, что выступленіе откладывается. Черезъ полчаса офицеръ, посланный на розыски А. П., вернулся ни съ чѣмъ, такъ какъ Перхурова нигдѣ не нашелъ. Тогда мы рѣшили все-таки не медленно дать приказъ, что сегодня выступленіе не состоится. Это было уже около 8 часовъ вечера и распоряженіе отчасти запоздало, такъ какъ не всѣхъ удалось оповѣстить и все таки около 60 человѣкъ явились въ эту ночь на сборный пунктъ, прождали тамъ до разсвѣта, а потомъ разошлись.

На слѣдующее утро я былъ вызванъ въ условленное мѣсто, гдѣ я встрѣтилъ полковника Брѣдиса, который сообщилъ мнѣ слѣдующее: онъ пріѣхалъ изъ Рыбинска

ночью и уже видѣлся съ Перхуровымъ, который вчера не показывался нарочно, имѣя основаніе предполагать, что будетъ схваченъ. Эшелоны на вокзалѣ хотя и серьезное препятствіе, но уже измѣнено ничего быть не можетъ. Въ Рыбинскѣ все готово и ждутъ только Ярославскаго сигнала.

Въ слѣдующую ночь начался Ярославскій копмаръ: — безпрерывный бой продолжался шестнадцать сутокъ и днемъ, и ночью. Большевики, очевидно, что то узнали и приняли мѣры предосторожности, такъ какъ по всей окраинѣ города были разставлены посты и по городу разъѣзжали конные дозоры. Это обстоятельство помѣшало многимъ членамъ организаціи придти на сборный пунктъ. Я направился туда вмѣстѣ съ офицеромъ изъ Московской латышской группы, поручикомъ Биркъ. Для предосторожности мы отправились окружнымъ путемъ мимо Земской больницы, но на окраинѣ города за землянымъ валомъ мы наткнулись по очереди на три дозора. Отъ первыхъ двухъ мы отдѣлались большими обходами, но третій, конный, замѣтивъ насъ, выслалъ въ нашу сторону всадника, который двигался на нѣкоторомъ разстояніи за нами и такимъ образомъ заставилъ вернуться въ городъ; вступить съ нимъ въ объясненіе было безполезно рисковать, а нападеніе могло испортить все дѣло. Мы вернулись въ городъ и присоединились къ отряду, только когда послѣдній, уже захвативъ склады оружія, пришелъ въ городъ, что было около 5 часовъ утра. Оказалось, что на сборномъ пунктѣ собралось всего 100 человѣкъ, которые подъ командой полковника Перхурова и выступили. Но это число было слишкомъ недостаточно,

чтобы справиться со всей задачей, которая требовала внезапности и одновременности. Былъ полностью разоруженъ и арестованъ коммунистическій отрядъ, захваченный послѣ короткаго боя съ караулами; заняты всѣ совѣтскіе штабы; захвачены на квартирахъ нѣкоторые комиссары, въ томъ числѣ и Нахимсонъ, съ которымъ немедленно на улицѣ же прикончили; но недоставало силъ для разоруженія совѣтскаго полка. Поэтому Перхуровымъ было отдано распоряженіе вступить съ нимъ въ переговоры о добровольней сдачѣ и временно занять оборонительное положеніе противъ нихъ въ сторону рѣки Которосль, отдѣляющей пригородъ, въ которомъ находится кадетскій корпусъ, отъ города. Переговоры сначала давали было надежду на добровольную сдачу полка, но когда полк. Перхуровъ потребовалъ ихъ разоруженія, тогда они отвѣтили нежеланіемъ,пока они не выяснятъ станутъ ли на нашу сторону рабочіе.Но не прошло и двухъ часовъ, срокъ слишкомъ не достаточный, чтобы выяснить этотъ вопросъ,какъ со стороны ихъ были открыты активныя дѣйствія. Съ этого момента и начался настоящій бой.

Я постараюсь по возможности не касаться внѣшней стороны этихъ боевъ и всѣхъ ужасовъ, творившихся въ то время въ Ярославлѣ, такъ какъ объ этомъ уже много было написано въ періодической печати, а попробую только освѣтить весь ходъ этого дѣла съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ и цѣлей.

Всѣ наши наличныя силы были двинуты маленькими заставами по всѣмъ улицамъ въ сторону кладбища и желѣзной дороги, ведущей на желѣзнодорожный мостъ. Не успѣли заставы дойти до окраины города,

какъ встрѣтились съ наступающими красными со стороны желѣзной дороги. Это обозначало, что эшелоны, бывшіе на разъѣздѣ, при развѣтвленіи желѣзной дороги на Бологое и на Вологду, вступили въ дѣйствіе. Во что бы то ни стало, надо было выдержать этотъ напоръ. Наше положеніе, хотя въ данный моментъ и критическое, мы все таки не считали плохимъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) жители ликовали, съ самаго утра цѣлыя толпы осаждали нашъ штабъ съ цѣлью записаться въ организующіеся отряды, и можно было надѣяться составить изъ нихъ довольно солидную силу; 2) въ теченіе дня мы ожидали прибытія 700—800 рабочихъ; 3) можно было разсчитывать на помощь изъ Рыбинска; 4) большевикамъ неоткуда было ждать скорой помощи, такъ какъ дорогу на Петроградъ заграждалъ Рыбинскъ; дорогу на Москву взялись испортить желѣзнодорожники, взорвавъ мостъ въ районѣ Ростова; изъ Костромы они ничего не могли взять, т. к. могли ожидать возстанія и тамъ. Не могли также и предполагать, чтобы они могли что - либо снять съ чешскаго фронта и привезти по Вологодской желѣзной дорогѣ. Поэтому первый, второй и отчасти третій дни возстанія были наполнены радостными надеждами. Но уже вечеромъ перваго дня насъ постигло первое огорченіе: рабочіе не явились, но надежда на нихъ еще не была потеряна, т. к. мы узнали, что между ними все еще продолжаются совѣщанія и пренія, но зато прибыло съ утра 80 человѣкъ желѣзнодорожниковъ. Прибывшіе ждали до вечера и, увидя, что товарищи не приходятъ, стали постепенно исчезать, а вечеромъ ушли всѣ.

Слѣдующій день въ этомъ вопросѣ не принесъ ничего новаго, опредѣленныхъ свѣдѣній мы не имѣли, но ходили

слухи, будто рабочіе на митингѣ вынесли постановленіе оставаться нейтральными.

Къ вечеру второго дня пришла делегація отъ крестьянъ двухъ Заволжскихъ волостей просить оружіе для принятія участія въ переворотѣ. Эта вѣсть насъ сильно обрадовала. Условились, что крестьяне соберутся въ селѣ Яковлевскомъ — въ верстахъ 3—4 за Волгой, а оружіе будетъ для нихъ привезено въ Тверицу — Заволжскую часть города. На слѣдующій день въ Яковлевское были отправлены офицеры — инструктора и нашли тамъ собравшихся крестьянъ около 800 человѣкъ. Это комплектованіе уравновѣсило бы потерю столькихъ же рабочихъ, но въ моральномъ отношеніи не было бы равноцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, т. к. не произвело бы должнаго впечатлѣнія на красныя войска. Но и здѣсь постигла насъ неудача. Крестьяне категорически отказались принять участіе въ бояхъ въ Ярославлѣ, а требовали только оружія, чтобы очистить отъ большевиковъ свои деревни. Когда въ этомъ имъ было отказано, то они разошлись, и только человѣкъ 60—70 вступило въ наши ряды. Мы, впрочемъ, не потеряли еще надежды составить изъ крестьянъ отрядъ для активныхъ дѣйствій, особенно разсчитывали на Томскую волость, гдѣ одинъ энергичный прапорщикъ изъ бывшихъ сверхсрочно служащихъ фельдфебелей по своей инціативѣ уже сформировалъ отрядикъ въ 30 человѣкъ, по количеству найденнаго имъ же въ деревняхъ оружія, и оказалъ намъ услугу, помѣшавъ краснымъ переправиться черезъ Волгу въ районѣ Томи. Мы отправили агитаторовъ въ двѣ ближайшія волости, которые всѣхъ навербованныхъ должны были направлять въ село Яковлевское, въ распоряженіе назначеннаго туда офице-

ра. Эта мѣра начала приносить уже результаты, т. к. дня черезъ 2—3 снова въ Яковлевскомъ собралось человѣкъ 200—300 крестьянъ, для которыхъ уже начали отправлять туда оружіе. Но тутъ случился совершенно неожиданный налетъ красныхъ со стороны Вологды, о которомъ скажу ниже. Чтобы не возвращаться больше къ вопросу о попыткахъ организовать крестьянъ, отмѣчу только, что всѣ попытки въ этомъ отношеніи не увѣнчались успѣхомъ, несмотря на настроеніе крестьянъ, бывшее въ нашу пользу. Для этого необходимо было болѣе продолжительное время и спокойствіе. Сдѣлать же это почти подъ выстрѣлами и наспѣхъ — дѣло невозможное.

Я упомянулъ, что уже съ самаго утра перваго дня возстанія нашъ штабъ осаждала цѣлая толпа желающихъ записаться въ наши ряды. Выпущенные въ первый же день воззваніе и приказъ о призывѣ всѣхъ офицеровъ, оказали свое дѣйствіе, и запись шла весьма успѣшно. Я упомянулъ также, что спѣшно сформированные маленькіе отряды отправлялись немедленно, чтобы занять заставами всѣ улицы на окраинахъ города. Для этого требовалось немало силъ, но этимъ нельзя было ни на шагъ продвинуть впередъ наше дѣло. Обстановка требовала разбить бывшія налицо большевистскія войска пока ихъ немного, а для этого нужно было имѣть хотя бы небольшой отрядъ для активнаго дѣйствія. Красные, окружавшіе насъ тонкой линіей, не были сильны и безусловно не имѣли никакихъ резервовъ. Отрядъ въ 200—300 человѣкъ, напавъ на какой-либо изъ ихъ фланговъ и окруживъ его, могъ легко повернуть все дѣло въ нашу пользу. Въ виду этого всѣ усилія штаба были направлены къ созданію такого отряда, но увы — оказа-

лись тщетными. Первые дни я лично былъ занятъ этимъ формированіемъ, но ни разу не удалось сформировать более 50 человѣкъ, какъ поступали съ фронта такія категорическія требованія о присылкѣ поддержки, что нельзя было отказать. Это объяснялось двойнаго рода причинами: среди добровольцевъ было много элементовъ, ни разу не нюхавшихъ пороху, которые уже простой артиллерійскій обстрѣлъ принимали за наступленіе и поэтому страшно грѣшили въ своихъ донесеніяхъ. Главная причина состояла въ томъ, что большинство явившихся на регистрацію, очевидно, полагали, что весь переворотъ уже конченъ, но когда увидѣли, что приходится еще драться, постепенно исчезали по своимъ домамъ, вмѣстѣ съ оружіемъ, и услѣдить за ними въ уличныхъ бояхъ не было ни малѣйшей возможности. Вмѣстѣ съ подчиненными исчезали иногда и начальники заставъ и десятковъ, обнажая такимъ образомъ цѣлыя улицы и кварталы. Вотъ на затычку такихъ дырокъ и уходили положительно всѣ силы, какія только удавалось сформировать. Надо отдать справедливость красным командирамъ, что они своими непрекращающимися ни днемъ, ни ночью яростными нападеніями обезпечили себя отъ возможности съ нашей стороны атаковать ихъ. Разъ не удавалось сформировать отряда для активныхъ дѣйствій изъ добровольцевъ въ городѣ, — мы возлагали надежды, что это удастся сдѣлать изъ крестьянъ, либо рабочихъ, если они измѣнятъ свою тактику, но какъ выше уже было сказано, усилія въ этомъ направленіи не привели ни къ чему. Такое — уже почти безнадежное положеніе выяснилось на 4 либо 5-й день возстанія. Вѣрные принятому на себя долгу офицеры и добровольцы оставались

на позиціяхъ и оказывали очень часто геройскую стойкость и выдержку, но не могло же это положеніе длиться безъ конца, такъ какъ усталость отъ страшнаго напряженія давала себя чувствовать. Тогда было созвано совѣщаніе для обсужденія вопроса, что предпринять намъ дальше. На совѣщаніи съ достаточной ясностью обрисовывалась необходимость эвакуироваться изъ города, пока не поздно, хотя были и голоса противъ. Эти послѣдніе все еще возлагали надежду на Рыбинскъ и на обѣщанную помощь десанта союзниковъ изъ Архангельска. На десантъ лично я никакихъ надеждъ не возлагалъ, такъ какъ помощь эта фактически не выполнима вслѣдствіе громадной отдаленности. Я въ то время еще не терялъ надежды на возможность организовать крестьянскіе отряды въ Томской волости, которые, переправившись черезъ Волгу въ районѣ стараго лагеря, могли бы напасть на красныхъ съ тыла. Рѣшеніе было принято не окончательное. Съ одной стороны рѣшено было сдѣлать всѣ подготовительныя распоряженія для эвакуаціи, а съ другой, усилить дѣятельность по созданію крестьянскихъ отрядовъ.

Мнѣ памятно изъ этого засѣданія еще одно обстоятельство. Какъ мѣру противъ постоянной «утечки» нашего фронта, благодаря чему таяли всѣ наши съ большимъ трудомъ образованные резервы, я предложилъ немедленное проведеніе на фронтѣ же строгой военной организаціи, безъ которой вообще немыслимо управлять участками. Уже въ это время было пять участковъ съ ихъ начальниками, но сражающіеся на этихъ участкахъ офицеры и добровольцы не были раздѣлены на отдѣленія, взводы, роты и т. д. Не было установлено никакихъ на-

ружныхъ знаковъ принадлежности къ данному участку, люди между собой другъ друга, конечно, мало знали, вслѣдствіе всего этого практиковались самовольные переходы съ участка на участокъ, часто самовольные уходы, начальники участковъ не могли организовывать отдыха, путемъ образованія резервовъ и производства поочередныхъ смѣнъ отдѣленій на болѣе трудныхъ мѣстахъ. Штабъ также не имѣлъ возможности регулировать силы, занимающія участки, по степени ихъ важности. Эта элементарная мѣра диктовалась крайней необходимостью, между тѣмъ предложеніе ея встрѣтило довольно упорныя возраженія со стороны двухъ присутствующихъ на засѣданіи офицеровъ генеральнаго штаба — уже не въ молодыхъ чинахъ. Эти офицеры генеральнаго штаба появились у насъ не добровольцами, а вслѣдствіе приказа о призывѣ на службу всѣхъ офицеровъ, а до этого времени состояли на службѣ въ красномъ штабѣ. Въ то время я не обратилъ почти никакого вниманія на этотъ мелкій случай, но теперь, когда въ теченіе двухъ лѣтъ у меня подобныхъ фактовъ накопилось довольно много, у меня уже сложилось убѣжденіе, что это была не случайность, а то что эти офицеры работали не въ нашу пользу, — почему и упоминаю здѣсь объ этой подробности.

Упомянутую мѣру мнѣ все таки удалось провести въ жизнь. На участкахъ были составлены списки, сдѣланы соотвѣтствующія подраздѣленія, организованы смѣны, начальники участковъ надѣлены правами командировъ полковъ — все это сразу придало стойкость нашему фронту, и штабъ только съ этого времени началъ имѣть возможность сколько нибудь учитывать наши собственныя силы. На 6 или 7 день возстанія у насъ на всемъ

фронтѣ подъ ружьемъ было около 700 штыковъ, что сравнительно съ числомъ выданнаго оружія было оченъ немного, такъ какъ зарегистрировано и отправлено на фронтъ было болѣе 2000 человѣкъ. Приблизительно въ это время случился третій уже болѣе серьезный налетъ красныхъ на Тверицу со стороны Вологды. По нашимъ свѣдѣніямъ это была пулеметная команда I-го Латышскаго Стрѣлковаго полка, поддерживаемая отрядомъ коммунистовъ города Данилова. Свой первый налетъ они сдѣлали тремя днями раньше. Пріѣхали они поѣздомъ, въ составѣ котораго были двѣ бронированныя платформы съ двумя орудіями и нѣсколькими пулеметами. Въ первый разъ они ограничились захватомъ Филино и ограбленіемъ деревни Яковлевской, гдѣ разогнали собравшихся крестьянъ, а затѣмъ уѣхали обратно. До этого времени у нихъ на восточной сторонѣ Волги были только заставы у деревни Савино, у станціи Филино, ст. Урочь и у желѣзнодорожнаго моста. Послѣ этого мы усилили наши силы у ст. Филино, образовавъ цѣлый новый участокъ фронта. Немного спустя, красные повторили свой набѣгъ, во время котораго пострадала одна наша застава, составленная изъ группы латышскихъ офицеровъ. На этотъ разъ удалось прогнать красныхъ благодаря движенію начальникомъ участка небольшого резерва въ тылъ красныхъ, черезъ лѣсъ южнѣе Филино. Въ этотъ же день краснымъ удалось овладѣть западнымъ концомъ желѣзнодорожнаго моста, гдѣ они установили пулеметы и угрожали нашему сообщенію черезъ Волгу. Переѣзжая въ этотъ день черезъ Волгу вмѣстѣ съ полковникомъ Масло и капитаномъ Скраббе, мы подверглись обстрѣлу пулеметомъ съ конца моста, при чемъ смертельно

былъ раненъ капитанъ Скраббе — одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ Ярославскаго возстанія.

Свой третій налетъ на Тверицу красные произвели какъ видно, уже съ большими силами; они вытѣснили нашихъ изъ ст. Филино и заняли также одно время ст. Урочь почти у самаго берега Волги. Это было уже слишкомъ опасное положеніе, такъ какъ Тверица была единственнымъ путемъ нашего отхода изъ Ярославля, и съ занятіемъ красными Тверицы у насъ уже обрывалась всякая связь съ внѣшнимъ міромъ и прерывалась вся работа по организаціи крестьянъ, на которыхъ мы возлагали свои послѣднія надежды. Въ то время, какъ было получено это сообщеніе въ нашемъ штабѣ, меня не было тамъ. Я какъ разъ объѣзжалъ весь нашъ фронтъ, съ цѣлью выяснить болѣе пассивные участки, съ которыхъ можно было бы снять часть силъ, для начала эвакуаціи. Когда я уже вернулся вечеромъ въ штабъ, то засталъ тамъ всѣхъ въ полномъ переполохѣ. Полковникъ Перхуровъ поставилъ подъ ружье почти весь штабъ до писарей включительно, а равно и телефонистовъ, присоединивъ къ нимъ всѣ сформированные въ послѣдніе дни резервы, въ общемъ собралось около 150 человѣкъ. Эту роту онъ поручилъ генералу Л. съ приказомъ двигаться въ Тверицу и возстановить прежнее положеніе. Но генералъ Л. отказывался, ссылаясь на то, что онъ какъ артиллеристъ, не достаточно опытенъ, чтобы справиться съ этой тяжелой задачей. Тогда Перхуровъ поручилъ это дѣло полковнику А. — пѣхотинцу, но и этотъ отказался. Послѣ этого Перхуровъ поручилъ это дѣло мнѣ. Я не возражалъ и отправился, конечно, не ручаясь за полный успѣхъ.

Переправившись тогда черезъ Волгу, мнѣ уже не пришлось вернуться ни разу въ Ярославль. Послѣдніе 5 дней, которые длился бой въ Тверицѣ, я мало зналъ положеніе, которое было въ городѣ послѣ моего отъѣзда. Прежде, чѣмъ разсказывать дальнѣйшія событія въ Тверицѣ, я вкратцѣ упомяну о томъ, въ какомъ положеніи я оставилъ городъ.

Нашъ фронтъ въ городѣ тянулся отъ устья рѣки Которосль по берегу этой рѣки. На высотѣ сѣнной площади онъ поворачивалъ къ этой площади, пересѣкалъ ее и выходилъ къ земляному валу западнѣе губернской земской больницы. Земская больница, какъ находившаяся за городской чертой, находилась между фронтами. Оттуда наша линія раньше тянулась къ желѣзнодорожной линіи и мосту черезъ Волгу, но въ послѣдніе дни флангъ былъ откинутъ назадъ и находился на высотѣ сожженнаго зданія городского водопровода. Кварталы къ западу отъ сѣнной площади, были по большей части сожжены, т. к. красные по ночамъ подползали и, обливая керосиномъ дома, поджигали ихъ, чтобы заставлять насъ этимъ путемъ осаживать. Кварталы по близости водопровода были сплошь сожжены артиллерійскимъ огнемъ. Всѣ лучшіе дома въ городѣ, начиная съ Демидовскаго лицея и фабричные дома, были также разрушены, либо сожжены артиллеріей красныхъ. Несмотря на сильное разрушеніе кругомъ, защитники города чувствовали себя довольно бодро и увѣренно. Когда до нихъ дошли свѣдѣнія о предполагаемой эвакуаціи города, то большинство заявило, что они ни за что не оставятъ города, т. к. не могутъ бросить здѣсь свои семьи и родныхъ. Болѣе пассивный фронтъ со стороны рѣки Ко-

торосль можно было значительно ослабить, усиливъ соотвѣтственно районъ Сѣнной площади и районъ городского водопровода, гдѣ красные производили безпрерывныя атаки. На каждомъ изъ нашихъ четырехъ боевыхъ участковъ было въ среднемъ около 6 пулеметовъ. Въ винтовкахъ недостатка не было, но начиналъ ощущаться недостатокъ въ патронахъ, поэтому предполагалось перевооружать участки по очереди японскими винтовками, которыхъ въ складѣ было достаточно, съ достаточнымъ количествомъ патроновъ, оставшіеся же къ этому времени ружейные патроны оставлялись исключительно для пулеметовъ. Общимъ резервомъ для всѣхъ участковъ служилъ единственный броневой автомобиль (было въ началѣ два, но одинъ испортился), который всегда появлялся тамъ, гдѣ положеніе стало критическимъ и, надо отдать справедливость, своими дѣйствіями всегда возстанавливалъ положеніе. Въ этомъ положеніи остался городъ, когда я отправился въ Тверицу.

Не знаю, вслѣдствіе ли переправы нашего отрядика черезъ Волгу, либо по какой-нибудь другой причинѣ, но красные опять оставили занятыя ими мѣста въ Тверицѣ и уѣхали на своемъ поѣздѣ въ сторону Данилова. Мы воспользовались этимъ, чтобы возстановить здѣсь наше положеніе. Но силъ было слишкомъ мало, чтобы весь большой фронтъ отъ желѣзнодорожнаго моста на Филино и далѣе къ деревнѣ Савино, занять сколько-нибудь устойчиво, — изъ всего бывшаго тутъ отряда около 180 человѣкъ мнѣ удалось набрать всего лишь человѣкъ 40, къ которымъ я прибавилъ прибывшихъ со мной 150. Поэтому я иначе распредѣлилъ разстановку наблюденія, ставя заставы въ наиболѣе опасныхъ направле-

ніяхъ, въ верстахъ 2—3 впереди станціи Филино велѣлъ разобрать рельсы, на разстояніи хорошаго обстрѣла отъ разобраннаго мѣста укрылъ въ двухъ направленіяхъ, въ замаскированныхъ окопахъ по одному отдѣленію съ пулеметами, которые воспрепятствовали бы исправленію пути. Оставшуюся роту, силою около 80 человѣкъ, держалъ въ кулакѣ, для активныхъ дѣйствій, пользуясь мѣстными укрытіями, которыхъ тутъ было въ изобиліи. При себѣ на станціи Урочь оставилъ въ видѣ общаго резерва остатокъ Калужанъ — около 20 человѣкъ, нуждавшихся въ передышкѣ послѣ упорныхъ боевъ. Такая готовность гораздо болѣе соотвѣтствовала обстановкѣ и такую на самомъ дѣлѣ приняли на слѣдующій день. Однако, къ вечеру генералъ Л., который по своему желанію былъ оставленъ командиромъ этой роты у станціи Филино, безъ моего вѣдома, распорядился иначе, даже не донося мнѣ объ этомъ. Онъ снялъ двѣ заставы, наблюдавшія разрушенный путь, присоединилъ ихъ къ себѣ и растянулъ всю роту по широкому фронту въ лѣсу впереди станціи Филино. Утромъ рано онъ за это былъ наказанъ, т. к. красные нагрянули сосредоточеннымъ кулакомъ и наша рѣдкая цѣпь, хотя и встрѣтила ихъ огнемъ, — не могла выдержать ихъ напора и отступила. Насилу, при помощи моего резервика, удалось остановить отступающихъ уже на самой окраинѣ Тверицы и тутъ начался снова бой, продолжавшійся еще 4 сутокъ.

Уже съ самаго начала этого періода боя я видѣлъ безполезность такой обороны,если не будутъ приняты другія мѣры. Сносясь по телефону съ полковникомъ Перхуровымъ, я настаивалъ, чтобы весь отрядъ былъ переброшенъ въ Тверицу, и, освободивъ путь на Даниловъ, отходилъ въ

этомъ направленіи, съ цѣлью соединиться съ французскимъ десантомъ, двигающимся изъ Архангельска, но въ штабѣ этого не пожелали, ссылаясь все на новыя надежды на помощь рабочихъ двухъ небольшихъ заводиковъ въ городѣ, съ которыми будто идутъ успѣшные переговоры. Мой отрядъ таялъ прямо таки по часамъ; много выбывало ранеными; многіе оставляли свои мѣста самовольно, видя безнадежность положенія и чувствуя страшную усталость. Въ концѣ второго дня у меня осталось не болѣе 80 человѣкъ бойцовъ. Тогда Перхуровъ обѣщалъ мнѣ помочь «съ другой стороны» своими силами, — какъ онъ выразился по телефону. Изъ туманныхъ поясненій я понялъ, что онъ намѣренъ выѣхать ночью на пароходѣ съ отрядомъ вверхъ по Волгѣ и, пополнивъ свои ряды крестьянами, напасть на тылъ красныхъ въ Тверицѣ. Благодаря бѣлой ночи, мы сами убѣдились, что, дѣйствительно, пароходъ отчалилъ и благополучно проѣхалъ подъ мостъ, а затѣмъ скрылся въ потемкахъ. Всю ночь и весь слѣдующій день, отчаянно борясь со слишкомъ превосходнымъ противникомъ, мы поджидали обѣщанной помощи «съ другой стороны», но напрасно. Въ концѣ слѣдующаго дня, генералъ Карповъ, вступившій послѣ выѣзда Перхурова въ командованіе Ярославскимъ отрядомъ, на мое донесеніе о безвыходности положенія, убѣдилъ меня продержаться еще сутки, т. к. Перхурова могло, можетъ-быть, задержать какое-либо неожиданное обстоятельство, а въ случаѣ, если до вечера слѣдующаго дня ничего не послѣдуетъ, остаткамъ моего отряда переправиться обратно въ городъ. На мое заявленіе о безсмысленности такого обратнаго переѣзда, онъ напомнилъ нашу прежнюю совмѣстную службу, гдѣ онъ былъ моимъ

начальникомъ на западномъ фронтѣ, и я повиновался. Еще онъ пояснилъ, что онъ переходитъ на инженерную оборону.

Прождавши опять напрасно весь день, мы вечеромъ стали уже дожидаться прибытія за нами парохода — беперевоза. Въ часъ ночи отчалилъ пароходъ съ того берега и, когда онъ сталъ приближаться къ нашему берегу, я со своимъ адъютантомъ побѣжали, чтобы снять посты. Когда я вернулся съ послѣдними бойцами съ постовъ и приближался къ берегу, пароходъ отчалилъ, несмотря на наши крики подождать насъ. Пароходъ находился подъ пулеметнымъ огнемъ со стороны ст. Урочь и, очевидно, не могъ больше ждать. Мы остались 16 человѣкъ въ безпомощномъ положеніи на берегу, остальные, съ постовъ, болѣе близкихъ къ берегу, успѣли сѣсть на пароходъ. Въ послѣдній день у насъ оставалось бойцовъ человѣкъ 35—40 и кромѣ того — человѣкъ 10 —, заботившихся по хозяйству и разносившихъ патроны. Каждую минуту красные, замѣтивши нашъ отходъ, могли подойти къ берегу и насъ захватить. Мы стояли на мѣстѣ, не зная, что предпринять. Болѣе спокойная часть нашего участка была къ югу, со стороны деревни Савино, откуда сегодня, почти весь день, не было стрѣльбы. Мы направились берегомъ въ ту сторону. Но не отошли мы еще 300 шаговъ, какъ замѣтили, что съ того берега снова отчаливаетъ пароходъ, на этотъ разъ другой, поменьше. Мы побѣжали навстрѣчу. Осталось между нами уже не болѣе 30 саженей, какъ по пароходу красные снова открыли сильный пулеметный огонь, почему пароходъ повернулъ обратно, и мы очутились въ еще болѣе худшемъ положеній, т. к. красные, замѣтивъ насъ, напра-

начальникомъ на западномъ фронтѣ, и я повиновался. Еще онъ пояснилъ, что онъ переходитъ на инженерную оборону.

Прождавши опять напрасно весь день, мы вечеромъ стали уже дожидаться прибытія за нами парохода — перевоза. Въ часъ ночи отчалилъ пароходъ съ того берега и, когда онъ сталъ приближаться къ нашему берегу, я со своимъ адъютантомъ побѣжали, чтобы снять посты. Когда я вернулся съ послѣдними бойцами съ постовъ и приближался къ берегу, пароходъ отчалилъ, несмотря на наши крики подождать насъ. Пароходъ находился подъ пулеметнымъ огнемъ со стороны ст. Урочь и, очевидно, не могъ больше ждать. Мы остались 16 человѣкъ въ безпомощномъ положеніи на берегу, остальные, съ постовъ, болѣе близкихъ къ берегу, успѣли сѣсть на пароходъ. Въ послѣдній день у насъ оставалось бойцовъ человѣкъ 35—40 и кромѣ того — человѣкъ 10 —, заботившихся по хозяйству и разносившихъ патроны. Каждую минуту красные, замѣтивши нашъ отходъ, могли подойти къ берегу и насъ захватить. Мы стояли на мѣстѣ, не зная, что предпринять. Болѣе спокойная часть нашего участка была къ югу, со стороны деревни Савино, откуда сегодня, почти весь день, не было стрѣльбы. Мы направились берегомъ въ ту сторону. Но не отошли мы еще 300 шаговъ, какъ замѣтили, что съ того берега снова отчаливаетъ пароходъ, на этотъ разъ другой, поменьше. Мы побѣжали навстрѣчу. Осталось между нами уже не болѣе 30 саженей, какъ по пароходу красные снова открыли сильный пулеметный огонь, почему пароходъ повернулъ обратно, и мы очутились въ еще болѣе худшемъ положеніи, т. к. красные, замѣтивъ насъ, напра-

вили свой огонь вдоль берега. Тутъ уже приходилось бѣжать подъ свистомъ пуль, безпрестанно запутываясь въ телефонную проволоку, сброшенную разрывами снарядовъ со столбовъ. Скоро, однако, складки берега насъ прикрыли отъ пулеметнаго огня, и мы могли болѣе спокойно продолжать свой путь, и такъ дошли берегомъ, а иногда и развалинами домовъ, до деревни Савино, гдѣ, прикрывшись въ маленькомъ оврагѣ, произвели развѣдку, какъ незамѣченными пройти отъ берега въ лѣсъ. Застава красныхъ, бывшая въ Савино, либо спала, либо была снята, такъ что намъ удалось благополучно достичь громаднаго лѣса — болота, тянувшагося на нѣсколько верстъ вдоль и отъ берега Волги. Тутъ мы почувствовали себя временно спасенными и задавались уже цѣлью пріискать сухое мѣсто для отдыха — ночлега. Еще въ теченіе 2-хъ дней послѣ этого, мы старались установить связь съ Перхуровымъ, но, когда и это не удалось, то пришли къ необходимому выводу — распрощаться съ Ярославлемъ.

* *
*

Вспоминая теперь Ярославскія событія, мнѣ приходятъ на память много подробностей, интересныхъ встрѣчъ и разговоровъ, вспоминается много старыхъ боевыхъ товарищей, впослѣдствіи павшихъ жертвой большевистской расправы въ городѣ, и теперь снова ощущаю жуткость многихъ минутъ, но все это уже не имѣетъ отношенія къ цѣлямъ моихъ воспоминаній. Я вспомню здѣсь только о двухъ случаяхъ, оставшихся до сего времени для меня не совсѣмъ понятными. Въ первые дни возстанія, нашъ

штабъ наводняла цѣлая масса разныхъ лицъ по всевозможнымъ поводамъ и справкамъ: не было никакой возможности отдѣлаться отъ этой толпы, отвѣтить на всѣ вопросы и справки. Пользуясь этимъ, въ нашъ штабъ, конечно, проникали красные лазутчики, которые пристраивались даже на должностяхъ въ штабѣ. Одинъ изъ нихъ, ходившій все время обвѣшанный ручными гранатами, револьверами и кинжалами, случайно потомъ былъ изобличенъ и разстрѣлянъ. Но приходили и такія лица, цѣлей посѣщенія которыхъ мы не понимали. Почти 2 дня провелъ въ нашемъ штабѣ генералъ В. Я не былъ съ нимъ знакомъ и даже не зналъ что онъ генералъ. Какъ-то, когда я выбралъ свободную минуту напиться чаю, онъ подошелъ ко мнѣ, отрекомендовался казачьимъ генераломъ В. и предсѣдателемъ Петроградскаго союза георгіевскихъ кавалеровъ. Сначала я подумалъ, что онъ предложитъ свои услуги въ нашей работѣ и началъ придумывать, какъ отнестись къ этому. Но онъ — началъ разговоръ совершенно на другую тему, о бывшихъ дѣлахъ на фронтѣ и о томъ, что дѣлается въ Москвѣ и Петроградѣ, немножко поинтересовался нашими намѣреніями и положеніемъ дѣлъ въ Ярославлѣ, но затѣмъ перевелъ разговоръ на то, что ему, какъ представителю Георгіевскаго союза очень хорошо извѣстно настроеніе офицеровъ въ Петроградѣ, гдѣ въ настоящее время нѣсколько десятковъ тысячъ офицеровъ, изъ которыхъ будто 90% придерживается германской оріентаціи. Далѣе, онъ опять незамѣтно перевелъ разговоръ на свои личныя дѣла, разсказывая, что онъ тутъ въ Ярославлѣ остановился случайно, проѣздомъ на Донъ, что онъ, человѣкъ матеріально независимый, что хотѣлъ бы имѣть компані-

она для поѣздки туда сейчасъ, и два раза упомянулъ о томъ, что у него сейчасъ при себѣ 30,000 совершенно свободныхъ денегъ. Меня вызвали по дѣламъ, разговоръ оборвался, и я почти забылъ о немъ, только впослѣдствіи въ разговорѣ съ А. П., я вспомнилъ о немъ и узналъ отъ А. П., что генералъ В. — человѣкъ опредѣленной германской оріентаціи, дѣятельно работающій въ этомъ направленіи.

Другой случай, о которомъ я хочу тутъ вспомнить — это встрѣча тутъ же въ штабѣ въ эти самые дни съ двумя французскими летчиками. Они явились къ намъ въ штабъ во французской формѣ, чтобы освѣдомиться, что вообще дѣлается въ Ярославлѣ, и могутъ ли они выѣхать изъ города. Они говорили довольно хорошо по-русски. Разсказывали, что они пріѣхали изъ Москвы и теперь не могутъ выѣхать обратно. Когда полковникъ Перхуровъ началъ ихъ разспрашивать, не имѣютъ ли они какихъ-нибудь свѣдѣній о десантѣ союзниковъ въ Архангельскѣ, и намекнулъ на наше желаніе поскорѣе встрѣтиться съ этимъ десантомъ, они, хотя ничего и не могли сообщить намъ объ этомъ десантѣ, но выразили готовность вмѣсто Москвы, куда теперь пробраться трудно, ѣхать въ Архангельскъ, и, если будетъ возможно, то чѣмъ-нибудь намъ помочь. Такъ какъ у нихъ были и документы, то сомнѣній у насъ не возникло, и полковникъ Перхуровъ предложилъ имъ автомобиль до Данилова, откуда они поѣздомъ смогутъ проѣхать дальше. Такъ и было сдѣлано, и этотъ случай забылся, какъ и многіе другіе среди напряженной работы. Но вотъ, много времени спустя, я встрѣтился уже на территоріи Сибири съ французскимъ полковникомъ, занимавшимъ лѣтомъ 18-го года высокую

должность во французской военной миссіи въ Москвѣ, и спросилъ его, не знаетъ ли онъ судьбу этихъ летчиковъ, и благополучно ли послѣдніе вернулись во Францію. Полковникъ, разспросивъ ближе обстоятельства дѣла, выразилъ большое сомнѣніе, въ подлинномъ существованіи такихъ летчиковъ, т. к. летчики, бывшіе въ Россіи, а въ особенности въ Москвѣ ему извѣстны, и между ними не было говорящихъ по-русски. Если я теперь сопоставляю время отъѣзда этихъ летчиковъ въ Даниловъ, обѣщанное ими намъ содѣйствіе и время налета красныхъ изъ Данилова на Тверицу, то сомнѣнія французскаго полковника кажутся мнѣ еще болѣе обоснованными, тѣмъ болѣе, что у большевиковъ Ярославля не было ни телеграфной, ни какой-либо другой связи съ Даниловымъ.

Мнѣ хочется отмѣтить еще одно обстоятельство, поразившее насъ въ свое время въ Ярославлѣ: это необыкновенно точная, мѣткая и планомѣрная стрѣльба большевистской артиллеріи по городу. У большевиковъ въ то время не было почти никакихъ, тѣмъ болѣе опытныхъ, артиллеристовъ. Въ этомъ планомѣрномъ искусномъ разрушеніи всѣхъ промышленныхъ сооруженій была видна очень опытная и умѣлая рука.

Меня иногда мучаютъ угрызенія совѣсти за эти страшныя и ненужныя жертвы, принесенныя на алтарь Ярославля, и я нахожу нѣкоторое утѣшеніе только въ томъ, что я не былъ иниціаторомъ этого дѣла, а лишь исполнителемъ, не бывшимъ въ состояніи измѣнить хода событій. Но нельзя отрицать и того, что Ярославское возстаніе послужило большимъ стратегическимъ плюсомъ для чешскаго движенія. Ярославль почти въ теченіе мѣсяца сковывалъ у большевиковъ руки въ важномъ стра-

тегическомъ узлѣ, притягивая ихъ слабыя въ то время силы. Несомнѣнно положеніе чеховъ въ Екатеринбургѣ сильно облегчалось Ярославлемъ, а также облегчалось и развитіе движенія народной арміи изъ Самары. Насъ, уцѣлѣвшихъ участниковъ Ярославскихъ событій, эти послѣднія заставили измѣнить свои взгляды на многіе факты и явленія, которые мы раньше невѣрно оцѣнивали, но объ этомъ скажу впослѣдствіи, при случаѣ. О томъ, какъ кончилась Ярославская трагедія, я слышалъ уже впослѣдствіи въ Уфѣ и въ Сибири отъ товарищей, которымъ удалось уйти изъ Ярославля уже послѣ его сдачи и которые отчасти были свидѣтелями ужасовъ, творившихся тамъ красными, вопреки даннымъ обѣщаніямъ и гарантіямъ при условіяхъ о сдачѣ.

Отъ Ярославля до Уфы.

На своемъ дальнѣйшемъ путешествіи я остановлюсь лишь мимоходомъ. Я раньше упомянулъ, что на берегу Волги, когда отчалилъ посланный за нами пароходъ, насъ осталось 16 человѣкъ. Когда мы были уже въ лѣсу, внѣ непосредственной опасности, насъ оказалось уже только 14 человѣкъ. Куда дѣлись двое остальныхъ, никто не замѣтилъ. Мы были всѣ съ ружьями, большинство имѣло еще револьверы, но уже никакого остального снаряженія не имѣли. Пока мы въ теченіе двухъ дней искали связи съ полковникомъ Перхуровымъ, отъ насъ, при различныхъ обстоятельствахъ, отстало еще 4 человѣка, въ томъ числѣ даже посланный для закупки провизіи въ ближайшую деревню. Оставшіеся 10 человѣкъ, мы уже не могли говорить о себѣ, какъ о боевой силѣ и стали сообща обсуждать, что каждый хочетъ дѣлать и куда направиться. Я объявилъ, что иду въ Самару, на присоединеніе къ народной арміи и приглашалъ отправиться сэ мной. Желающихъ оказалось немного: 1) полковникъ Масло, артиллеристъ, завѣдывавшій въ Тверицѣ хозяйствомъ организаціи и снабженіемъ, — одинъ изъ членовъ Ярославской организаціи. 2) Профессоръ Ключниковъ, который присоединился во время возстанія и принималъ дѣятельное участіе: онъ соорганизовалъ маленькій отрядикъ въ 15 человѣкъ для сбора оружія и со всѣмъ этимъ отрядикомъ былъ зачисленъ въ роту, направляемую въ Тверицу. Въ

послѣдніе дни онъ исполнялъ при мнѣ обязанности адъютанта. Впослѣдствіи, во время директоріи, былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Омскѣ. 3) Поручикъ Кронбергъ, офицеръ изъ латышской группы Московской организаціи, объединявшій въ своемъ лицѣ дѣятельность цѣлой команды связи и ея начальника. Остальные же пожелали направиться въ другія стороны: былъ одинъ сербъ, который направился въ сторону Архангельска, надѣясь оттуда скорѣй пробраться на родину; одинъ крестьянинъ изъ сосѣдней волости, бывшій унтеръ-офицеръ, пошелъ къ себѣ домой. Одинъ офицеръ Калужской группы направился тоже къ себѣ на родину. Два желѣзнодорожника со станціи Филино, не рѣшаясь возвращаться, направились въ свои деревни: одинъ въ Даниловскій уѣздъ, другой, кажется, въ Нерехту. Былъ еще одинъ офицеръ изъ Костромы, который отправился туда, но не вмѣстѣ съ нами, хотя и мы шли черезъ Кострому, а отдѣлился для безопасности.

Въ первые дни путешествія мы шли преимущественно ночью, а днемъ отдыхали гдѣ-нибудь въ лѣсу, но потомъ, поближе узнавши настроеніе крестьянъ, убѣдились, что нѣтъ никакой опасности останавливаться въ деревняхъ, и начали пользоваться тѣми маленькими удобствами, какія намъ могли давать деревни. По всему пути, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, намъ не удавалось получить нигдѣ ни одного куска хлѣба, несмотря на то, что крестьяне, у которыхъ мы останавливались, узнавши насъ ближе, рады были подѣлиться всѣмъ, что у нихъ было, охотно давали намъ яйца, картофель, иногда курицу. Въ одномъ мѣстѣ хозяйка расплакалась, разставаясь съ нами, и сунула намъ на дорогу лепешки, выпеченныя изъ

муки, добытой у богатой сосѣдки. Мы, понятно, скрывали, кто мы, и крестьяне только догадывались. Въ одной деревнѣ подъ Костромой мы услышали, что два дня передъ нами прошелъ отрядъ человѣкъ въ 40 и имѣлъ стычку съ красными разъѣздами, высланными имъ навстрѣчу изъ Костромы, при чемъ два красныхъ было ранено и три лошади убито. Мы догадывались, что это прошелъ Перхуровъ со своимъ отрядикомъ. Крестьяне же толковали въ томъ смыслѣ, что это чешскій авангардъ, и что скоро появится цѣлая армія, и тогда конецъ краснымъ разбойникамъ. Про Кострому разсказывали, что при появленіи этого отрядика, въ городѣ среди красныхъ, возникла страшная паника, и совѣтскій полкъ большинствомъ голосовъ постановилъ сдаться безъ боя, но къ общему огорченію, отрядъ прошелъ мимо, и никто не зналъ, куда. Однако, въ Костромѣ красными были приняты строгія мѣры предосторожности: на всѣхъ дорогахъ дежурили заставы и строго контролировали всѣхъ проходившихъ въ городъ. Мы очень хотѣли пробраться въ Кострому, т. к. я надѣялся черезъ своихъ знакомыхъ запастись документами и штатской одеждой, но дѣлать даже попытку было опасно. Поэтому въ Кострому отправился одинъ профессоръ Ключниковъ, ни одежда котораго, ни документы не могли вызвать никакого подозрѣнія въ принятіи участія въ Ярославскихъ событіяхъ. Я снабдилъ его адресомъ полковника Калпака, у котораго онъ могъ бы остановиться. Когда я потомъ снова встрѣтился съ профессоромъ Ключниковымъ, уже въ Омскѣ, то узналъ, что ему пришлось перетерпѣть много мытарствъ, прежде чѣмъ очутиться въ Костромѣ и пріобрѣсти тамъ свободу, которой лишили его на заставѣ.

Мы отправились кругомъ ... сторонѣ города пріобрѣли новаго товарища по путешествію, съ которымъ я потомъ, въ теченіе почти полутора лѣтъ дѣлилъ по-братски удары судьбы, довольно обильно сыпавшіеся на насъ. Проходя улицу въ одной деревнѣ, я вдругъ увидѣлъ человѣка съ длинной желтовато-рыжей бородой, въ которомъ узналъ стараго полкового и боевого товарища, недавно инвалидомъ вернувшагося изъ германскаго плѣна, — капитана Лахтіонова. Узнавъ, откуда мы и куда идемъ, онъ безъ всякихъ разговоровъ, присоединился къ намъ. Мы переодѣлись въ крестьянскую одежду, запаслись документами отъ крестьянскаго схода, натянули на плечи грубые мѣшки и отправились дальше подъ видомъ мѣшечниковъ, каковыхъ много ѣздило и ходило изъ этихъ мѣстъ за мукой въ хлѣбныя губерніи. Нашъ внѣшній видъ не внушалъ, казалось, никому недовѣрія.

Потомъ пробрались мы на рѣку Вятку, по которой далѣе проѣхали на пароходѣ на Каму. Пассажиры 3-го и 4-го классовъ Вятскихъ пароходовъ сплошь состояли изъ мѣшечниковъ сѣверныхъ голодныхъ губерній, и ихъ было такъ много, что мѣста на пароходахъ брались только съ бою. Среди мѣшечниковъ было много такихъ, которые ѣздили уже 3-й и 4-й разъ за мукой, обративъ это занятіе уже въ свою спеціальность. Отъ нихъ мы слышали много полезныхъ свѣдѣній, нужныхъ мѣшечникамъ, которыя могли пригодиться и намъ. Толкаясь среди этой крестьянской массы и вслушиваясь въ разговоры, мы убѣдились воочію, какое сплошное и острое недовольство бродитъ въ этихъ массахъ противъ совѣтскаго режима, но въ то же время

подтверждались и тѣ наблюденія, какія мнѣ приходилось выносить изъ встрѣчъ съ крестьянами въ Ярославлѣ, а именно, что это общее недовольство не имѣетъ глубокихъ корней и дальше вопроса о голодѣ и свободной торговли не идетъ.

Добравшись до Камы, мы высадились съ парохода и только успѣли войти въ село, какъ замѣтили, что къ пароходу направляется нарядъ красной милиціи, какъ намъ случайно удалось узнать, съ цѣлью захватить переодѣтыхъ офицеровъ. Выслѣдилъ ли насъ какой-либо красный агентъ, либо, кромѣ насъ былъ тамъ еще кто-нибудь, кого искали красные, — этого уже я не знаю, но мы поскорѣе скрылись въ громадный сосновый лѣсъ, прилегающій къ Камѣ, гдѣ провели весь день, и только ночью рѣшились продолжать нашъ путь. Въ эту ночь мы въ лѣсу какъ-то случайно разошлись: капитанъ Лахтіоновъ и поручикъ Кронбергъ, кажется въ поискахъ ягодъ, уклонились куда - то въ сторону, и сколько мы ихъ потомъ не искали, такъ и не нашли. Дальнѣйшій путь я совершалъ только вдвоемъ съ полковникомъ Масло, держа направленіе на Самару. Капитанъ Лахтіоновъ и поручикъ Кронбергъ, какъ потомъ оказалось, пробрались къ Симбирску, только что освобожденному отъ красныхъ, и вступили тамъ въ народную армію. Намъ же суждено было перенести еще много трудностей, прежде чѣмъ попасть въ Самару, т. к. еще на пароходѣ я заболѣлъ, какъ выяснилось потомъ въ больницѣ, тифомъ. Цѣлую недѣлю, будучи уже больнымъ, совершали мы съ нимъ свои походы, сначала пѣшкомъ, а потомъ на подводахъ, пока насъ, наконецъ, не арестовали красные въ

районѣ перехода черезъ фронтъ, верстахъ въ 50 отъ города Бугульмы.

Еще на пароходѣ мы слышали, что народная армія ведетъ бои съ красными гдѣ-то въ окрестностяхъ г. Бугульмы. По пройденному разстоянію отъ рѣки Камы, мы соображали, что фронтъ этихъ армій уже недалеко, поэтому рѣшили войти, по пути, въ какую-нибудь деревню узнать что-нибудь поближе о мѣстѣ фронта. Обращаться съ такимъ вопросомъ къ крестьянамъ, мы считали опаснымъ, поэтому думали отыскать домъ священника, попробовать вызвать батюшку и въ разговорахъ, подъ видомъ покупки молока, разспросить его о крайне интересномъ для насъ вопросѣ.

Священника, къ сожалѣнію, не оказалось дома. Не было, также, молока для продажи, почему пришлось уйти ни съ чѣмъ. Во время этихъ поисковъ и разспросовъ я замѣтилъ, что за нами внимательно слѣдятъ какіе-то подростки, что мнѣ показалось подозрительнымъ; поэтому мы, не отдохнувъ, немедленно отправились дальше.

Не успѣли мы отойти и версты, какъ насъ нагнали три вооруженныхъ всадника, одинъ изъ которыхъ былъ въ формѣ красноармейца. Насъ задержали и вернули обратно въ деревню. Въ сельскомъ исполкомѣ насъ раздѣли до нага, подробно обыскали, отняли подъ расписку бывшія у полковника Масло деньги (около десяти тысячъ керенками) и, найдя это подозрительнымъ, отправили насъ, подъ конвоемъ, въ другое село въ двадцати пяти верстахъ, къ какому-то комиссару. Я въ это время былъ уже съ 40° температурой, почему этотъ мучительный путь помню, какъ тяжелый сонъ. Уже впослѣдствіи полковникъ Масло разсказывалъ мнѣ, какъ комиссаръ, при допросѣ его, больше всего интересовался

вопросомъ, откуда у него и зачѣмъ столько денегъ. Въ концѣ концовъ полковникъ Масло рѣшился предложить ему подѣлиться этими деньгами, если онъ поможетъ намъ перебраться черезъ фронтъ. Комиссаръ очень отзывчиво отнесся къ этому предложенію и, удержавъ себѣ ровно половину денегъ, на слѣдующій день отправилъ насъ, на подводѣ, въ сопровожденіи вооруженнаго красноармейца, въ слѣдующую деревню, на разстояніи 30 верстъ.

Эта деревня была уже въ рукахъ народной арміи, о чемъ красноармеецъ не зналъ. Когда мы туда прибыли и устроились въ одной хатѣ на отдыхъ, красноармеецъ отъ хозяина ея узналъ, что мы находимся въ районѣ бѣлыхъ. Онъ страшно перепугался, но мы успокоили его, давъ ему нѣсколько керенокъ и посовѣтовавъ ему поскорѣе убраться, оставивъ насъ тутъ, что онъ съ удовольствіемъ и исполнилъ. Дальше мы благополучно доѣхали до г. Бугульмы, гдѣ я остался въ земской больницѣ, а полковникъ Масло отправился въ Самару.

Въ окрестностяхъ Бугульмы въ это время шли бои народной арміи съ красными, почти каждый день въ больницу привозили раненыхъ офицеровъ, но у меня съ этого времени почти ничего не оставалось въ памяти. Помню этотъ періодъ только какъ тяжелый сонъ, такъ какъ былъ настолько слабъ, что не только говорить, но и слушать было для меня слишкомъ тяжелымъ напряженіемъ. Я сдѣлалъ ошибку, слишкомъ рано выписавшись изъ больницы. Какъ только упала высокая температура, я рѣшилъ, что уже могу поѣхать въ Самару, хотя очень нетвердо стоялъ на ногахъ и чувствовалъ большое головокруженіе. Упомянутый путь въ теченіе 2 - хъ сутокъ въ теплушкѣ произвелъ свое дѣйствіе и, по пріѣздѣ въ Самару, я могъ двигаться только съ по-

сторонней помощью, и эту помощь мнѣ снова оказалъ полковникъ Масло, уже работавшій въ штабѣ генерала Галкина по формированію артиллеріи народной арміи. Въ Самарѣ я познакомился съ генераломъ Галкинымъ и, получивъ его согласіе на поступленіе, по выздоровленіи, въ народную армію, добрался до Сызрани, гдѣ нашелъ свою семью.

Не могу удержаться отъ искушенія посвятить нѣсколько строкъ такимъ воспоминаніямъ, которыя уже не имѣютъ никакого общественнаго интереса, а дороги лишь мнѣ, какъ личныя ощущенія и, можетъ быть, могутъ являться типичными для многихъ сотенъ и тысячъ лицъ, находившихся въ аналогичныхъ условіяхъ.

Въ Сызрани я нашелъ свою семью на той же квартирѣ, на которой оставилъ ее весною, но ей также пришлось испытать мытарства бѣгства подъ пулями красныхъ. Сызрань, послѣ освобожденія отъ красныхъ въ маѣ 1918 года, снова на нѣсколько дней попала въ руки красныхъ и въ это время многочисленные сызранцы, въ томъ числѣ и моя семья, спасались бѣгствомъ въ Самару, не успѣвъ почти ничего захватить съ собою. По счастью, красные черезъ два дня были прогнаны народной арміей, и сызранцы получили возможность вернуться. По пріѣздѣ въ Сызрань я обратился къ врачу, который категорически предписалъ мнѣ мѣсяцъ провести въ кровати и хотя бы полгода избѣгать всякаго переутомленія и волненія, такъ какъ нашелъ у меня ненормально ослабленную дѣятельность сердца, вызывающую головокруженіе и онѣмѣніе конечностей рукъ и ногъ. Рецептъ, трудно исполнимый по тому времени, но насколько возможно, я старался его выполнить и

съ большимъ наслажденіемъ предался полному отдыху. Цѣлыми днями я лежалъ въ кровати, не испытывая ни малѣйшей скуки, не имѣя охоты даже прочитывать газетъ; къ послѣднимъ я испытывалъ даже какое то чувство не то страха, не то отвращенія,какъ къ заразѣ, отъ которой могу погибнуть. Громаднымъ наслажденіемъ для меня былъ вскопанный весною огородикъ въ отдѣльномъ запущенномъ дворѣ за хозяйскими сараями. Посрединѣ дворика былъ каменный фундаментъ разрушеннаго домика, на которомъ я весною устроилъ подобіе маленькой бесѣдки, окруживъ его грядками для цвѣтовъ. За послѣдними во всѣ стороны шли грядки редиски, огурцовъ, луку, фасоли, горошку, свеклы, помидоровъ, рѣпы, далѣе около забора дыни и тыквы. Огородикъ далъ обильные плоды и въ изобиліи снабжалъ нашъ вегетаріанскій столъ. Цѣлыми часами я просиживалъ среди этой зелени и, наслаждаясь покоемъ, благодарилъ судьбу, давшую мнѣ возможность отдохнуть, чего, какъ мнѣ казалось, съ нетерпѣніемъ и страстно жаждала вся истерзанная Россія. Съ дѣтской радостью я мыслилъ, какъ буду собирать эти плоды, когда окрѣпну. Ны увы — не пришлось ни увидѣть, ни узнать, кто ихъ собралъ.

Понемногу поправляясь, я сталъ иногда выходить на улицу, сталъ интересоваться окружающимъ положеніемъ фронта и тѣми событіями, которыя происходили въ недавнее время тутъ, въ Сызрани. Освобожденіе Сызрани отъ красныхъ, по разсказамъ очевидцевъ и тѣмъ отчетамъ, которые печатались въ газетахъ, произошло вполнѣ стихійно, только при самой незначительной поддержкѣ чеховъ. Офицерство и городская интеллигенція, воодушевленные успѣхомъ чеховъ, сплотились и возстали безъ

всякой предварительной подготовки, неожиданно даже для нихъ самихъ. Пока былъ энтузіазмъ — успѣхъ былъ полный, но это продолжалось только пока стычки съ красными шли въ самомъ городѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ. Для развитія дальнѣйшей борьбы нужны были уже регулярныя войска, которыя надо было создать, а дѣлать это подъ пулями или въ непосредственной близости фронта — дѣло почти невозможное. Было здѣсь и другое неблагопріятное обстоятельство. Отряды добровольцевъ, образовавшіеся изъ городскихъ жителей, таяли по мѣрѣ удаленія отъ города, а крестьянство этихъ хлѣбныхъ черноземныхъ мѣстъ, еще не испытавшее голода, вовсе не тяготилось большевизмомъ и не выражало никакого желанія встать въ ряды бойцовъ противъ красныхъ, скорѣе наоборотъ. Поэтому фронтъ могъ быть поддержанъ только войсками, присланными съ тылу, и вотъ, какъ сызранцы, такъ, конечно, и симбирцы и другіе возлагали единственныя надежды и охотно вѣрили всякому ничтожнѣйшему слуху о скоромъ прибытіи сибирской арміи, отъ чеховъ о прибытіи союзныхъ войскъ, японцевъ и. т. д., оставаясь все таки пассивными и глухими къ тѣмъ страстнымъ призывамъ съ фронта, убѣждавшимъ, что полагаться возможно только на себя и на собственную помощь.

Самарскій комитетъ Учредительнаго Собранія (Комучъ) дѣйствительно приступилъ къ формированію народной арміи въ болѣе отдаленныхъ отъ фронта уѣздахъ и этимъ формированіемъ дѣятельно занялся талантливый и энергичный организаторъ — самарскій военный министръ, генералъ Галкинъ. Впослѣдствіе въ Сибири, гдѣ мнѣ близко пришлось сойтись съ генераломъ Галки-

нымъ, я слышалъ отъ него много разсказовъ про эту работу и вынесъ впечатлѣніе, что ему противъ своей воли приходилось въ дѣло организаціи арміи допускать вливаніе зародышей разрушенія. Въ дѣлѣ формированія арміи ему пришлось вести безпрерывную, острую борьбу съ «Комучемъ», который, состоя исключительно изъ эсеровъ и несмотря на весь прошлый опытъ, оставался такимъ же младенцемъ въ военныхъ дѣлахъ, какимъ былъ въ 1917 году, когда, при благосклонномъ содѣйствіи эсеровъ, большевики сознательно, подъ руководствомъ Германскаго Генеральнаго Штаба, проводили разрушительные лозунги, выдавая ихъ за «демократизацію» арміи. Они старались втянуть вновь формируемую армію въ партійныя рамки, очевидно, все еще не понимая, что армія не можетъ быть самоуправляющимся организмомъ, а есть орудіе, управляемое сверху, что армія можетъ служить демократическому правительству, но никому еще не удавалось создать боеспособную армію на демократическихъ началахъ. Генералу Галкину, по его словамъ, приходилось отстаивать что называется, — съ боемъ — каждый важный принципъ; во всякой мелочи эсеры старались увидѣть признаки стараго режима и «гнилой царской арміи». Въ разговорѣ съ однимъ такимъ эсеромъ, (офицеромъ военнаго времени), я спросилъ его, была ли гнилой та армія, надъ разложеніемъ которой, при полной безнаказанности, нужно было работать съ громаднѣйшей энергіей цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ, послѣ того, какъ эта армія вынесла 3-лѣтнюю отчаяннѣйшую борьбу съ много лучше вооруженнымъ и снабженнымъ противникомъ? Онъ не нашелъ прямого отвѣта и проворчалъ, что я иначе понимать и думать не

могу, такъ какъ я тоже офицеръ «того времени». Разумѣется, я понялъ, какое онъ содержаніе вкладываетъ въ слова «того времени».

Оговариваюсь, что то, что я говорю здѣсь о народной арміи, я говорю со словъ близко стоявшихъ къ этому дѣлу, самъ же я столкнулся ближе съ народной арміей только въ моментъ ея распада. Я знаю, что распаденію народной арміи содѣйствовали еще въ большей мѣрѣ другія причины, но объ этомъ скажу въ другомъ мѣстѣ, а пока вернусь къ хронологическому порядку воспоминаній.

Сызранскимъ фронтомъ командовалъ полковникъ Бакичъ, мой старый знакомый по рижскому фронту. Повидавшись съ нимъ, я убѣдился, что сдача Сызрани не за горами и поэтому рѣшилъ отправить семью въ Сибирь, куда, какъ я разсчитывалъ въ то время, большевики не проникнутъ.

Въ это время прибылъ изъ Москвы на Уфимское совѣщаніе генералъ Болдыревъ, подъ начальствомъ котораго мнѣ приходилось бывать также на рижскомъ фронтѣ. Генералъ Болдыревъ родомъ изъ Сызрани, и мнѣ удалось съ нимъ встрѣтиться. Пожаловавшись на врача, запретившаго мнѣ временно сильныя ощущенія, я просилъ генерала Болдырева, не найдетъ ли онъ черезъ нѣсколько времени для меня какой-нибудь инвалидно-писарской должности, на что онъ предложилъ мнѣ пріѣхать въ Уфу, гдѣ, въ связи съ ходомъ Уфимскаго совѣщанія, онъ найдетъ для меня должность. Такъ я и сдѣлалъ и пріѣхалъ въ Уфу передъ концомъ такъ много нашумѣвшаго Уфимскаго совѣщанія, совпавшаго съ паденіемъ Казани, почему Уфа была уже переполнена Казанскими

бѣженцами и я, не нашедши въ городѣ комнаты, остался жить въ теплушкѣ на вокзалѣ.

Первыя впечатлѣнія отъ Уфы меня не обрадовали. Первыя газеты, которыя я прочелъ въ Уфѣ были переполнены отчетами и рѣчами... увы не «Уфимскаго совѣщанія», какъ это надо было ожидать, а торгово-промышленнаго съѣзда. Какъ извѣстно, эсеровское большинство не допустило по партійнымъ соображеніямъ къ участію на Уфимскомъ совѣщаніи представителей отъ торгово - промышленниковъ, ссылаясь, что это не политическая партія. Не знаю истинныхъ мотивовъ этого рѣшенія, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ торгово - промышленники готовились взорвать это совѣщаніе изнутри, но мнѣ и тогда показалось, что они этимъ рѣшеніемъ подписали себѣ смертный приговоръ, такъ какъ не будучи крѣпкими на фронтѣ, они пріобрѣли открытаго и въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ врага у себя въ тылу. Это сказалось съ первыхъ шаговъ. Въ то время какъ ходъ совѣщанія держался въ секретѣ, отчеты торгово - промышленнаго съѣзда печатались и распространялись усиленно, и рѣчи выступавшихъ ораторовъ были переполнены самоотверженнымъ патріотизмомъ такого рода, который не оставлялъ никакихъ сомнѣній.

Первое, что я прочелъ, была рѣчь князя Кропоткина, гдѣ онъ воспѣвалъ дифирамбы русскому офицерству. Я не скажу, чтобы эти похвалы не были заслужены офицерствомъ, напротивъ, они болѣе, чѣмъ заслужены, но я подумалъ, почему такой рѣчи не послѣдовало со стороны участниковъ Уфимскаго совѣщанія, гдѣ они могли бы дышать еще большей искренностью. Въ словахъ князя Кропоткина не слышалось фальши, но фальшь

должны были почувствовать участники торгово - промышленнаго съѣзда, проливавшіе эти крокодиловыя слезы. У меня имѣется въ запасѣ нѣсколько яркихъ примѣровъ, характеризующихъ отношеніе этихъ классовъ къ русскому офицерству, но не стану приводить ихъ, такъ какъ, вѣроятно, каждому офицеру приходилось неоднократно сталкиваться съ тупымъ, слѣпымъ и безсердечнымъ отношеніемъ этихъ классовъ въ то время, когда офицерство истекало кровью отъ звѣрствъ предателей и въ то же время умирало съ голоду на глазахъ «патріотовъ» изъ биржевыхъ тузовъ, которые единственно и были въ состояніи подать руку помощи въ это тяжелое время. Поэтому въ рѣчи князя Кропоткина мнѣ послышалось начало новой спекуляціи, построенной на патріотизмѣ русскаго офицерства.

Мнѣ, прослужившему болѣе четверти вѣка въ глубокихъ рядахъ арміи, хорошо знакомо настроеніе русскаго офицерства, поэтому съ увѣренностью могу сказать, что оно только глубоко патріотично и самоотверженно. Офицерство не заинтересовано ни династическими, ни тѣмъ болѣе партійными интересами, а по своему происхожденію большинство офицеровъ принадлежитъ къ демократическимъ кругамъ. Въ виду этого, Уфимскому совѣщанію, которое я считалъ и считаю патріотическимъ и демократическимъ, было легче подойти къ офицерству и привлечь его на свою сторону, чѣмъ торгово - промышленникамъ, но они этого не сумѣли сдѣлать, между тѣмъ, офицерство было той единственной силой, которая могла бы организовать армію для опоры вновь организованной директоріи, и офицерству подъ флагомъ директоріи это было бы легче выполнить, чѣмъ подъ напѣвами на мо-

тивъ «Боже, царя храни», какъ это дѣлали атаманы, ставшіе во главѣ сибирской арміи.

Подъ флагомъ «торгово - промышленныя группы» спрятались всѣ реакціонныя русскія политическія партіи и, конечно, къ нимъ примыкали привилегированные верхи русскаго офицерства, съ генеральнымъ штабомъ во главѣ, къ которому не относится вышеприведенное опредѣленіе настроенія русскаго офицерства. Реакціонные верхи офицерства состояли преимущественно изъ генеральнаго штаба и офицеровъ бывшей кавалеріи, затѣмъ къ нимъ примыкали всевозможные штабные адъютанты и нѣкоторые армейскіе тыловики изъ тѣхъ которые въ свое время подъ всевозможными предлогами бѣжали съ фронта и окопались въ глубокихъ тылахъ, преимущественно въ Казани, гдѣ было сосредоточно множество тыловыхъ учрежденій. Эти армейскіе «тыловики» съ такой же ловкостью, съ какой бѣжали въ свое время съ фронта, во время большевиковъ пристроились къ нимъ на службу, а съ освобожденіемъ Казани, Самары и др. городовъ отъ красныхъ, немедленно снова удрали въ тылъ, наполняли собой Уфу, затѣмъ Омскъ, чтобы тамъ снова окопаться вдали отъ фронта и, держа носъ по вѣтру, творить свои интриги. Только что перечисленная офицерская группа, ничтожная по количеству, сравнительно съ общимъ числомъ офицеровъ, и была та военная сила, на которую первоначально базировались торгово - промышленные круги и которая начинала опутывать директорію незамѣтными для послѣдней сѣтями. Признаюсь, что въ подобномъ свѣтѣ общая картина Уфимскихъ событій представлялась мнѣ болѣе-менѣе ясно только значительно спустя, когда уже взошли всхо-

ды, посѣянныхъ въ Уфѣ сѣмянъ, во время же пребыванія въ Уфѣ не такъ легко было разобраться въ этомъ хаосѣ, и я бродилъ точно ощупью по темному лѣсу. Въ концѣ Уфимскаго совѣщанія генералъ Болдыревъ былъ назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ и членомъ директоріи. Онъ поручилъ мнѣ организовать отрядъ ставки, назначивъ меня начальникомъ этого отряда и одновременно подчинивъ мнѣ комендатуру ставки. На просьбу дать болѣе подробныя указанія, изъ чего организовать отрядъ, онъ самъ затруднялся сказать что-нибудь положительное, предоставивъ мнѣ изыскать для этого мѣры и способы. Я приступилъ немедленно къ работѣ по формированію и кое-что сдѣлалъ за тѣ немногіе дни, пока организующаяся ставка была еще въ Уфѣ. Не вдаваясь въ подробности этой работы, скажу только, что на пути создаванія этого незначительнаго отрядика, я встрѣтилъ совершенно неожиданныя препятствія со стороны ставки же, которая также въ это время организовывалась, правильнѣе говоря, пріѣхала въ почти готовомъ видѣ съ большимъ по числу наличнымъ составомъ, чѣмъ требовалось обстоятельствами. Это была академія генеральнаго штаба, почти въ полномъ ея составѣ, захваченная народной арміей при взятіи Казани. Не хватало только начальника академіи генерала Андогскаго и заслуженныхъ профессоровъ вродѣ генерала Колюбакина. Главныя роли въ ставкѣ были распредѣлены между профессорами полковниками Слижиковымъ, Леоновымъ, Сыромятниковымъ и Касаткинымъ, остальныя должности между курсовыми офицерами, при чемъ генеральскія должности замѣщались сравнительно молодыми капитанами. Такъ какъ ставка этого состава сыграла видную

роль въ послѣдовавшихъ событіяхъ, то крайне интересно было бы выяснить всѣ обстоятельства, почему было допущено формированіе ставки изъ состава академіи, все это время остававшейся на службѣ у большевиковъ, во главѣ съ начальникомъ академіи, принявшимъ участіе въ выработкѣ и подписаніи Брестскаго мира. Мнѣ кажется, что здѣсь большая ошибка была сдѣлана генераломъ Болдыревымъ, нарушившимъ одно изъ основныхъ правилъ стратегіи о формированіи штаба главнокомандующаго. Главнокомандующій долженъ выбрать себѣ ближайшимъ помощникомъ — своего начальника штаба — человѣка одного съ нимъ образа мыслей, на котораго можетъ положиться, какъ на самого себя, даже во всѣхъ мелочахъ. Насколько мнѣ потомъ удалось выяснить, генералъ Болдыревъ и его начальникъ штаба генералъ Розановъ — люди совершенно различныхъ убѣжденій и взглядовъ, вѣроятно, также различны по своему происхожденію. Генералъ Болдыревъ происходитъ изъ простой крестьянской семьи Сызранскаго уѣзда, генералъ же Розановъ — по свѣдѣніямъ однихъ — помѣщикъ Пензенской губерніи, а по свѣдѣніямъ другихъ — бывшій баронъ Розенъ, въ началѣ войны перемѣнившій фамилію; не берусь утверждать ни того ни другого, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ происходитъ отъ привилегированныхъ классовъ. Слишкомъ занятый дѣлами, какъ членъ директоріи, ген. Болдыревъ цѣликомъ предоставилъ формированіе ставки генералу Розанову. По моимъ наблюденіямъ, генералъ Розановъ въ свою очередь совершилъ ту же ошибку, набирая своихъ ближайшихъ помощниковъ. Розановъ производитъ впечатлѣніе храбраго, довѣрчиваго вояки, немножко грубоватаго, но

неспособнаго одѣвать маски дипломатовъ и политиковъ и, какъ таковой, онъ, я полагаю, не могъ быть одного лагеря съ тѣми тонкими и хитрыми политиками, къ какимъ я отношу Слижикова, Леонова и Сыромятникова. Къ тому же генералъ Розановъ тоже пробрался изъ совдепіи черезъ фронтъ чуть ли не въ одномъ бѣльѣ, чтобы бороться открыто противъ большевиковъ. Упомянутые же выше его ближайшіе помощники, по всѣмъ моимъ наблюденіямъ, умѣли вести только закулисную борьбу, если только можно выразить этимъ словомъ ихъ поведеніе и дѣйствія, такъ какъ никогда съ достовѣрностью нельзя сказать, за кого и противъ кого они борятся.

Весь остальной составъ ставки — кадровые офицеры академіи — составляли, по крайней мѣрѣ въ первое время, очень сплоченную и по воински дисциплинированную массу, что они доказывали всѣмъ своимъ поведеніемъ и всѣ они въ одинъ голосъ съ восторгомъ, даже съ нѣкоторымъ преклоненіемъ отзывались о начальникѣ академіи генералѣ Андогскомъ. Надо отдать справедливость, что генералъ Андогскій дѣйствительно проявилъ выдающійся педагогическій талантъ, сумѣвъ такъ сплотить и повліять на достаточно уже пожившихъ людей. Съ этой стороны, какъ видно, ставка представляла изъ себя порядочный плюсъ, но весь вопросъ, стало быть, заключался въ томъ, куда будетъ направлена дѣятельность ставки ея ближайшими руководителями. Физіономіи этихъ руководителей оставались загадкой и загадкой довольно подозрительной, но уже въ первое время ихъ дѣятельности, пока ставка оставалась въ Уфѣ, мнѣ не разъ приходилось почувствовать, что эти главные воротилы

ставки работаютъ не въ той плоскости, на которой стоялъ генералъ Болдыревъ.

Мнѣ думается, что въ Уфимскій періодъ у этой компаніи не было еще вполнѣ опредѣленнаго политическаго курса и плана дѣйствій, т. к. въ это время въ Уфѣ среди военныхъ только вырабатывались различные курсы, направленія и оріентаціи, болѣе или менѣе ясно выразившіеся потомъ въ Сибири. При этомъ въ Уфѣ очень мало, или почти ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Сибири, видѣли только то, что Сибирь не шлетъ никакой помощи народной арміи, хотя, по всѣмъ даннымъ, эту помощь она могла бы оказать. Во главѣ сибирской арміи стоялъ тогда генералъ Ивановъ - Риновъ, только что смѣнившій на этомъ посту генерала Гришина - Алмазова. Ивановъ - Риновъ пріѣзжалъ на очень короткое время въ Уфу, очевидно, только съ цѣлью развѣдки. Любопытную подробность изъ этого его пребыванія въ Уфѣ мнѣ потомъ разсказалъ генералъ Галкинъ. Въ одномъ разговорѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, ген. Ивановъ - Риновъ разсказалъ, что при его вступленіи въ должность командующаго сибирской арміей, къ нему явилось 12 офицеровъ за полученіемъ инструкцій. Когда онъ освѣдомился, о какого рода инструкціяхъ идетъ рѣчь, офицеры отрекомендовались состоящими при штабѣ арміи агентами по «разложенію народной арміи». Генералъ Ивановъ - Риновъ отпустилъ ихъ, заявивъ, что онъ въ таковыхъ не нуждается. Къ сожалѣнію, я эту подробность узналъ только почти годъ спустя и поэтому не могъ уже провѣрить, были ли при Гришинѣ - Алмазовѣ подобные агенты или объ этомъ было сказано только нарочно, съ цѣлью расположить къ себѣ генерала

Галкина. У меня являются эти сомнѣнія потому, что генералъ Бѣловъ (Виттенкопфъ), бывшій начальникъ штаба у Гришина - Алмазова и несомнѣнно вѣдавшій этими агентами, если послѣдніе вообще существовали, оставался въ своей должности и при генералѣ Ивановѣ-Риновѣ. Во-вторыхъ, о генералѣ Гришинѣ - Алмазовѣ, знавшіе его сибиряки, отзывались какъ о человѣкѣ типа «Дутова», который долженъ былъ бы быть болѣе расположенъ къ народной арміи, чѣмъ Ивановъ - Риновъ. Въ это же время случилось убійство сибирскаго министра Новоселова полковникомъ Волковымъ, впослѣдствіи при Ивановѣ - Риновѣ игравшимъ такую видную роль. Все это заставляетъ предполагать, что направляющую роль въ высшихъ военныхъ кругахъ Сибири игралъ именно генералъ Ивановъ - Риновъ, и я не сомнѣваюсь, что во время его пріѣзда въ Уфу, ловкіе дѣльцы изъ ставки успѣли завязать съ нимъ связи. Конечно, не дремали и торгово - промышленники во главѣ съ княземъ Кропоткинымъ, этимъ родоначальникомъ новаго царствующаго дома, какъ распускались слухи. Послѣдній имѣлъ прочное гнѣздо своихъ приверженцевъ въ штабѣ «казанскаго героя» полковника Степанова.

Во всѣхъ, упомянутыхъ выше политиканствующихъ кругахъ чувствовалась какая то суета, какая то работа, но въ чемъ она выражалась, — это оставалось, конечно, совершенно неизвѣстнымъ для болѣе широкихъ офицерскихъ круговъ и тѣмъ болѣе для солдатъ; даже для меня, по службѣ близко стоявшаго къ этимъ центрамъ, не представлялось возможности даже угадывать того, что совершалось кругомъ, и только изъ отношенія ко мнѣ лицъ, съ которыми приходилось мнѣ сталкиваться по службѣ

я изо дня въ день все болѣе чувствовалъ, что я пригелся тутъ не ко двору.

Мое появленіе въ этой академической ставкѣ было встрѣчено очень холодно. При моемъ первомъ знакомствѣ съ моимъ непосредственнымъ начальникомъ полковникомъ Слижиковымъ (помощникомъ Наштаверха), послѣдній между прочимъ выразился, что на мою должность есть у нихъ уже свой кандидатъ, но когда я сказалъ, что назначенъ ген. Болдыревымъ, онъ не возражалъ. При вступленіи новаго человѣка къ какую-нибудь должность холодное, либо, покрайней мѣрѣ, сдержанное отношеніе — самое обыкновенное явленіе, по мѣрѣ совмѣстной работы эти отношенія постепенно переходятъ въ болѣе искреннія, такъ, по крайней мѣрѣ, бывало со мной всю мою службу. Но тутъ было совершенно наоборотъ. Впослѣдствіи я, понятно, нашелъ ключъ къ объясненію этого. Мнѣ раньше никогда не приходилось служить въ тыловыхъ учрежденіяхъ, и я привыкъ всегда къ довѣрчивому и откровенному общенію со своими сослуживцами, не мудрено поэтому, что здѣсь, въ этой душной атмосферѣ политическихъ интригъ, я оказался слишкомъ неопытнымъ и неумѣющимъ пользоваться элементарнѣйшими правилами, что «языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли», что «честность — это глупость» и т. д. Въ одномъ служебномъ разговорѣ съ ген. Розановымъ, по поводу принятія на должность коменданта ставки нѣкаго полковника Деммерта, котораго мнѣ усиленно рекомендовали съ разныхъ сторонъ, я имѣлъ неосторожность выразиться, что боюсь, какъ бы не пришлось обжечься въ лучахъ нѣмецкаго солнца. Генералъ Розановъ въ довольно рѣзкомъ тонѣ отвѣтилъ

на это, что нѣмецкая оріентація теперь не имѣетъ никакого значенія. Такъ какъ въ это время германская армія на западномъ фронтѣ была разбита союзниками и установилось перемиріе, то я подумалъ, что и на самомъ дѣлѣ германская опасность уже миновала, и правыя партіи, базировавшіяся на Вильгельма, теперъ измѣнятъ свои взгляды, но увы! какъ я снова ошибался. Непосредственно послѣ этого разговора отношеніе ко мнѣ руководителей ставки, а скоро и всей ставки, стали еще болѣе холодными, почти враждебными. Ко всему этому я не считалъ нужнымъ скрывать, либо маскировать свою совмѣстную работу съ Б. В. Савинковымъ въ Союзѣ Защиты Родины и Свободы, а это, какъ я понялъ только потомъ, считалось уже настоящимъ преступленіемъ.

Отношеніе заправилъ ставки ко мнѣ въ послѣдніе дни пребыванія въ Уфѣ, выражалось въ томъ, что старались меня не только игнорировать и не оріентировать въ обстановкѣ, нужной мнѣ для исполненія своихъ обязанностей, но и устранять меня отъ своихъ обязанностей въ болѣе важныхъ случаяхъ. Когда, напримѣръ, предстоялъ переѣздъ ставки въ Омскъ, то всѣ дѣла по организаціи переѣзда, взялъ въ свои руки полков. Слижиковъ совмѣстно съ полковникомъ Касаткинымъ, завѣдывающимъ передвиженіемъ войскъ, а при самомъ переѣздѣ ставки мнѣ даже не было предоставлено мѣсто въ поѣздѣ. По счастію въ моемъ распоряженіи оставалась еще Сызранская теплушка, которую оказалось возможнымъ прицѣпить къ поѣзду Верховнаго Главнокомандующаго. Я пытался было объяснить всѣ эти явленія личной непріязнью ко мнѣ руководителей ставки и поэтому не сталъ оріентировать объ этомъ генерала Болдырева,

тѣмъ болѣе, что послѣдній почти не имѣлъ свободной минуты, но скоро почувствовалъ, что это не такъ просто, т. к. отношеніе ко мнѣ ставки стало еще болѣе рѣзко копироваться всѣмъ многочисленнымъ персоналомъ — бывшими слушателями академіи, — послѣдніе разговаривали со мной только въ подчеркнуто официальномъ тонѣ, отвѣчая лишь на официальные вопросы, своего рода бойкотъ личныхъ отношеній, но этого не могло бы быть безъ соотвѣтствующаго внушенія сверху, тѣмъ болѣе, что между слушателями были и мои прежніе сослуживцы по германскому фронту.

Приблизительно за недѣлю до отъѣзда ставки изъ Уфы, туда пріѣхалъ Б. В. Савинковъ. Нѣкоторые члены директоріи, въ томъ числѣ и генералъ Болдыревъ, выставляли его кандидатуру на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, но этому рѣшительно воспротивились эс-еры, считая его слишкомъ правымъ, съ другой стороны воспротивилась и ставка и, конечно, по совершенно другимъ мотивамъ постарались поскорѣе сплавить Б. В. заграницу, такъ какъ его пребываніе въ Сибири, очевидно, считали небезопаснымъ. Б. В. долго колебался прежде, чѣмъ принять предложенную ему роль — начальника военной миссіи въ Парижѣ, наконецъ, согласился. Онъ уже, кажется, въ то время понялъ, что ожидаетъ директорію и свободную Россію въ будущемъ: онъ какъ то махнулъ рукою и сказалъ: «Эхъ, поѣду, все равно тутъ ничего не выйдетъ.»

На фронтѣ, гдѣ-то въ районѣ Бугульмы, находился полковникъ Перхуровъ, который, пробравшись изъ Ярославля въ Казань съ 30 вооруженными членами организаціи, поспѣлъ къ самому началу казанскихъ боевъ, по-

полнилъ тамъ свой отрядъ и работалъ теперь совмѣстно съ Капелемъ. Изъ Уфы я отправилъ гонца къ А. П. съ просьбой прислать мнѣ нѣсколькихъ своихъ офицеровъ, чтобы мнѣ не чувствовать себя слишкомъ одинокимъ. А. П. прислалъ ко мнѣ 5 человѣкъ, которые прибыли только въ самый моментъ выѣзда изъ Уфы и вступили въ отрядъ ставки. Присланный для занятія должности коменданта, ставки полковникъ И. къ сожалѣнію не могъ поступить на эту должность, т. к. ее уже занялъ полковникъ Деммертъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, служившій въ мирное время въ Петроградской полиціи, а въ послѣднее время въ Казани состоявшій предсѣдателемъ союза казанскихъ монархистовъ.

Къ большой моей радости прибылъ въ Уфу также мой спутникъ изъ Ярославля и старый однополчанинъ, капитанъ Лахтіоновъ, котораго я опредѣлилъ на должность штабъ-офицера для порученій при мнѣ. Такимъ образомъ, я былъ уже не такъ одинокъ, когда ставка выѣхала въ Омскъ.

Омскъ

Выборъ мѣста для штабъ - квартиры Всероссійскаго Временнаго Правительства (Директоріи) и ставки Верховнаго Главнокомандующаго имѣлъ, конечно, очень важное значеніе, и мнѣ казалось, что члены Директоріи относились къ нему съ достаточною серьезностью, такъ какъ въ связи съ убійствомъ министра Новоселова въ Омскѣ, туда былъ командированъ одинъ изъ членовъ Учредительнаго Собранія, для выясненія политической обстановки въ Сибири, и до его возвращенія вопросъ о выборѣ мѣста для ставки оставался не рѣшеннымъ. По возвращеніи упомянутаго депутата изъ Сибири, было рѣшено какъ ставку «Главко - Верха», такъ и штабъ - квартиру Директоріи перевести въ Екатеринбургъ, куда спѣшно были отправлены квартирьеры. Однако, когда все уже было готово къ отъѣзду, вопросъ былъ перерѣшенъ, и Директорія двинулась въ Омскъ.

Для меня до сихъ поръ остались неизвѣстными всѣ мотивы того и другого рѣшенія, только одинъ разъ, кажется уже въ пути, генералъ Болдыревъ на мой вопросъ о причинѣ такой перемѣны маршрута отвѣтилъ, что этимъ имѣется въ виду примирить два политическихъ теченія. Екатеринбургъ стоялъ слишкомъ близко къ большевистскому фронту и поэтому, конечно, не могъ гарантировать спокойствія для работы Директоріи и ставки; но если въ своемъ первомъ рѣшеніи члены Директоріи все-таки остановились на Екатеринбургѣ, то, очевидно,

имъ тогда уже было извѣстно, что Омскъ еще менѣе удовлетворялъ этому требованію, несмотря на свою удаленность отъ большевистскаго фронта. Перемѣнивъ свое рѣшеніе, мѣняя Екатеринбургъ на Омскъ, Директорія очевидно снова сдѣлала ошибку: она переоцѣнила свое моральное вліяніе, забывъ, что въ такое время считаются только съ грубой реальной силой. Обстановку въ Сибири и соотношеніе различныхъ силъ тамъ, я узналъ значительно позже, но члены Директоріи имѣли возможность узнать объ этомъ раньше, чѣмъ ѣхать туда, а отправляясь туда, они не имѣли почти никакой реальной силы въ рукахъ и, повидимому, полагались только на силу своего моральнаго авторитета.

Для отъѣзда ставки въ Омскъ, подвижной составъ былъ предоставленъ генераломъ Дутовымъ, относившимся, какъ и все Оренбургское войско, благосклонно къ Директоріи. Самарское Правительство не имѣло свободнаго состава, такъ какъ оно само эвакуировалось изъ Самары, а Сибирское отказалось представить въ распоряженіе ставки подвижной составъ, хотя оно и распологало таковымъ. Въ этой мелочи впервые сказалось выраженіе взаимныхъ отношеній различныхъ политическихъ теченій.

По дорогѣ до Омска, въ болѣе крупныхъ центрахъ, — въ Златоустѣ, въ Челябинскѣ и въ Петропавловскѣ, были устроены торжественныя встрѣчи Временнаго Правительства и ставки; эти встрѣчи имѣли довольно сердечный характеръ, въ особенности въ Петропавловскѣ; ничего враждебнаго къ Директоріи не приходилось замѣчать. То же было и въ Омскѣ, въ первый день прибытія туда. Изъ этого можно вывести заключеніе, что широ-

кie слои общества какъ Урала, такъ и Сибири, отнеслись съ довѣрiемъ и надеждой ко вновь образованному Правительству.

То обстоятельство, что Авксентьевъ, имя котораго было уже довольно популярно въ Сибири, вошелъ какъ предсѣдатель Директорiи, а Вольскiй и Черновъ, оставшiеся въ узко-партiйныхъ границахъ, совершенно не вошли въ составъ Директорiи, располагало общественное мнѣнiе Сибири въ пользу Директорiи. Тѣмъ не менѣе, съ прiѣздомъ Временнаго Правительства въ Омскъ, оно уже попало фактически въ плѣнъ къ сибирскимъ военнымъ властямъ, шедшимъ, очевидно, рука объ руку съ высшими представителями буржуазiи и подготовлявшими гдѣ-то за кулисами почву для дальнѣйшаго активнаго выступленiя противъ Директорiи. Эта закулисная работа намъ не была видна, но о существованiи ея можно было догадываться по нѣкоторымъ мелочнымъ признакамъ и по тому пренебрежительно-враждебному отношенiю, которое проявили Сибирскiя военныя власти ко вновь прибывшему Временному Правительству и которое они даже не пытались скрывать, чувствуя, очевидно, силу на своей сторонѣ.

Западная Сибирь, очищенная отъ большевистскихъ войскъ еще лѣтомъ 1918 года, имѣла лишь незначительный фронтъ противъ большевиковъ въ сторону Туркестана, гдѣ красные были очень слабы. Весь напоръ красныхъ сдерживала Самарская народная армiя и чехи, и за ихъ спиной Сибирь имѣла возможность спокойно организовать и обучить свою армiю. Такъ она и сдѣлала. Подъ ружье были призваны исключительно молодые возрасты, ранѣе не служившiе въ войскахъ и не зараженные

ные политикой. Обученіе и воспитаніе ихъ было поставлено на строгихъ принципахъ воинской дисциплины, и эти войска представляли дѣйствительную военную силу. Если бы атаманы, ставшіе во главѣ этой арміи, также оставались только воинами и подчинились бы образовавшейся въ Уфимскомъ совѣщаніи народной власти, то, я не сомнѣваюсь, было бы вполнѣ обезпечено возрожденіе Россіи на демократическихъ началахъ. Но атаманы, почувствовавъ за собой силу и не считаясь съ желаніями народныхъ представителей, захотѣли проявить свою волю и нашли единомышленниковъ въ тѣхъ слояхъ, которые группировались вокругъ Уфимскаго съѣзда торгово-промышленниковъ.

На убійство вліятельнаго члена Сибирскаго Правительства, министра Новоселова, — полковникомъ Волковымъ, носившее очевидную политическую окраску, — молодыя сибирскія войска никакъ не реагировали; это придало увѣренность Сибирскимъ атаманамъ, и они открыли свой походъ противъ Директоріи немедленно по прибытіи послѣдней въ Омскъ.

Мнѣ вспоминается теперь одно обстоятельство, на которое въ то время я не обратилъ никакого вниманія, но которое, очевидно, не было случайностью: на второй день нашего прибытія въ Омскъ, когда эшелоны со ставкой и Временнымъ Правительствомъ стояли на запасныхъ путяхъ противъ зданія Управленія Омской жел. дороги, мимо насъ по улицѣ прошелъ отрядъ атамана Красильникова. Отрядъ этотъ какъ разъ прибывалъ въ Омскъ и расположился частью (со штабомъ) въ залѣ Общественнаго Собранія, отведеннаго для размѣщенія ставки, а другой частью въ Земледѣльческомъ Училищѣ за горо-

домъ. Въ то время никто изъ насъ не имѣлъ никакого понятія объ этомъ отрядѣ и о прославившемся впослѣдствіи ихъ атаманѣ.

Только нѣсколько дней спустя, когда главари этого отряда, вмѣстѣ со своимъ атаманомъ, устроили пьяный дебошъ съ произнесеніемъ цѣлаго ряда оскорбительныхъ тирадъ по адресу генерала Болдырева и Директоріи, мы смогли догадываться о цѣляхъ прибытія этого отряда въ Омскъ. Возможно, что эта выходка была провокаціоннаго характера и должна была служить вызовомъ по адресу ставки, но генералъ Болдыревъ, послѣ произведеннаго дознанія весьма тактично ограничился объявленіемъ выговора атаману, предоставивъ ему самому наложить взысканія на другихъ виновныхъ.

Враждебныя отношенія Сибирскихъ военныхъ властей съ перваго же дня прибытія Директоріи и ставки въ Омскъ, ярче всего выразились въ такъ называемомъ «квартирномъ вопросѣ», который былъ ими обращенъ въ вопросъ политики. Для расквартированія ставки и штабъ-квартиры Всероссійскаго Временнаго Правительства, Омскими властями были отведены помѣщенія, достаточныя для размѣщенія развѣ только штаба дивизіи; на всѣ же требованія о дополнительномъ отводѣ помѣщеній — получался отвѣтъ, что ничего болѣе невозможно отвести. Тогда начальникъ штаба Главковерха ген. Розановъ приказалъ мнѣ образовать комиссію изъ представителей Сибирскихъ военныхъ властей, Городской Управы и отъ ставки, съ широкими полномочіями перемѣщенія и уплотненія даже казенныхъ учрежденій. Въ продолженіи трехъ недѣль, пока тянулись работа этой комиссіи, большая часть ставки и персонала Временнаго

Правительства оставалось въ вагонахъ. Омскъ вообще былъ переполненъ бѣженцами изъ Европейской Россіи, но въ казенныхъ учрежденіяхъ, при желаніи, безъ большихъ заботъ можно было найти достаточно помѣщенія для расквартированія Ставки. Приглашенные въ комиссію члены отъ города и инженернаго управленія охотно указывали намъ дома и учрежденія, гдѣ путемъ уплотненія можно было освободить много помѣщеній; но стоило намъ только приступить къ осмотру намѣченныхъ домовъ, какъ закипала закулисная работа, вмѣшивались даже министры различныхъ вѣдомствъ и военныя власти, и кончалось обыкновенно тѣмъ, что помѣщенія намъ не давали. Въ громадномъ, пятиэтажномъ зданіи Управленія Омской жел. дор., вмѣщавшемъ болѣе 400 комнатъ, легко можно было бы освободить ½ этажа, и тогда тамъ, въ освобожденныхъ 40 комнатахъ размѣстилась бы удобно вся Ставка, но потребовалось 10 дней времени и двукратное вмѣшательство въ это дѣло Верховнаго Главнокомандующаго, пока эти ½ этажа были уступлены. Для квартиры Главковерха комиссіей былъ намѣченъ домъ — особнякъ, совершенно въ данное время свободный, но когда хотѣли приступить къ его меблировкѣ, то встрѣтили вооруженную военную силу, охраняющую этотъ особнякъ, по порученію министра снабженія. Характерно, что послѣ смѣщенія Директоріи, этотъ самый особнякъ былъ немедленно предложенъ адмиралу Колчаку, который его и занялъ; а до этого времени домъ такъ и оставался неиспользованнымъ.

Какъ то во время спора изъ за помѣщенія, намѣченнаго для Ставки, одинъ изъ членовъ комиссіи спросилъ у мѣстнаго бюрократа, отстаивавшаго свои права на это

помѣщеніе, — какъ бы онъ отнесся въ томъ случаѣ, если бы упомянутый домъ понадобился для Его Величества Николая Александровича. Бюрократъ отвѣтилъ: — «Ну, развѣ тогда могли бы возникнуть какіе-нибудь разговоры!»

Игнорированіе членовъ Директоріи и Верховнаго Главнокомандующаго Сибирскими военными властями особенно подчеркивалось въ тѣхъ случаяхъ, когда это можно было продемонстрировать передъ иностранцами, какъ это было во время парадного обѣда и параднаго спектакля по случаю пріѣзда въ Омскъ генерала Жаненъ — Главнокомандующаго всѣми союзными войсками въ Сибири. Въ этихъ случаяхъ сибиряки всѣми мелочами старались показать себя единственными полномочными хозяевами въ Сибири. Параллельно съ этимъ ежедневно по улицамъ Омска прогуливались молодые Сибирскіе полки, распѣвая солдатскія пѣсни и щеголяя своей строевой дисциплиной.

Всѣ эти проявленія враждебности Сибирскихъ властей къ пріѣхавшему изъ Уфы Временному Правительству, не обѣщали ничего хорошаго, поэтому я изыскивалъ способы къ скорѣйшему сформированію отряда Ставки, который могъ бы быть единственной нашей опорой. Но, какъ я уже упоминалъ, тутъ я встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны руководителей дѣлъ въ самой Ставкѣ. Поданные мною на утвержденіе, еще въ Уфѣ, штаты отряда — не утверждались; на многочисленныя просьбы дать пополненія отряду, я получалъ только обѣщанія, которыя упорно не исполнялись. Я счелъ долгомъ объ этомъ доложить ген. Болдыреву. Послѣдній при мнѣ отдалъ въ довольно рѣзкомъ тонѣ приказаніе Помощнику Началь-

ника Штаба немедленно исполнить мои просьбы, касающiяся формированiя отряда, но и это не помогло, такъ какъ предложенный мною способъ полученiя пополненiй Дежурнымъ генераломъ — полковникомъ Леоновымъ былъ признанъ будто бы негоднымъ, а предложенный имъ самимъ способъ далъ пополненiе отряду только черезъ два мѣсяца, когда ген. Болдырева уже не было, а Главкомверхомъ сталъ адмиралъ Колчакъ. Сформированные мною въ Уфѣ кадры отряда были слишкомъ ничтожны, чтобы нужно было съ ними считаться, какъ съ боевой силой. Они состояли всего изъ 80 стрѣлковъ и около 120 офицеровъ. Этотъ маленькiй отрядикъ почти черезъ день заступалъ въ караулы, при чемъ не былъ даже въ состоянiи выполнить всѣ караулы при Ставкѣ и Временномъ Правительствѣ, такъ что часть карауловъ была возложена на гарнизоны г. Омска.

Вспоминая теперь разные незначительные факты, предшествовавшiе перевороту 18-го ноября, т. е. аресту членовъ Директорiи, для меня становится совершенно ясно, что это было дѣломъ далеко не только 3-хъ сговорившихся лицъ: полковниковъ Волкова, Катанаева и войскового старшины Красильникова, — какъ объ этомъ потомъ громогласно было объявлено въ судебномъ актѣ. Посыпавшiяся потомъ отъ адмирала Колчака награды за «особыя заслуги передъ родиной», оказанныя 18 ноября 1918 года, касались кромѣ упомянутыхъ 3-хъ активно дѣйствовавшихъ лицъ, еще и нѣсколькихъ человѣкъ изъ контръ-развѣдки Ставки; — это уже свидѣтельствуетъ, что послѣднiе тоже принимали въ этомъ дѣлѣ активное участiе; но кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнiю, что такое же активное участiе принимали и фактическiе

руководители Ставки, полковники: Слижиковъ, Сыромятниковъ, Леоновъ, и т. д., при ближайшемъ участіи коменданта Ставки полковника Деммерта. Нѣсколько разъ обращаясь по дѣламъ службы къ полк. Слижикову, я заставалъ его за таинственной, произносимой шепотомъ, бесѣдой съ полковн. Деммертъ, который былъ подчиненъ мнѣ по службѣ. Нѣсколько разъ полк. Слижиковъ пытался заставить меня передать часть отряда Ставки въ полное, непосредственное распоряженіе полковника Деммертъ, на что я не согласился, не довѣряя послѣднему. На основаніи этого я подозрѣваю, что по первоначальному плану активную роль въ самомъ переворотѣ долженъ былъ сыграть полк. Деммертъ, но не получивши въ свое распоряженіе никакой воинской силы, уступилъ эту роль полковнику Волкову съ компаніей. Несомнѣнно конечно и то, что кромѣ этихъ лицъ, въ дѣлѣ сверженія Директоріи участвовала, хотя и пассивно, цѣлая организація и, именно, та же организація, которая начала свою дѣятельность еще въ Уфѣ, а по прибытіе въ Омскъ быстро объединилась съ Сибирскими атаманами.

Самый переворотъ 18-го ноября случился всетаки неожиданно для насъ. Я не ожидалъ его уже потому, что дѣятельность членовъ Директоріи какъ будто все болѣе и болѣе начала принимать примиряющій характеръ. Члены Учредительнаго Собранія эсеры не были пропущены въ Омскъ; предсѣдатель Директоріи, Авксентьевъ, распустилъ Сибирскую областную Думу, засѣдавшую въ Томскѣ; почти всѣ министры Сибирскаго Правительства вошли во вновь образовываемое Всероссійское Временное Правительство; стало быть, какъ будто не было такихъ острыхъ треній, которыя могли бы вызвать кон-

фликтъ; кромѣ того я слышалъ отъ ген. Болдырева, что 2 изъ членовъ Директоріи, эсеры, собираются выйти изъ Директоріи; такимъ образомъ была надежда на еще большую согласованность дѣятельности оставшихся 3-хъ членовъ, между которыми не было больше разногласія. Быть можетъ эти благопріятныя обстоятельства и послужили настоящей причиной поспѣшности переворота, — возникло опасеніе, что Директорія укрѣпится, и справиться съ ней потомъ будетъ труднѣе, къ тому же циркулировали еще и слухи о готовящемся въ ближайшее время признаніи Всероссійскаго Временнаго Правительства Союзниками.

Генералъ Болдыревъ числа 15-го ноября выѣхалъ на фронтъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ и нуждами фронта. Для его охраны въ виду слабости фронта вообще и шаткости тыла, я нарядилъ 80 офицеровъ изъ офицерской роты; оставшихся силъ въ отрядѣ далеко не хватало для несенія карауловъ даже на 2 смѣны, почему поневолѣ пришлось прибѣгать къ помощи изъ Омскаго гарнизона. Это обстоятельство, очевидно, и облегчило производство внезапныхъ ночныхъ арестовъ членовъ Директоріи, такъ какъ караулы на квартирахъ членовъ Директоріи были какъ разъ изъ гарнизона г. Омска, начальникомъ которыхъ являлся полковникъ Волковъ — главное дѣйствующее лицо въ этомъ переворотѣ.

Утромъ 19-го ноября я получилъ записку отъ коменданта Ставки полковника Деммертъ, въ который онъ просилъ меня пріѣхать въ Ставку, такъ какъ не все благополучно. Я сейчась-же пріѣхалъ въ Ставку, гдѣ отъ Деммерта же узналъ о произведенныхъ ночью

арестахъ. На мой вопросъ, есть ли въ Ставкѣ начальникъ штаба, онъ отвѣтилъ, что ген. Розановъ передалъ свои полномочія полк. Сыромятникову. Тогда я направился къ послѣднему въ кабинетъ и засталъ его совмѣстно съ полк. Слижиковымъ. Послѣдній былъ недѣли 2 тому назадъ уволенъ съ должности помощника Начальника Штаба и числился въ отпуску. Я зналъ, что послѣ своего увольненія онъ уѣхалъ на фронтъ, но въ день отъѣзда ген. Больдырева я встрѣтилъ его на вокзалѣ, возвращающимся въ Омскъ. Нахожденіе въ этотъ ранній часъ полк. Слижикова здѣсь въ Ставкѣ, совмѣстно съ полк. Сыромятниковымъ, свидѣтельствовало объ участіи ихъ обоихъ въ дѣлѣ переворота, а поѣздка его на фронтъ, очевидно, имѣла задачу подготовить высшій командный составъ фронта къ ожидаемымъ событіямъ.

Я обратился къ полк. Сыромятникову съ просьбой оріентировать меня въ положеніи, на что послѣдній отвѣтилъ, что въ городѣ и въ войскахъ все спокойно, и что онъ надѣется, что ничего не произойдетъ, просилъ меня ни о чемъ не безпокоиться, такъ какъ слѣдствіе о происшедшемъ уже производится. У меня въ рукахъ не было никакихъ наличныхъ силъ, почему, конечно, я и не могъ что либо предпринять, — поэтому я отправился домой и сталъ пассивно ожидать грядущихъ событій.

На чрезвычайномъ засѣданіи совѣта министровъ, продолжавшемся весь день 19-го ноября, было вынесено рѣшеніе предложить адмиралу Колчаку диктаторскій постъ Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго. На этотъ постъ обсуждались 2 кандидатуры:

адмирала Колчака и генерала Болдырева, но большинство было на сторонѣ адм. Колчака, вопросъ же о томъ, какую должность займетъ генералъ Болдыревъ, остался открытымъ до возвращенія его въ Омскъ съ фронта.

Адмиралъ Колчакъ еще при Директоріи былъ назначенъ на постъ военнаго министра, но еще не успѣлъ вступить въ должность, такъ какъ по пріѣздѣ съ Дальняго Востока, гдѣ онъ находился, онъ сначала отправился на фронтъ и вернулся въ Омскъ, кажется, только въ день переворота. Въ военныхъ и общественныхъ кругахъ на него смотрѣли, какъ на человѣка съ демократическими принципами. Такого же мнѣнія о немъ былъ и Б. В. Савинковъ, который, уѣзжая во Францію, поручилъ мнѣ составить списокъ всѣхъ прибывшихъ черезъ большевистскій фронтъ членовъ нашей Московской Организаціи «Союза Защиты Родины и Свободы», и вручить его, черезъ Сибирскаго Министра Михайлова, адмиралу Колчаку, если послѣдній будетъ назначенъ военнымъ министромъ. Такія свѣдѣнія объ адм. Колчакѣ располагали въ его пользу и заставляли думать, что онъ не замѣшанъ въ дѣлѣ переворота 18-го ноября. Однако, прежде чѣмъ предпринять что-либо, я рѣшилъ выждать возвращенія съ фронта генерала Болдырева, который офиціально не былъ еще смѣщенъ съ должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Дня черезъ 3 прибылъ съ фронта ген. Болдыревъ. Когда прибылъ поѣздъ Верховнаго Главнокомандующаго, на перронѣ не было никого, кромѣ меня и станціонныхъ служащихъ. (Впослѣдствіи, какъ я узналъ, то обстоятельство, что я выѣхалъ встрѣтить ген. Болдырева, ставилось мнѣ въ вину.) Я еще не успѣлъ оріентировать

ген. Болдырева въ обстановкѣ, какъ къ послѣднему подошелъ офицеръ для связи при Ставкѣ и доложилъ, что адмиралъ Колчакъ проситъ его немедленно къ себѣ.

На слѣдующій день я снова видѣлся съ ген. Болдыревымъ у него на квартирѣ и узналъ о результатахъ его свиданія съ адмираломъ Колчакомъ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ съ фронта. Генералъ Болдыревъ разсказалъ, что и для него переворотъ явился полной неожиданностью; телеграмму же о случившемся онъ получилъ въ Уфѣ. Онъ показалъ мнѣ копіи его телеграммъ изъ Уфы адмиралу Колчаку, а также отвѣтъ послѣдняго. Я не помню въ настоящее время текста этихъ телеграммъ, помню лишь то, что телеграммы ген. Болдырева содержали категорическое требованіе немедленнаго освобожденія и возстановленія въ правахъ членовъ Директоріи; въ телеграммахъ же адм. Колчака былъ столь же категорическій отказъ, основанный на постановленіи Сибирскаго Совѣта Министровъ. Фронтъ, по словамъ ген. Болдырева, выразилъ полную готовность поддержать его, если онъ останется на фронтѣ и откажется повиноваться приказамъ изъ Омска. Послѣ зрѣлаго обсужденія проэкта, въ этомъ духѣ, возникшаго въ Уфѣ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что отъ начала подобной борьбы на два фронта, пользы для родины не будетъ и кончится все только полнымъ торжествомъ большевиковъ, — почему посовѣтовалъ фронтовикамъ, во избѣжаніе внутренней распри, подчиниться адмиралу Колчаку, и уѣхалъ изъ Уфы.

Во время его свиданія съ адм. Колчакомъ, послѣдній предложилъ ему выбрать должность по своему желанію, но ген. Болдыревъ отказался отъ какой-бы то ни было

должности, ссылаясь на свои обязательства передъ Уфимскимъ совѣщаніемъ. Нѣсколько дней спустя, ген. Болдыревъ отправился въ Японію, гдѣ пробылъ немного больше года, и я видѣлся съ нимъ только въ январѣ 1920 года во Владивостокѣ, послѣ паденія власти адм. Колчака.

Слѣдующіе 2½ мѣсяца послѣ переворота, я провелъ еще въ Омскѣ, но уже не у дѣлъ, а лишь какъ посторонній зритель всего тамъ совершающагося. Я молчаливо былъ устраненъ отъ должности Главнаго Коменданта Ставки и Временнаго Правительства, такъ какъ таковая стала лишней; отрядъ было приказано передать полковнику Деммертъ, а канцелярію ликвидировать, также ликвидировать и управленіе Коменданта Временнаго Правительства. Въ теченіе слѣдующей же недѣли было прислано пополненіе въ 700 человѣкъ отряду ставки, котораго я безуспѣшно добивался въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; командный составъ отряда остался въ прежнемъ видѣ.

Всю зиму 1918 года — 1919 года можно было бы назвать періодомъ укрѣпленія власти «Верховнаго Правителя» путемъ террора и искорененія крамолы, съ одной стороны, и созиданія ореола «единой власти» съ другой стороны; при этомъ по нѣкоторымъ фактамъ можно было догадаться, что имя адмирала Колчака не обязательно связывать съ понятіемъ «Верховный Правитель». Немедленно послѣ вступленія въ должность, адмирала Колчака, точно по мановенію волшебной палочки, посыпался дождь поздравительныхъ телеграммъ, печатались цѣлые газетные столбцы поздравленій и восхваленій геройства адм. Колчака. Искусственный характеръ этого шума чувствовался въ каждой строкѣ, и мнѣ

казалось, что если адмиралъ Колчакъ не былъ авторомъ событія 18-го ноября, то ему не особенно пріятно было читать и слушать эту шумиху.

Не знаю, была ли адм. Колчаку знакома обратная сторона этого похода для укрѣпленія его авторитета и власти; та сторона, которая, повидимому, главнымъ образомъ инспирировалась изъ чрезвычайки, созданной у полковника Деммертъ, подъ названіемъ «Контръ-развѣдки ставки» и комплектованной изъ бывшихъ жандармовъ. Не проходило почти ни одной ночи, чтобы на улицахъ Омска, либо на берегу Иртыша, не было найдено по одному или нѣсколько труповъ, неизвѣстно кѣмъ разстрѣлянныхъ людей, безъ всякихъ документовъ; трупы неизвѣстныхъ свозились для опознаванія въ мертвецкую загороднаго кладбища, но объ этомъ, конечно, ничего но публиковалось. Такъ погибли и 4 члена Учредительнаго Собранія, и редакторъ «Воли Народа», Маевскій, которыхъ вооруженная банда въ военной формѣ взяла изъ тюрьмы и разстрѣляла на берегу Иртыша. Изъ моихъ близкихъ знакомыхъ жертвой такой расправы сдѣлались прапорщикъ Набатовъ и доброволецъ студентъ Бестужевъ, бывшіе члены нашей организаціи «Защиты Родины и Свободы», зачисленные мною въ отрядъ Ставки. Всѣхъ оставшихся членовъ нашей организаціи я назначилъ въ конвой для сопровожденія генерала Болдырева до Японіи, съ тѣмъ, чтобы они больше не возвращались въ Омскъ. Иногда мнѣ удавалось спасти отъ явно угрожавшей опасности быть разстрѣлянными, нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ, если удавалось узнать объ ихъ арестѣ. Такъ были безъ всякой причины арестованы два молодыхъ человѣка, изъ

бывшихъ латышскихъ стрѣлковъ, у которыхъ я по пріѣздѣ въ Омскъ останавливался на квартирѣ. Узнавъ объ ихъ арестѣ, мнѣ удалось, черезъ начальника чешской контръ-развѣдки, настоять на ихъ освобожденіи. Также удалось освободить инженера Мейеровича изъ контръ-развѣдочнаго отдѣла ставки, арестованнаго, повидимому, только потому, что онъ состоялъ членомъ нашей организаціи въ Москвѣ. Характерно, что этотъ терроръ обрушивался, главнымъ образомъ, на тѣхъ людей, которыхъ больше всего въ свое время преслѣдовали большевики, и которые съ наибольшей напряженностью боролись противъ большевизма.

Былъ однажды случай, что 10 чел. отряда Красильникова нагрянули на квартиру г. Зарина, гдѣ находилась канцелярія Латышскаго національнаго совѣта и гдѣ собрались въ это время члены совѣта. Я былъ приглашенъ на это засѣданіе для обсужденія вопроса о формированіи латышскихъ національныхъ войсковыхъ частей въ Сибири. Когда я пришелъ на засѣданіе, отрядъ Красильниковцевъ уже занялъ всѣ выходы изъ квартиры, а 3 чел. внутри приступали къ обыску, съ чего обыкновенно начинались аресты подлежащихъ ликвидаціи лицъ. Въ то время я еще не былъ офиціально уволенъ со своей должности и поэтому, дѣйствуя именемъ Главнаго Коменданта Ставки, заставилъ этотъ отрядъ удалиться, но уходя они на улицѣ арестовали запоздавшаго приходомъ на засѣданіе секретаря Совѣта (Грузита), который несмотря на всѣ принимаемыя мѣры къ его освобожденію, безъ всякой вины просидѣлъ въ тюрьмѣ болѣе мѣсяца.

Практиковались еще и другіе способы искорененія

инакомыслящихъ. Объ одномъ такомъ случаѣ мнѣ стали извѣстны даже мелкія подробности, почему и разскажу его тутъ. Безслѣдно исчезъ изъ Омска популярный въ Народной арміи полковникъ ген. штаба Махинъ. Онъ былъ арестованъ въ Уфѣ послѣ Омскаго переворота и обвинялся въ принадлежности либо въ сочувствіи партіи правыхъ эсеровъ, а по доставленіи въ Омскъ былъ освобожденъ и жилъ на частной квартирѣ. Въ началѣ декабря одинъ изъ офицеровъ отряда Ставки, штабсъ-капитанъ Д., былъ вызванъ въ Ставку, гдѣ въ присутствіи начальника штаба, генерала Лебедева, и ген. кварт., полковника Церетелли, полковникъ Деммертъ предложилъ ему организовать убійство полковника Махина, объяснивъ, что послѣдній является опаснымъ государственнымъ преступникомъ, но преданіе его суду нежелательно, чтобы не придавать дѣлу широкой огласки. Поэтому необходимо его убрать, чтобы никто не зналъ. Штабсъ-капитанъ Д. отвѣтилъ, что онъ, какъ офицеръ, исполнитъ все, что ему будетъ приказано. Черезъ нѣсколько дней была организована облава на квартиру полковника Махина. Ночью на 3-хъ саняхъ вооруженный отрядъ около 10 чел. подъѣхалъ къ квартирѣ полк. Махина, но встрѣтилъ вооруженное сопротивленіе нѣсколькихъ человѣкъ. Произошла перестрѣлка, въ которой со стороны охраны полк. Махина было убито 3 человѣка. Послѣ этого, ворвались въ квартиру, но шт.-кап. Д. полковника Махина тамъ не нашелъ. Убитые были подобраны и привезены въ Ставку во дворъ и спрятаны тамъ. Впослѣдствіи похоронили ихъ подъ видомъ убитыхъ во время Рождественскаго возстанія. Полковникъ Махинъ, однако, былъ какимъ-то образомъ арестованъ, и спустя

нѣсколько дней тотъ же шт.-кап. Д. получилъ снова отъ полк. Деммертъ порученіе конвоировать Махина до Владивостока, но по дорогѣ убить его. По нѣкоторымъ признакамъ шт.-кап. Д. усомнился въ дѣйствительной виновности полковника Махина и потому прежде, чѣмъ отправиться исполнить порученіе, посовѣтовался со своимъ ротнымъ командиромъ. Послѣдній посовѣтовалъ ему уклониться отъ этого темнаго дѣла, почему Д. подалъ рапортъ о болѣзни. Тогда полковникъ Деммертъ то же порученіе предложилъ еще 2-мъ офицерамъ отряда Ставки, которые также уклонились; наконецъ, исполнить это порученіе взялся нѣкій подпоручикъ Степановъ и, въ компаніи еще съ однимъ агентомъ изъ контръ-развѣдочнаго отдѣла Ставки, отправился конвоировать полк. Махина во Владивостокъ. По возвращеніи Степановъ заявилъ товарищамъ, что онъ доставилъ Махина во Владивостокъ, и показывалъ расписку въ пріемѣ его комендантомъ Владивостока; но впослѣдствіи уже на фронтѣ у Степанова были замѣчены вещи полк. Махина, при чемъ Степановъ признался, что онъ дѣйствительно порученіе выполнилъ въ гор. Харбинѣ, застрѣливъ Махина по пути съ вокзала въ городъ, куда Махинъ отправился, повѣривъ увѣреніямъ Степанова, что тотъ его не тронетъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ, конечно, приходилось также опасаться всякихъ сюрпризовъ и для себя. Только моя принципіальная полная безпартійность, воинская дисциплинированность и абсолютное нежеланіе вмѣшиваться въ какую бы то ни было политику и то, что изъ предосторожности, я не выходилъ ночью на улицу, — вѣроятно, помогли мнѣ избавиться отъ круп-

ныхъ непріятностей. Впослѣдствіи, на фронтѣ, мнѣ удалось узнать, что и моя фамилія была занесена въ списки подлежащихъ «ликвидаціи» при удобномъ случаѣ, какъ объ этомъ деликатно любили выражаться герои отряда Красильникова.

Но это только одна сторона той душной атмосферы, въ которой выковывался престижъ власти. Мнѣ придется еще вернуться къ этому, но чтобы не потерять хронологическаго порядка изложенія, скажу нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось на фронтахъ.

Мои свѣдѣнія о тогдашнемъ фронтѣ очень ограничены; они исчерпываются тѣми данными, которыя я получалъ отъ полковника Перхурова, поддерживавшаго со мною связь.

Полковникъ Перхуровъ, вступивши въ дѣло еще въ Казани, все время оставался на фронтѣ, дѣйствуя въ составѣ корпуса ген. Каппеля, объединившаго подъ свою команду всѣ остатки народной арміи, боровшейся на протяженіи: Самара — Симбирскъ — Казань. Южнѣе, въ направленіи Самара — Оренбургъ — отступала Сызранская дивизія полковника Бакича; сѣвернѣе — дѣйствовали Ижевская и Воткинская дивизіи; а еще далѣе, въ направленіи на Екатеринбургъ — чехи. Позднѣе, въ концѣ октября, вступили въ дѣйствіе Уфимскія войска подъ командой генерала Люпова, а еще позже — уральскіе горные стрѣлки подъ начальствомъ генерала Ханжина.

Войска Народной Арміи, ведя безпрерывные бои въ теченіе 5 мѣсяцевъ, находились въ самомъ печальномъ положеніи; они не получали никакого снабженія, были въ изорванной одеждѣ и обуви; патроны имѣли только

тогда, когда удавалось отбить ихъ у красныхъ; не имѣли совершенно медикаментовъ; солдаты и офицеры по нѣсколько мѣсяцевъ не получали жалованья; отъ страшнаго утомленія и недоѣданія появлялись тифъ и цынга. На всѣ подаваемые рапорты и ходатайства не получалось никакого отвѣта, точно они были совершенно забыты. Въ началѣ ноября ко мнѣ пріѣхалъ нарочный отъ полковъ Перхурова, снабженный копіями поданныхъ имъ въ разное время рапортовъ, на которые онъ тщетно ждалъ отвѣта. Полк. Перхуровъ просилъ доложить непосредственно Верховному Главнокомандующему, что я и сдѣлалъ. Генералъ Болдыревъ былъ удивленъ и сказалъ, что ничего подобнаго ему не докладывали. Это и была одна изъ главныхъ причинъ его поѣздки на фронтъ, чтобы тамъ на мѣстѣ оказать содѣйствіе тѣмъ войскамъ, которыя въ этомъ наиболѣе нуждались. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ сдѣлать еще никакихъ распоряженій, такъ какъ въ Уфѣ его настигла телеграмма о переворотѣ.

Генералъ Болдыревъ потомъ, въ разговорѣ со мной, отзывался объ этихъ войскахъ, какъ объ истинныхъ герояхъ; небольшими горсточками они совершали отчаянныя вылазки и нападенія, и держали въ страхѣ втрое и четверо сильнѣйшаго противника. Это вполнѣ и понятно, потому что тамъ боролись исключительно идейные и геройскіе элементы, такъ какъ всѣ шкурники, политиканы, спекулянты и другіе бѣжали изъ народной арміи въ глубокій тылъ, вмѣстѣ съ «Казанскимъ героемъ» полковникомъ Степановымъ, который, упорно, не исполняя въ свое время приказовъ объ эвакуаціи Казани, оставилъ тамъ

громадные запасы медицинскіе, артиллерійскіе и интендантскіе, а отправивъ лишь золото, самъ съ «золотою молодежью» воцарился въ глубокомъ тылу, — въ Ново-Николаевскѣ. Воцарившись въ Ново-Николаевскѣ, полк. Степановъ по истинѣ «шумѣлъ», — съ одной стороны своими громогласными приказами, въ которыхъ ярко сквозило желаніе обезпечить себѣ большую карьеру, а съ другой стороны опорожняемыми и разбиваемыми бутылками, отзвуки которыхъ, въ видѣ анекдотовъ, доносились даже до Омска. Такъ до конца декабря народная армія и не получила ни поддержки, ни теплаго обмундированія, несмотря на сильные морозы. Ставка, повидимому, этимъ совершенно не интересовалась или не имѣла времени интересоваться, такъ какъ была занята совершенно другими дѣлами.

Полк. Перхуровъ, возмущенный до глубины души такимъ отношеніемъ, пріѣхалъ наконецъ самъ въ Омскъ, чтобы доложить лично о положеніи фронта; это было передъ Рождествомъ, но увы! не могъ добиться пріема ни у Верховнаго Правителя, ни у Начальника Штаба. Онъ приходилъ въ Ставку, дежурилъ по нѣсколько часовъ, чтобы дождаться обѣщаемой минуты пріема, но всегда кончалось тѣмъ, что его просили придти на слѣдующій день, за неимѣніемъ времени сегодня. Наконецъ, онъ добился, что будетъ принятъ «только на 1 минуту» по часамъ. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ Начальника Штаба, послѣдній, вынувъ и положивъ часы на столъ, еще разъ предупредилъ, чтобы его не задерживать болѣе одной минуты. Тогда полк. Перхуровъ заявилъ, что для него будетъ достаточно и полминуты, вынулъ 2 большихъ рапорта, положилъ ихъ на столъ и сказалъ: «Вотъ

вамъ мои рапорты, если черезъ 2 дня я не получу удовлетворительнаго отвѣта, то приду къ вамъ въ кабинетъ и при васъ застрѣлюсь.» Убѣдившись, что прошло полминуты, онъ повернулся и направился было къ дверямъ, но генералъ Лебедевъ тогда пригласилъ его сѣсть и, случайно, у него нашлось болѣе получаса свободнаго времени, чтобы выслушать докладъ полк. Перхурова. — Я привожу этотъ случай не ради его анекдотичности, но чтобы освѣтить положеніе вещей, каково оно было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ этотъ случай вовсе не исключеніе, а обыкновеннѣйшее явленіе для Ставки того времени, и мнѣ приходилось слышать отъ очень многихъ лицъ разсказы о подобныхъ же пріемахъ.

Трудно сказать, были ли на самомъ дѣлѣ высшія должностныя лица Ставки такъ страшно заняты, какъ они это показывали, или это былъ тоже особый пріемъ для поднятія престижа власти. Если же на самомъ дѣлѣ были заняты, — то являлся вопросъ — чѣмъ именно, если для прямыхъ своихъ обязанностей — заботѣ о фронтѣ, не оставалось времени. Однажды по этому поводу очень образно выразился генералъ Жаненъ, что «въ Ставкѣ каждый прапорщикъ дѣлаетъ свою политику». Такое опредѣленіе мнѣ кажется очень мѣткимъ, такъ какъ дѣйствительно тамъ, кажется, всѣ занимались политикой, вѣрнѣе — политиканствомъ.

Составъ Ставки оставался почти прежнимъ, только не было ген. Розанова и полк. Слижикова, но зато послѣдній былъ всегда около Ставки. Розанова при Колчакѣ замѣнилъ ген. Лебедевъ; — это былъ молодой полковникъ Генеральнаго Штаба, какъ говорили, прибывшій отъ генерала Алексѣева. Много разъ я видѣлъ его

еще въ Уфѣ и по пути въ Омскъ, а также въ Омскѣ, всегда въ Ставкѣ, хотя онъ тамъ никакихъ обязанностей не исполнялъ, но зато, очевидно, былъ вполнѣ въ курсѣ всей политики Ставки, а послѣ вступленія въ должность опредѣленно велъ политику своего достойнаго предшественника, полковника Слижикова. Можно безошибочно сказать, что главная сущность этой политики заключалась въ устраненіи отъ дѣла лицъ, проявившихъ инициативу въ борьбѣ съ большевизмомъ и наиболѣе интенсивно работавшихъ на фронтѣ. Такъ генералъ Галкинъ сидѣлъ безъ дѣла; боевой генералъ Рычковъ, командовавшій арміей еще въ Германской войнѣ, сидѣлъ на незавидной административной должности; точно такъ же генералы Вихиревъ, Пановъ и другіе. Безъ дѣла сидѣлъ въ чешскомъ Штабѣ боевой генералъ Шокоревъ, командовавшій чехами въ первое время ихъ выступленія итд.

Народная армія, боровшаяся на фронтѣ, ясно была обречена на уничтоженіе; генералу Дутову подготовлялся административный постъ. На высокія командныя должности выдвигались лица безъ команднаго ценза и безъ опыта, но очевидно съ опредѣленной политической физіономіей, напримѣръ, генералъ Виттекопфъ (Бѣловъ), который кончилъ Германскую войну подполковникомъ Генеральнаго Штаба, стало быть, не командовалъ ни корпусомъ, ни дивизіей, ни даже полкомъ, но здѣсь онъ получилъ сразу армію. Такихъ примѣровъ очень много. Все это, конечно, была политика и очень сложная политика.

Насъ, не признававшихъ Брестскаго позора и смотрѣвшихъ на войну съ большевиками, какъ на продолженіе войны съ Германіей, очень интересовалъ вопросъ, причастенъ ли, и на сколько именно, къ этой политикѣ

адмиралъ Колчакъ. По многимъ даннымъ адм. Колчакъ какъ-будто совершенно не понималъ того, что дѣлается кругомъ него, и смотрѣлъ на все сквозь ту призму, въ которой показывали ему факты его ближайшіе докладчики. Доступа къ нему почти не было. Его многіе сравнивали съ Крыловской щукой, пошедшей съ котомъ на сушу ловить мышей. Такъ, пожалуй, оно и было. Когда генералу Галкину удалось вручить ему рапортъ, въ которомъ, ссылаясь на свою прежнюю дѣятельность, онъ просилъ о представленіи ему командной должности, то адмиралъ Колчакъ приказалъ немедленно предоставить ген. Галкину первый освободившійся корпусъ. Много, видно, труда стоило главарямъ Ставки выдумать для ген. Галкина корпусъ, такъ, чтобы волки были сыты, и овцы цѣлы. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди. Были и другіе случаи, указывавшіе, что адм. Колчакъ совершенно не зналъ командного состава и чувствовалъ себя какъ въ лѣсу, въ которомъ его нарочно запутывали. Напримѣръ: онъ былъ откровенно удивленъ, впервые увидѣвши меня. Это было на Георгіевскомъ праздникѣ, куда я явился нежданно, просто для того, чтобы отстаивать свои статутныя права, хотя все было устроено такъ, чтобы я туда не явился. Послѣ встрѣчи адмираломъ Колчакомъ меня, заправилы Ставки принуждены были измѣнить экстренно весь церемоніалъ парада, уже утвержденный приказомъ, чтобы не обратить вниманія Верховнаго Правителя на завѣдомо неправильное его составленіе. (Въ то время въ Омскѣ я былъ единственнымъ кавалеромъ 3-й степени этого ордена и по статуту ордена мнѣ слѣдовало командовать на парадѣ георгіевской ротой, которой приказомъ назначенъ командовать

былъ генералъ Розановъ.) Въ еще болѣе непріятномъ положеніи оказались вожди ставки, когда послѣ парада я вмѣстѣ съ другими георгіевскими кавалерами отправился на парадный обѣдъ, гдѣ меня также не ждали, и гдѣ адмиралъ Колчакъ въ честь меня произнесъ отдѣльный тостъ. Можетъ быть эти обстоятельства и спасли меня отъ тайнаго «ликвидированія» по составленному списку.

Намъ какъ-то разсказывали, что при объѣздѣ фронта, адм. Колчакъ, узнавъ всю правду о башкирскихъ полкахъ, сталъ рвать на себѣ волосы, такъ какъ имъ же былъ отданъ приказъ о расформированіи этихъ полковъ, очевидно, на основаніи совершенно неправильнаго освѣщенія положенія, послѣ чего эти полки большей частью перешли на сторону красныхъ. Подобныхъ фактовъ было много. Поэтому я долгое время объяснялъ его поведеніе очень труднымъ его положеніемъ, такъ какъ онъ не могъ игнорировать тѣ реальныя силы, опираясь на которыя, онъ принялъ бразды правленія; теперь же онъ долженъ былъ искусно лавировать, чтобы сохранить положеніе, надѣясь, можетъ быть, въ будущемъ повернуть направленіе политики въ другую сторону, когда можно будетъ обойтись безъ помощи атамановъ. По этой причинѣ я полагалъ и возможнымъ и необходимымъ работать и при этихъ тяжелыхъ условіяхъ, но, увы! работы не давали; въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ мнѣ говорили любезности, что я считаюсь 1-ымъ кандидатомъ на открывающуюся дивизію, но далѣе этого вопросъ не двигался.

Такое объясненіе психологіи адмир. Колчака находило еще и то подтвержденіе, что положеніе Колчака было безусловно не прочно, и были попытки къ новому перево-

роту. Одна изъ этихъ попытокъ, какъ шли слухи, была пресѣчена еще въ стадiи своего идейнаго развитiя — и ограничилась увольненiмъ нѣсколькихъ лицъ съ должностей, въ томъ числѣ полк. Сыромятникова, уже такъ много послужившаго для сверженiя Директорiи. Другая попытка была серьезнѣе, и извѣстна подъ названiемъ большевистскаго возстанiя въ Омскѣ въ декабрѣ 1918 года. Возстанiе было кровопролитно ликвидировано, хотя бой длился 2 дня. Объ этомъ возстанiи тогда ходили по городу всевозможные слухи, которымъ трудно было вѣрить, но во время уже всеобщаго развала сибирскихъ армiй, одно очень компетентное лицо сообщило мнѣ подробности объ этомъ дѣлѣ, будто уже точно установленныя. Вкратцѣ онѣ таковы: по внушенiю агентовъ одной державы и подъ обѣщанiе поддержки съ ея стороны, одно лицо изъ высшаго командного состава г. Омска допустило организовать большевистскую пропаганду въ 2 полкахъ, расквартированныхъ въ Куломзино (предмѣстье г. Омска на лѣвомъ берегу Иртыша). Эти два полка должны были произвести переворотъ и низвергнуть адм. Колчака. По исполненiи этой миссiи, упомянутые полки въ свою очередь должны были быть ликвидированы полками, расквартированными въ городѣ, гдѣ никакой пропаганды допущено не было. Эти же полки, по исполненiи своего дѣла, должны были выставить кандидата на постъ Верховнаго Правителя и требовать его признанiя. Таковымъ кандидатомъ, конечно, долженъ былъ быть инициаторъ всего этого переворота. Все это похоже на сказку изъ среднихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе она чуть чуть не была въ точности выполнена. Не во время только вмѣшались чехи и усмирили мятежниковъ раньше, чѣмъ

было предположено. Авантюра не удалась, но зато полностью была достигнута цѣль «агентовъ одной державы», — разложеніе арміи въ тылу, когда она такъ необходима была на фронтѣ. Мнѣ не назвали имени этой державы, но по смыслу всего случившагося надо думать, что это были агенты совдепіи, либо ихъ единомышленниковъ.

Ловкіе агенты изъ большевизіи безусловно шныряли въ политиканствующей толпѣ Омска и измышляли фантастическія исторіи, чтебы толкнуть Омское населеніе и преимущественно военное общество, на крайній путь — реакціи. Это была наиболѣе безопасная и даже поощряемая Сибиряками форма пропаганды, которая, какъ это хорошо понимали большевики, скорѣе всего приводитъ къ разложенію арміи.

Я приведу одинъ случай столкновенія съ такого рода агентомъ, въ подлинной физіономіи котораго я, однако, еще сомнѣваюсь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ про дальнѣйшую его карьеру. Дѣло произошло въ январѣ 1919 года. Какъ то я зашелъ по дѣлу въ редакцію газеты «Русская Армія», гдѣ помощникъ редактора г-жа Франкъ, представила мнѣ нѣкоего капитана Крашенинникова, секретаря редакціи. Онъ отрекомендовался мнѣ, какъ бывшій членъ нашей Московской организаціи — «Союза Защиты Родины и Свободы» и заявилъ, что ему необходимо поговорить со мной и полк. Перхуровымъ по весьма важному дѣлу. Полковникъ Перхуровъ былъ въ это время въ Омскѣ, и мы условились о времени и мѣстѣ встрѣчи. Я задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ, касающихся минувшихъ дѣлъ въ Москвѣ, и убѣдился, что онъ дѣйствительно долженъ былъ состоять членомъ нашей организаціи, такъ какъ зналъ нѣсколько

фактовъ и лицъ, которые могли быть извѣстны только членомъ организаціи. Между прочимъ онъ разсказывалъ подробности о разстрѣлѣ нашего героя полковника Брѣдиса большевиками. Въ Омскъ онъ прибылъ только мѣсяцъ назадъ черезъ большевистскій фронтъ. Благодаря всему этому, я почувствовалъ къ нему нѣкоторое довѣріе, и въ назначенное время мы встрѣтились втроемъ. Кап. Крашенинниковъ немедленно приступилъ къ дѣлу и разсказалъ намъ приблизительно слѣдующее: дѣла на фронтѣ таковыя, что должно быть уже ясно, что намъ отъ большевиковъ спасенія нѣтъ; что союзники не помогаютъ и не помогутъ; поэтому только одинъ выходъ — броситься въ объятія Японіи. Извѣстные общественные круги, именно Торгово-Промышленные, отъ которыхъ онъ является представителемъ, сдѣлали въ этомъ направленіи уже шаги, они вели переговоры съ представителями Японіи, и Японія готова помочь Россіи серьезно, готова выставить столько войскъ, сколько потребуется, чтобы очистить всю Россію отъ большевиковъ, но ставитъ одно непремѣнное условіе: предварительное возстановленіе въ Россіи монархіи. О другихъ условіяхъ и компенсаціяхъ она даже не думаетъ говорить въ настоящее время; во всякомъ случаѣ Японія не желаетъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и максимумъ, что она можетъ пожелать, это нѣкоторыхъ торговыхъ и промышленныхъ преимуществъ на Дальнемъ Востокѣ. Японія дѣлаетъ все это вовсе не изъ за какой нибудь дружбы, но она сама заинтересована, чтобы большевизмъ не перекинулся въ Японію, чѣмъ и объясняется такая ея готовность помочь Россіи, и по поводу всего сказаннаго онъ желаетъ знать наше мнѣніе.

Естественно, что мы сразу задали вопросъ, почему онъ съ такимъ вопросомъ обращается къ намъ, а не къ Верховному Правителю. На этотъ случай у Крашенинникова имѣлся готовый отвѣтъ; онъ сказалъ, что Верховному Правителю это уже извѣстно, но что послѣднiй колеблется, не зная, какъ на это будутъ реагировать военные круги, поэтому, если мы этому сочувствуемъ, то мы должны явиться къ Верховному Правителю и отъ имени тѣхъ офицерскихъ круговъ, которые стоятъ за нами, заявить объ этомъ. Чтобы мы не смущались тѣмъ обстоятельствомъ, что Верховный Правитель «забронированъ», — онъ берется устроить для насъ прiемъ.

На всѣ наши вопросы Крашенинниковъ отвѣчалъ не задумываясь и очень убѣжденно. Не привожу этихъ подробностей, такъ какъ онѣ не представляютъ большого интереса. Наконецъ мы заявили, что это вопросъ такой важный и серьезный, что дать отвѣтъ сразу не можемъ, а посовѣтуемся сначала съ нашими товарищами и на слѣдующiй день дадимъ отвѣтъ.

Мы недоумѣвали, какъ отнестись ко всему услышанному отъ Крашенинникова: какъ къ серьезной попыткѣ склонить насъ на такъ называемую «Японскую орiентацiю», или какъ къ провокацiи противъ насъ съ цѣлью выпытать вообще наши политическiя убѣжденiя, поэтому въ тотъ же день мы повидались съ Сибирскими общественными дѣятелями: братьями Шендриковыми и съ докторомъ Григорьевымъ, который редактировалъ въ это время газету «Военныя Вѣдомости» и случайно былъ въ Омскѣ. Посовѣтовавшись съ ними, мы рѣшили провѣрить еще нѣкоторыя фактическiя данныя, сообщенныя намъ

Крашенинниковымъ, и они оказались отчасти ложными, отчасти неточными.

Наше свиданіе на слѣдующій день произошло уже въ присутствіи 6 человѣкъ. Поэтому вчерашній разговоръ былъ повторенъ, при чемъ кап. Крашенинниковъ добавилъ еще, что Японская оріентація обезпечена уже до Иркутска и что въ ближайшее время и Омскъ станетъ на эту точку зрѣнія, что въ широкихъ кругахъ большое недовольство союзниками, и что въ ближайшее время готовится демонстрація противъ союзниковъ въ Омскѣ. Въ концѣ разговора мы заявили, что мы, какъ военные, не считаемъ себя вправѣ обращаться къ Верховному Правителю, а поступимъ всегда такъ, какъ прикажетъ Верховный Главнокомандующій.

Обо всемъ этомъ мы довели до свѣдѣнія начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и какъ мы потомъ узнали, Крашенинниковъ былъ арестованъ. Демонстрація противъ союзниковъ дѣйствительно была произведена въ одномъ изъ кафе на главной улицѣ.

Очевидно, въ связи со всѣмъ этимъ имѣла мѣсто травля союзниковъ, поднятая въ официальномъ органѣ «Русская Армія», при чемъ наиболѣе яркія статьи были подписаны полковн. Геркенъ. Любопытно, что вмѣстѣ съ арестомъ кап. Крашенинникова, былъ смѣщенъ съ должности также редакторъ «Русской Арміи» ротмистръ Скрябинъ, казалось бы въ наказаніе за допущенную въ официальной печати травлю; но какъ мы были удивлены, узнавши черезъ нѣсколько дней, что редакторомъ назначенъ авторъ упомянутыхъ выше статей — полковникъ Геркенъ. Впослѣдствіе, уже на фронтѣ я узналъ, что и арестъ кап. Крашенинникова былъ только фиктивнымъ, и въ концѣ

того же года онъ состоялъ начальникомъ штаба у генерала Розанова во Владивостокѣ, гдѣ игралъ очень видную роль и велъ очень широкую жизнь, несмотря на страшную въ то время дороговизну во Владивостокѣ. — Я долженъ еще отмѣтить, что въ сообщенныхъ намъ Крашенинниковымъ свѣдѣніяхъ о воинской помощи, была очевидная ложь, такъ какъ Японія, если и желала бы помочь Россіи освободиться отъ большевиковъ, то не могла бы по чисто военнымъ соображеніямъ сдѣлать этого.

Я упомянулъ, что съ Крашенинниковымъ познакомила меня госпожа Франкъ. Необходимо и объ этой госпожѣ сказать кое что, такъ какъ она является достойнымъ вѣнцомъ той камарильи, которая окружала адмирала Колчака и дѣлала Омскую политику. Какъ то случайно я встрѣтился съ полковникомъ Франкъ, съ которымъ былъ знакомъ по Рижскому фронту, въ Германской войнѣ. Въ разговорѣ онъ сообщилъ мнѣ, что состоитъ для порученій при политическомъ представителѣ Англіи лордѣ Іордѣ (членъ англійскаго парламента), и просилъ въ свободное время заглянуть къ нему въ вагонъ лорда Іорда, гдѣ и онъ живетъ. Нѣсколько дней спустя, мнѣ пришлось быть по близости поѣзда съ вагономъ англійскаго представителя; я вспомнилъ приглашеніе и спросилъ полковника Франкъ. Послѣдній оказался дома, но не одинъ, — съ нимъ была дама, которую онъ представилъ, какъ свою жену. Супруги Франкъ хорошо владѣли англійскимъ языкомъ и служили переводчиками лорду Іорду, совершенно не понимавшему по русски, жили съ нимъ въ одномъ вагонѣ, вмѣстѣ столовались и мнѣ казалось,, что лордъ Іордъ слышитъ обо всемъ, что творится въ Омскѣ, — ушами супруговъ Франкъ. Почему то разговоръ сра-

зу коснулся политики. Узнавши, что я бывшій начальникъ I. Латышской бригады, г-жа Франкъ съ сильнымъ оттѣнкомъ шовинизма рисовала будущія перспективы Латвіи и Польши. Она нѣсколько разъ подтвердила, что она полька и стремится къ возрожденію «Великой Отчизны съ крулемъ во главѣ». Показывала мнѣ карту, гдѣ будто рукой лорда Іорда помѣчены были границы будущей Польши; она охватывала Либаву, Двинскъ, Витебскъ, Смоленскъ, Кіевъ . . на мое замѣчаніе, что тамъ входятъ земли, населенныя какъ будто не поляками, она посмѣявшись надъ принципами самоопредѣленія на мирной конференціи, заявила, что теперь время такое, что границы будетъ устанавливать тотъ, у кого сила въ рукахъ, а у поляковъ изъ 60 милліоннаго населенія будетъ больше чѣмъ милліонная армія и т. д. Нѣсколько приподнятый и настойчивый тонъ, которымъ все это говорилось, не внушилъ мнѣ особеннаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что я узналъ отъ нея же, что она хорошо знакома съ адмираломъ Колчакомъ и фактически редактируетъ газету «Русская Армія, поэтому рѣшилъ собрать о ней справки. Кое какія свѣдѣнія мнѣ удалось получить о ней уже въ Омскѣ: я узналъ, что она въ 1917 году служила на Рижскомъ фронтѣ, въ одномъ учрежденіи союза городовъ; что въ «искосолѣ» XII. арміи имѣлось противъ нея обвиненіе, что она натравливала стрѣлковъ латышскихъ полковъ противъ русскихъ солдатъ и, наоборотъ, русскихъ солдатъ противъ латышей. Въ 1918 году она редактировала одну газету на Дальнемъ Востокѣ, но оттуда принуждена была уѣхать. Была близко знакома съ адмираломъ Колчакомъ еще раньше, а въ настоящее время пользуется у него большимъ вліяніемъ и многіе

черезъ нее находятъ покровительство у Верховнаго Правителя. Когда вслѣдъ за тѣмъ я убѣдился, что она въ одной компаніи съ Крашенинниковымъ, тогда уже ея настоящая политическая роль не подлежала сомнѣнію; больше я у нихъ не бывалъ.

Мои впечатлѣнія объ Омскѣ вообще еще не полны, такъ какъ нѣкоторыя стороны Омской жизни оставались мнѣ недоступными, особенно жизнь тѣхъ круговъ, которые видѣли во мнѣ врага, но если подвести итогъ уже изложеннымъ впечатлѣніямъ,то получается подобіе планомѣрнаго строительства политики на началахъ, заложенженныхъ вѣроятно на Уфимскомъ съѣздѣ Торгово-Промышленниковъ.

Налицо: Однородная Ставка — Академія съ комендатурой и охранкой изъ старыхъ, опытныхъ жандармовъ, Атаманствующій командный составъ Сибирской арміи, отчасти съ измѣненными нѣмецкими фамиліями; таковой же въ гарнизонѣ г. Омска; военная, широко распространенная пресса во главѣ съ Геркеномъ; агенты — агитаторы типа Крашенинникова и г-жи Франкъ; иностранные представители и Верховный Правитель, окруженные своими вѣрными людьми; уничтоженная Директорія и уничтоженная Народная армія, да еще цѣлый рядъ безымянныхъ труповъ, частью на кладбищѣ, частью въ Иртышѣ... Но этого все же еще было недостаточно; надо было завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе и широкіе офицерскіе слои, которые стояли внѣ политики. Конечно, не мало дѣлалось и въ этомъ направленій. Уже не говоря про прессу, были и другіе пріемы созданія популярности.

«Маститый» начальникъ академіи, генералъ Андогскій сидѣлъ не у дѣлъ; не пропускало его въ Ставку

Брестское клеймо: да и вся Академія Генеральнаго Штаба, такъ долго служившая у красныхъ и плѣненная Народной арміей въ Казани, не пользовалась популярностью. Для устраненія этихъ неудобстъ былъ устроенъ годовой академическій обѣдъ, на которомъ говорилось много рѣчей о подвигахъ Академіи, пробившейся изъ краснаго плѣна, чтобы спасти Россію; генералъ же Андогскій уподоблялся Димитрію Донскому, унижавшемуся передъ Мамаемъ (Троцкимъ), для той же цѣли. Любопытная полемика возникла по этому поводу между генер. Рычковымъ и ген. Андогскимъ, въ которой ген. Рычковъ мѣтко клеймилъ недостойное поведеніе Академіи и откровенно называлъ ея руководителей предателями. Полемика кончилась вмѣшательствомъ Ставки и удаленіемъ ген. Андогскаго временно изъ Омска.

Я имѣлъ также случай наблюдать, какіе пріемы пускались въ ходъ для того, чтобы настроить въ свою пользу офицерскіе слои. Полковникъ Деммертъ, получивъ въ свое распоряженіе отрядъ Ставки, устроилъ нѣсколько вечеринокъ въ общежитіи офицеровъ этого отряда, прислав, предварительно, въ подарокъ на имя общежитія нѣсколько ведеръ гдѣ то реквизированнаго спирта. Участвуя самъ въ этихъ вечеринкахъ, онъ «сплачивалъ офицерство» патріотическими рѣчами и напѣвами во хмѣлю на мотивы «Боже, царя храни». На одну изъ такихъ вечеринокъ, по случаю встрѣчи Новаго года, офицеры отряда пригласили и меня; были тамъ и высшіе представители Ставки, и представители отряда Красильникова. За ужиномъ я прослушалъ нѣсколько рѣчей, въ которыхъ ясно чувствовались демагогія и неискренность; особенно запомнилась мнѣ одна, въ которой полк. Деммертъ съ чисто фиглярски-

ми жестами доказывалъ, что офицеръ можетъ сдѣлать изъ солдата все, что ему вздумается. Я допустилъ тогда маленькую неосторожность, тоже произнося тостъ, сказалъ нѣсколько простыхъ искренныхъ словъ не въ тонъ прежнымъ рѣчамъ, на что офицеры отвѣтили слишкомъ дружнымъ сочувствіемъ, и это, кажется, погубило отрядъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ его разогнали. Мнѣ сообщили потомъ, что Деммертомъ были поданы 2 рапорта о несоотвѣтствіи отряда, о ненужности роты офицерской и т. д. Офицерской ротѣ было приказано въ 24 часа собраться къ отъѣзду, и ее отправили группами въ разныя части фронта. Такая же участь нѣсколько дней спустя постигла весь отрядъ, т. е. пѣхотный батальонъ и броневой дивизіонъ, у которыхъ, въ совершенно недопустимой въ военныхъ организаціяхъ насильственной формѣ было отнято ихъ штатное и нештатное имущество, вплоть до самовара и посуды офицерскаго собранія.

На смѣну разогнаннаго отряда Ставки, прибылъ отрядъ «воеводы» Киселева. Про этого «воеводу» говорили, что онъ, будучи матросомъ черноморскаго флота, спасъ жизнь адмиралу Колчаку, и поэтому пользуется неограниченнымъ довѣріемъ у послѣдняго. «Воеводой» онъ называлъ себя самъ потому, что надѣлъ сербскую форму. Про самый отрядъ имѣлись свѣдѣнія, что онъ составленъ преимущественно изъ бывшихъ красноармейцевъ и разныхъ бродягъ, и что уже прославился грабежами. Скоро послѣ его прибытія въ Омскъ я уѣхалъ на фронтъ, и свѣдѣнія о славныхъ подвигахъ этого отряда достигали до насъ туда. Насилія и грабежи, совершаемыя Киселевцами, приводили въ отчаяніе всѣхъ жителей и, даже, Ставку, которая уже не знала, какъ съ ними справиться,

ибо боялась о подвигахъ Киселева докладывать адмиралу Колчаку, а съ другой стороны побаивалась Киселева. Ограбленію подвергались не только частныя лица, но и офицеры: грабились не только деньги и золотыя вещи, но и одежда, при чемъ всѣ грабежи производились по ордерамъ, подъ видомъ обыска; ограбленные, обычно, уводились и растрѣливались. Киселевъ присвоилъ себѣ самодержавныя права производить въ офицерскіе чины своихъ подчиненныхъ; у него была собственная слѣдственная комиссія, и его подчиненные не менѣе Киселева считали себя въ правѣ распоряжаться жизнью и имуществомъ всѣхъ жителей. Многочисленныя объявленія о поимкѣ скрывшихся чиновъ этого отряда, печатались въ «Русской Арміи», съ обвиненіями ихъ во всевозможныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, начиная съ убійства и кончая мелкими мошенничествами. Обо всемъ этомъ было, наконецъ, доведено, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, до свѣдѣнія адм. Колчака. Адм. Колчакъ пришелъ въ отчаяніе и велѣлъ предать суду почти половину отряда, совершившаго уголовныя преступленія, а Киселева помиловалъ и съ остальною частью отряда велѣлъ отправить на фронтъ. Когда стало извѣстно это распоряженіе, большая часть отряда разбѣжалась. Такими пріемами «укрѣпляла» власть Верховнаго Правителя окружавшая его камарилья.

Таковы были мрачныя картины въ низахъ; чуть повыше совершались болѣе крупные грабежи, называемые «спекуляціей». Къ послѣдней были причастны даже самыя видныя должностныя лица, какъ это было видно изъ осужденія генерала Касаткина. Все это покрывалось высокими и демократическими лозунгами въ приказахъ

адм. Колчака. Слова и дѣла слишкомъ расходились, и диссонансъ этотъ, конечно, достигалъ до фронта въ еще болѣе извращенномъ видѣ, что понятно разлагало и деморализировало армію.

Заканчивая этимъ свои Омскія воспоминанія, я долженъ сказать, что я нарочно избѣгаю касаться многихъ факторовъ, имѣвшихъ громадное вліяніе на всю Сибирскую жизнь и политику, напр., о чешскихъ войскахъ, отрядахъ канадцевъ, гражданскомъ управленіи, прессѣ и т. д. Избѣгаю потому, что боюсь впасть въ ошибки вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ этими сторонами Омской жизни.

Фронтъ.

Очутившись безъ всякаго дѣла, съ конца ноября 1918 г. до начала февраля 1919 г., я пережилъ самое непріятное время за весь 5-лѣтній періодъ войны. На каждомъ шагу Омскія военныя власти давали мнѣ чувствовать, что не только моя работа, но и мое присутствіе въ Омскѣ нежелательны.

Съ октября 1918 года въ Омскѣ образовался Латышскій Національный Совѣтъ, приступившій къ формированію латышскихъ войсковыхъ частей. Въ засѣданіяхъ этого Совѣта по вопросамъ формированія неофиціальное участіе принималъ и я, и Совѣтъ неоднократно выражалъ желаніе, чтобы я офиціально сталъ во главѣ этихъ формированій. Но, зная отношеніе Сибирскихъ военныхъ властей къ національнымъ войсковымъ частямъ вообще, и отношеніе ихъ ко мнѣ въ частности, я не ждалъ отъ своего офиціальнаго участія въ работѣ ничего хорошаго для дѣла. Однако, чтобы разсѣять свои собственныя колебанія, я обратился за совѣтомъ къ генералу Жанену. Послѣдній, подумавъ, также выразился, что полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ пока оставаться въ русской арміи, гдѣ я смогу, будучи у власти, больше помогать латышскимъ частямъ въ ихъ формированіи и, въ случаѣ надобности, въ защитѣ ихъ. Событія подтвердили правильность его мнѣнія. При этомъ генералъ Жаненъ сказалъ, что онъ беретъ на себя опредѣлить и извѣстить о времени, когда мнѣ можно будетъ вступить въ эти формированія.

Приблизительно въ серединѣ января я получилъ отъ генерала Галкина приглашеніе участвовать съ нимъ въ формированія Яицкаго корпуса. Генералъ Галкинъ въ ту зиму находился почти въ такомъ же положеніи, какъ и я, но на поданный имъ рапортъ Верховному Правителю, послѣдній приказалъ предоставить ген. Галкину первый освободившійся корпусъ. Ставка, однако, распорядилась иначе: она выдвинула идею о формированіи Яицкаго отряда съ правами корпуса, долженствующаго служить связующимъ звеномъ между арміями Колчака и Деникина и объединиться въ своихъ дѣйствіяхъ съ Уральскими казаками. Эта идея насъ сильно подкупила. Объ арміи ген. Деникина, бывшей — Алексѣева, мы въ то время имѣли своеобразное представленіе. Несмотря на то, что ген. Деникинъ призналъ верховную власть адм. Колчака, мы считали, что именно армія Деникина сыграетъ первенствующую роль въ возрожденіи Россіи, такъ какъ туда ушли лучшіе офицеры и добровольцы, не пошедшіе ни на какіе компромиссы съ большевистко-нѣмецкой провокаціей. Генерала Алексѣева, какъ и Деникина, мы знали какъ глубокихъ патріотовъ съ демократическими принципами; поэтому мы не допускали возможности, чтобы и тамъ существовало такое политиканство наряду съ предательствомъ, какое было въ Омскѣ. Другимъ подкупающимъ факторомъ была надежда соединенія въ своихъ дѣйствіяхъ съ Уральскими казаками, которые уже больше года геройски отстаивали свою территорію отъ большевиковъ, единственную въ Россіи, гдѣ большевизма еще не было, и гдѣ въ полномъ смыслѣ слова царствовалъ демократическій духъ.

Такія перспективы наилучшимъ образомъ соотвѣтствовали нашимъ стремленіямъ, и мы съ нетерпѣніемъ ждали официальнаго приказа, чтобы приступить къ работѣ. Однако, приказа этого пришлось дожидаться цѣлый мѣсяцъ. Онъ нѣсколько разъ измѣнялся, передѣлывался, и мы получили его только около 12-го февраля. Содержаніе приказа насъ немного смутило, такъ какъ приказъ этотъ не упоминалъ о тѣхъ войсковыхъ частяхъ, которыя раньше были обѣщаны ген. Галкину, какъ кадръ для формированія, напр., бывшій отрядъ Ставки, остатки Бѣлорѣцкаго полка и т. д. Единственнымъ кадромъ была оставлена сформированная ген. Галкинымъ офицерская инструкторская рота изъ бывшихъ въ его подчинении офицеровъ въ Самарѣ. Формированіе отряда было разрѣшено производить изъ не казачьяго населенія Уральской области, призвавъ его по мобилизаціи распоряженіемъ Командующаго Уральской арміей, а затѣмъ, по мѣрѣ продвиженія фронта на западъ, изъ населенія освобождаемой отъ большевиковъ территоріи; кромѣ того, еще изъ военноплѣнныхъ красноармейцевъ, не сочувствовавшихъ совѣтской власти. Приказъ этотъ также предупреждалъ, чтобы не разсчитывали на центральныя учрежденія въ смыслѣ снабженія предметами вооруженія, обмундированія и снаряженія, а обзаводились таковыми путемъ военной добычи.

Всѣ тонкости и прелести этого приказа мы поняли только значительно позже, въ разгарѣ работы по формированію, когда убѣдились, что отъ Командующаго Уральской арміей намъ ничего получить не удастся. Послѣдній не только отказалъ въ передачѣ намъ какой-либо изъ ранѣе сформированныхъ частей, о чемъ также гово-

рилось въ вышеупомянутомъ приказѣ, но и изъ всѣхъ призванныхъ по мобилизаціи, онъ въ наше распоряженіе предоставилъ всего 400 человѣкъ. Оставались не мобилизованными жители только Кустанайскаго уѣзда. гдѣ не производилось призыва, вслѣдствіе сплошного большевистскаго настроенія среди крестьянъ, основаннаго, очивидно, на давнишней враждѣ и противорѣчивыхъ интересахъ между мѣстными крестьянами и казаками. Отъ такого пополненія и мы, конечно, должны были отказаться. Въ концѣ концовъ единственнымъ источникомъ нашего пополненія оставались военноплѣнные красноармейцы, и мы рискнули использовать до конца этотъ единственный источникъ совершенно не представляя себѣ, насколько онъ будетъ пригоденъ, какъ боевая сила противъ большевиковъ Нѣкоторую увѣренность въ успѣшность работы и съ такимъ матеріаломъ, мнѣ придавало мое знакомство съ настроеніемъ крестьянъ во время путешествія изъ Ярославля, и поэтому за главный отличительный признакъ при сортировкѣ военнооплѣнныхъ, мы приняли принадлежность къ сѣвернымъ голоднымъ губерніямъ.

Непосредственно изъ Омска я отправился въ Екатеринбургъ для организаціи пріема красноплѣнныхъ. Тутъ пробылъ я всего нѣсколько дней, но это совпало съ пріѣздомъ туда же адм. Колчака въ сопровожденіи цѣлой свиты изъ Ставки, подъ охраной Киселевцевъ,и мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ на вокзалѣ солдатъ изъ банды Киселева закололъ чешскаго офицера. Въ этомъ сказался уже результатъ той травли, которая вообще велась въ Сибири противъ чеховъ, какъ устно, такъ и въ прессѣ; травли, кончившейся тѣмъ, что чехи потребо-

вали увода ихъ съ фронта. Впослѣдствіи та же черно-красная пресса яростно обвиняла генерала Жанена, будто бы онъ былъ инціаторомъ увода чеховъ съ фронта.

Наладивши въ Екатеринбургѣ положеніе, разбивку по категоріямъ и отправленіе эшелонами красноплѣнныхъ, я отправился въ Троицкъ — пунктъ нашего формированія, гдѣ работали уже генералъ Галкинъ и полковникъ Масло (мой спутникъ изъ Ярославля). Эшелоны краснопленныхъ начали быстро прибывать другъ за другомъ и намъ пришлось спѣшно преодолѣть громадную организаціонную работу, такъ какъ у насъ не было еще рѣшительно никакого имущества и обмундированія. Не вдаваясь въ описаніе деталей этой работы, я отмѣчу лишь нѣкоторые характерные для нашего положенія и того времени факты.

Несмотря на принимаемыя мѣры по сортировкѣ краснопленныхъ, мы все же не имѣли гарантіи, что среди нихъ не окажется большевистскихъ комиссаровъ и коммунистовъ, поэтому, для успѣшной работы необходимъ былъ совершенно надежный офицерскій кадръ. Еще до отъѣзда изъ Омска мы вошли въ связь съ прежними своими сослуживцами, о которыхъ имѣли свѣдѣнія, а также публиковали въ газетахъ приглашенія своихъ знакомыхъ на службу въ формируемый Яицкій отрядъ. Эти приглашенія нашли дружный откликъ, и несмотря на препятствія, которыя ставила Ставка къ ихъ переводу, все же намъ удалось собрать до 200 офицеровъ, болѣе или менѣе проникнутыхъ взаимнымъ довѣріемъ и работавшихъ не за страхъ, а за совѣсть. Спасеніе своего дѣла мы видѣли въ проведенной строгой воинской дис-

циплинѣ въ формируемыхъ частяхъ и въ этомъ отношеніи большую моральную услугу оказалъ 1-ый батальонъ Латвіи, формировавшійся въ Троицкѣ. Еще до моего выѣзда изъ Омска, Омскій Національный Латышскій Совѣтъ получилъ телеграфное сообщеніе капитана Дарзана, командира этого батальона, что онъ имѣетъ приказъ прибыть съ батальономъ въ Челябинскъ для расформированія батальона. Мы тогда же обратились къ генералу Жанену съ просьбой содѣйствовать сохраненію батальона, что послѣднему удалось, но съ условіемъ, чтобы батальонъ былъ включенъ въ составъ русскихъ частей. Тогда распоряженіемъ ген. Жанена I-ый батальонъ Латвіи былъ включенъ въ составъ формируемой мною дивизіи, въ качествѣ егерскаго батальона. Это гарантировало батальону дальнѣйшее спокойное формированіе, а съ другой стороны я имѣлъ надежную опору при дальнѣйшей работѣ.

Генералъ Галкинъ проявилъ выдающіяся организаціонныя способности, такъ какъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ сумѣлъ обезпечить формируемыя части, хотя бы самымъ необходимымъ. Уже въ серединѣ марта у насъ работали значительныя собственныя мастерскія (портняжная, сапожная, артиллерійская), которыя одѣвали ежедневно по 180—200 человѣкъ; артиллерійская мастерская строила кухни для похода и термосы

Формирующіяся части были расквартированы по казачьимъ станицамъ въ окрестностяхъ г. Троицка, небольшими группами въ обывательскихъ квартирахъ. Такъ какъ еще не имѣлось обуви, то въ теченіе весенней распутицы нельзя было производить почти никакихъ заня-

тій, и это обстоятельство сильно мѣшало дисциплинирова-ню людей; но зато это время мы рѣшили использовать для сплачиванія и подготовки офицеровъ. Были устроены офицерскія столовыя, куда собирались ежедневно офицеры для повторенія и изученія уставовъ. Тутъ снова лишній разъ пришлось убѣдиться, какъ глубоко внѣдрились лозунги разрушенія даже въ офицерскую среду: чтобы заставить ихъ серьезно приняться за дѣло, приходилось читать имъ цѣлыя лекціи и доказывать необходимость знанія и строгаго исполненія уставовъ, и, несмотря на это, нельзя было избѣжать принудительныхъ мѣръ.

Въ общемъ, всетаки, всѣ затрудненія были преодолены и работа шла вполнѣ успѣшно. По нашему расчету, въ концѣ мая мы могли бы начать выступленіе на фронтъ двумя дивизіями, со своей артиллеріей и небольшой (4 эскадрона) кавалеріей, что для того времени составляло порядочную боевую силу. Но это, очевидно, и не понравилось Ставкѣ, которая по еженедѣльнымъ донесеніямъ знала о ходѣ формированія и, въ одинъ прекрасный день, разомъ остановила нашу работу.

Приблизительно въ серединѣ апрѣля мы получили телеграмму отъ «Наштаверха» о подчиненіи насъ Начальнику Южной Группы (впослѣдствіи Южной Арміи) генералу Бѣлову (— Виттекопфу), а черезъ день телеграмму сего послѣдняго о немедленномъ выступленіи въ районѣ Стерлитамака, гдѣ находился его Штабъ. Это насъ совершенно ошеломило, такъ какъ то, что мы въ это время имѣли, не представляло собой еще никакой боевой силы и не могло принести никакой пользы на фронтѣ. Было сформировано къ этому времени 4 полка, 1 егерскій батальонъ, положено начало еще двумъ полкамъ и другому

егерскому батальону; только что были налажены занятія въ унтеръ-офицерской школѣ; люди были одѣты пока только въ синія китайскія куртки, которыя удалось пріобрѣсти для перваго времени; только что выдавались полкамъ винтовки; не было еще ни одного пулемета; составъ 2-хъ батарей былъ сформированъ, но орудія еще только принимались въ Петропавловскѣ; два сформированныхъ эскадрона имѣли только половину лошадей; были только зачатки обоза и дивизіоннаго лазарета, т. к. 3 реквизиціонныхъ комиссіи только недавно приступили къ работѣ. Выступленіе въ этотъ моментъ на фронтъ обозначало разрушеніе всего уже сдѣланнаго, не давая фронту никакой поддержки. Всѣ эти обстоятельства мы изложили въ телеграммѣ Наштаверху, а генералъ Галкинъ, кромѣ того, лично поѣхалъ въ Омскъ, съ цѣлью выхлопотать отсрочку хотя бы на 2 недѣли, чтобы закончить оборудованіе тѣхъ частей, которыя уже были укомплектованы. Но все это не привело ни къ чему. Ген. Галкинъ вернулся, получивъ строгій приказъ выступить немедленно, съ объясненіемъ, — что продолженіе формированія будетъ произведено въ прифронтовой полосѣ.

Было еще одно обстоятельство, на которое возлагали мы надежду, чтобы отсрочить наше выступленіе. Въ серединѣ апрѣля отъ насъ потребовали выдѣлить отдѣльный отрядъ, для подавленія возстанія въ Кустанайскомъ уѣздѣ. Это возстаніе въ Кустанайскомъ уѣздѣ было третьимъ по счету и связывалось съ появленіемъ въ этой мѣстности бандъ комиссара Жиляева. Кустанайскій уѣздъ наполовину населенъ переселенцами изъ Малороссіи, которые вообще враждебно настроены къ здѣшнимъ Оренбургскимъ казакамъ, пользующимся нѣкоторыми эко-

номическими и политическими преимуществами, по сравненію съ ними. Производившіяся въ это время у хохловъ реквизиціи лошадей и обоза, не касались казаковъ, хотя большая часть изъ реквизированныхъ лошадей и обоза шла въ казачьи же полки. Это обстоятельство еще больше обостряло старыя натянутыя отношенія, и большевистскіе агитаторы безъ труда использовали ихъ для вербовки приверженцевъ въ свои отряды. Имѣвшія мѣсто два возстанія были подавлены карательными отрядами съ чрезвычайною жестокостью, при чемъ усмирители не забывали пополнять и свои обозы, какъ лошадьми, такъ и повозками, и, надо полагать, и грузомъ за счетъ усмиряемыхъ. Разсказывали, что было сожжено нѣсколько деревень, изъ которыхъ ушли добровольцы къ краснымъ. Второе возстаніе было ликвидировано отрядомъ полковника Сахарова, который очистилъ городъ Кустанай отъ повстанцевъ, при чемъ Жиляевъ съ немногочисленнымъ отрядомъ, скрылся въ киргизскихъ степяхъ и полагали, что онъ ушелъ въ Туркестанъ Однако, въ серединѣ апрѣля онъ снова появился въ 30 верстахъ отъ Кустаная. Противъ него былъ отправленъ отрядъ, сформированный изъ частей нашего корпуса, силою въ 6 ротъ. Было выдѣлено по 1 ротѣ изъ каждаго скомплектованнаго полка и 2 роты изъ 1-го батальона Латвіи подъ общимъ командованіемъ капитана Дементьева.

Мы надѣялись, что намъ будетъ разрѣшено не выступать на фронтъ до возвращенія этого отряда, объ этомъ также хлопотали, однако такъ же безуспѣшно — несмотря ни на что, намъ было приказано выступить немедленно. О судьбѣ отряда капитана Дементьева мы узнали только въ іюнѣ, когда 4 роты его присоединились къ намъ.

Дѣйствія его мало интересны, такъ какъ до боевыхъ столкновеній дѣло почти не доходило. Жиляевъ, узнавъ о появленіи въ Кустанаѣ отряда Дементьева, быстро, на подводахъ, началъ удаляться къ югу, въ степь; Дементьевъ гнался на нимъ, такъ же, почти цѣлый мѣсяцъ, пока Жиляевъ дѣйствительно не ушелъ въ Туркестанъ. Характерны, однако, были послѣдствія дѣйствій этого отряда, лишній разъ обрисовавшія «великихъ Сибирскихъ политиковъ». На Уралѣ, кажется въ концѣ іюня, я получилъ, присланное съ нарочнымъ, письмо капитана Дарзана съ приложенной къ нему копіей телеграммы генерала Волкова, того самаго, который былъ иниціаторомъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ сверженіи Директоріи. Оказалось, что изъ Петропавловска былъ также снаряженъ отрядъ для усмиренія Кустанайскаго уѣзда и всѣ дѣйствія по этому дѣлу были объединены въ рукахъ генерала Волкова. Привожу цѣликомъ эту телеграмму: «Троицкъ Главноок. Оренбургскаго. Изъ Петропавловска НР4232. По моимъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, отрядъ Латвіи, высланный вѣроятно Вашимъ распоряженіемъ заявилъ себя возмутительнымъ отношеніемъ къ населенію Петропавлювскаго уѣзда, въ частности села Всесвятскаго. Въ то время, когда банда Жиляева находилась 7-го мая Всесвятскомъ, отрядъ Латвіи подъ командой капитана Бресмана находился въ селѣ Крыловскомъ, только 30 верстахъ западнѣе Всесвятскаго. Вмѣсто того, чтобы немедленно двинуться на банду красныхъ, отрядъ Латвіи восьмого повернулъ обратно на западъ и только узнавъ, что 9-го банда Жиляева покинула Всесвятское, двинулся въ это село, куда пришелъ 11 мая. Всесвятскомъ отрядъ Латвіи пробылъ по 15 мая, въ ка-

ковой срокъ ограбилъ церковъ, чинилъ всякаго рода насилія надъ жителями, частности женщинами, производя непомѣрные, незаконные поборы. Населеніе, ограбленное большевиками, ожидавши отъ правительственныхъ отрядовъ помощи, а вмѣсто того будучи вторично ограблено, глубоко возмущено. Только послѣ прихода въ Всесвятское высланной мною сотни казаковъ, отрядъ Латвіи 15 мая, упустивъ всѣ сроки преслѣдованія бандъ Жиляева, выступилъ на югъ. Приходъ казаковъ, внимательно отнесшихся къ жителямъ, успокоилъ послѣднихъ, которые въ нихъ увидѣли дѣйствительно свои войска, родственныя имъ по духу и крови. Прошу строгаго разслѣдованія и взысканія отъ виновныхъ и положить конецъ безчинствамъ отряда Латвіи. Повтореніемъ надобнаго рода подвиговъ приму мѣры, дабы отрядъ Латвіи уничтожить, какъ вредный элементъ, возбуждающій своими дѣйствіями населеніе противъ правительства, Комкор. Свод. Казач. Генералъ-майоръ Волковъ».

Я тогда же отвѣтилъ капитану Дарзану, что телеграмма ген. Волкова мнѣ кажется въ высшей степени пристрастной и, очевидно, имѣетъ цѣлью найти стрѣлочника, на котораго взвалить всѣ грѣхи, совершенные въ Кустанайскомъ уѣздѣ, использовавъ при этомъ излюбленную тему національной травли. Капитанъ Дарзанъ спрашивалъ еще при этомъ, какъ быть ему съ вопросомъ о выступленіи батальона на фронтъ. Раньше я единственной возможностью считалъ оставаться батальону въ составѣ дивизіи, гдѣ, исполняя главнымъ образомъ обязанности по охраненію порядка въ тылу дивизіи, я имѣлъ бы возможность не давать использовать батальонъ для различныхъ авантюръ. Теперь же отношеніе Сибирскихъ

властей къ латышамъ настолько опредѣлилось, что таковой возможности я уже не предполагалъ, поэтому посовѣтовалъ капитану Дарзану попытаться, при помощи французовъ, не выступать на фронтъ, перейдя, если возможно, подъ непосредственное ихъ командованіе.

Дѣйствительность подтвердила мои предположенія въ гораздо большей степени, чѣмъ я это ожидалъ. Капитанъ Дарзанъ обратился къ заступничеству французскихъ представителей въ Троицкѣ, по настоянію которыхъ была образована комиссія для разслѣдованія Кустанайскихъ событій, съ обязательнымъ участіемъ въ комиссіи представителя отъ французовъ. Эту роль съ большимъ самопожертвованіемъ выполнилъ майоръ французской службы Ле-Гра. Объѣхавъ цѣлый рядъ деревень и селъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ, онъ заставилъ комиссію раскрыть всѣ детали дѣйствій трехъ отрядовъ усмирителей, при чемъ результаты оказались таковы, что комиссія и ген. Волковъ не пожелали вывести ихъ на свѣтъ Божій, и даже Омскъ не выразилъ протеста, что батальонъ Латвіи продолжалъ оставаться въ Троицкѣ, неся караульную службу. Приведенная телеграмма оказалась сплошной клеветой по отношенію къ 2 ротамъ изъ батальона Латвіи, вошедшемъ въ составъ отряда Дементьева.

На фронтъ мы выступили въ началѣ мая, въ составѣ 4 полковъ, одного егерскаго батальона и 1 эскадрона, а позднѣе, изъ прибывшаго Кустанайскаго отряда, былъ образованъ 2-ой егерскій батальонъ. Артиллерія съ нами не выступила, она также въ составѣ двухъ дивизіоновъ прибыла два мѣсяца спустя. Въ общемъ всѣ сформированныя части представляли силы не болѣе

дивизіи, хотя приказомъ Наштаверха были названы корпусомъ, и я былъ «допущенъ къ исполненію обязанностей начальника дивизіи». Нѣчто, похожее на корпусную организацію, получилось только впослѣдствіи, когда къ намъ прибавили 2 казачьихъ бригады.

Меня очень интересовала обстановка фронта, такъ какъ хотѣлось понять и хоть чѣмъ-нибудь объяснить строжайшіе приказы о нашемъ спѣшномъ выступленіи, вопреки сдѣланнымъ нами указаніямъ о безполезности и безцѣльности ихъ; хотѣлось также узнать, какимъ образомъ мы получимъ возможность дальнѣйшаго формированія, здѣсь, на Уралѣ, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и всякихъ средствъ связи. Но, конечно, никакого объясненія не получилъ, такъ же какъ не было и рѣчи о продолженіи формированія или обученія. $1\frac{1}{2}$ мѣсяца мы провели въ безсмысленныхъ походахъ по горамъ, съ остановками въ большихъ центрахъ, сплошь населенныхъ большевистски настроенными жителями, какъ Бѣлорѣцкъ, Авзяно-Петровскъ, Канна-Никольскій и Преображенскій заводы. Наконецъ, въ концѣ іюня, мы прибыли въ районъ рѣки Икъ, гдѣ намъ дали участокъ фронта въ верстахъ 60 къ сѣверо-востоку отъ Оренбурга. Если бы мы выступили изъ Троицка однимъ мѣсяцемъ позже, какъ мы объ этомъ просили, и были бы сразу направлены въ этотъ районъ, пользуясь частью желѣзной дорогой, то мы въ то же мѣсто могли бы прибыть даже нѣсколькими днями раньше, но зато привели бы дѣйствительную боевую силу. Очевидно тутъ то и была «зарыта собака», такъ какъ въ расчеты героевъ Ставки и ген. Бѣлова не входило, чтобы мы пришли на фронтъ съ боевой силой. Какъ то на фронтѣ я полу-

чилъ письмо отъ знакомаго изъ Ставки, въ которомъ онъ писалъ, что присутствовалъ при разговорѣ дѣятелей Ставки по поводу успѣховъ нашихъ формированій въ Троицкѣ, при чемъ одинъ изъ нихъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ удивленія воскликнулъ: «А всетаки они сформировались.»

Не дать доформироваться и разрушить уже сдѣланное безцѣльными зигзагообразными походами по труднѣйшимъ горнымъ дорогамъ, — въ этомъ единственное логичное объясненіе всѣхъ непонятныхъ распоряженій Ставки по отношенію къ нашему корпусу.

Фронтовая дѣятельность одного корпуса, тѣмъ болѣе такого небольшого состава, какъ нашъ, не можетъ дать никакого представленія о боевыхъ дѣйствіяхъ Колчаковскаго фронта, гдѣ работали 3 арміи, каждая въ составѣ 3—5 корпусовъ, поэтому она мало интересна. Не вдаваясь ни въ какія подробности, я коснусь, однако, этихъ дѣйствій постолько, поскольку они объясняютъ ту небывалую катастрофу, которая разразилась въ Сибири осенью и зимой 1919 года.

Еще во время нашихъ походовъ по Уралу, генералъ Бѣловъ сообщилъ какъ-то нашему штабу, что въ нашихъ частяхъ ведется сильная большевистская пропаганда. На скорую руку организованная нами, передъ выступленіемъ въ походъ, контръ-развѣдка никакихъ свѣдѣній не давала намъ, поэтому ген. Галкинъ запросилъ Штабъ Арміи указать хотя бы какой-нибудь фактъ, который могъ бы облегчить раскрытіе пропаганды, но армія ничего не отвѣтила. При занятіи фронта мы всетаки соблюли нѣкоторую осторожность, пуская въ дѣло въ видѣ

испытанія сначала только одинъ полкъ. Въ первую же ночь на фронтѣ изъ этого полка перешло на сторону красныхъ 2 роты. При разслѣдованіи этого случая выяснилось, что роты были уведены подъ видомъ развѣдки низшимъ командным составомъ. Это свидѣтельствовало о наличности въ полкахъ организаціи. Въ этотъ же день были пойманы два солдата, при попыткѣ перебѣжать фронтъ, которые при допросѣ подтвердили о существованіи организаціи и дали нити для дальнѣйшаго ея раскрытія.

Результатъ разслѣдованія далъ поразившую насъ картину: красные агенты, являя собой образецъ строевой выправки и дисциплинированности, проникли въ низшій командный составъ; они же разсказали о гоненіяхъ, которыя будто терпѣли, служа у красныхъ, пріобрѣли довѣріе командного состава въ полкахъ и проникли даже въ составъ контръ-развѣдки, организованной въ полкахъ. На бывшемъ въ послѣдніе дни похода тайномъ ихъ собраніи было вынесено постановленіе покончить со всѣми офицерами и всѣми частями перейти къ краснымъ; тутъ же были произведены выборы новаго командного состава изъ членовъ организаціи. У одного изъ выбранныхъ на должность командира было найдено 40.000 керенками. Организація возникла и образовалась въ теченіе похода.

Послѣ преданія полевому суду всѣхъ выясненныхъ членовъ красной организаціи, болѣе 100 человѣкъ, и выдѣленія въ тылъ для обслуживанія обозовъ, менѣе надежнаго элемента, полки, хотя и сильно сокращенные въ своемъ составѣ, выступили вновъ на позиціи и въ теченіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ, почти безпрерывныхъ бо-

евъ, показали такую боеспособность и геройство, какія я рѣдко наблюдалъ и въ бывшей германской войнѣ.

Мнѣ остались неизвѣстны широкіе оперативные планы командующаго Южной арміей, поэтому не берусь судить его дѣйствія съ этой стороны, но многія явленія на фронтѣ, имѣвшія мѣсто въ теченіе іюля и августа, заставляли всетаки съ недовѣріемъ относиться къ его распоряженіямъ.

Использована была исключительно система тонкаго кордона; о старой полевой тактикѣ точно забыли. Конный казачій корпусъ остался неиспользованнымъ какъ конница, и стоялъ все время противъ красной пѣхоты у Оренбурга. Начатое въ концѣ іюля наступленіе командуемой мною дивизіи въ составѣ двухъ полковъ и казачьей бригады Степанова, — отъ Красной Мечети (Мрясево) было остановлено ген. Бѣловымъ на рѣкѣ Бѣлой. Продвинувшись впередъ на 40 верстъ, уничтоживъ 2 полка красныхъ, захвативъ артиллерію и совершенно разстроивъ еще 2 полка красныхъ, мы разорвали ихъ фронтъ и очистили дорогу на Стерлитамакъ. Это было въ то время, когда Западная армія отходила къ Златоусту. Но Казачья бригада была у насъ немедленно отнята, и мы уже не могли использовать плоды этого успѣха.

Потерявши связь съ Западной арміей, Южная армія осталась изолированной на фронтѣ Оренбургъ — Овзяно-Петровскъ — Бѣлорѣцкъ. Положеніе диктовало принять немедленное рѣшеніе: либо отходить — наравнѣ съ Западной арміей въ Сибирь, либо двинуться на соединеніе съ арміей Деникина. Я знаю, что въ этомъ духѣ настойчиво убѣждали генерала Виттекопфа — Бѣлова

всѣ командиры корпусовъ, но послѣдній въ теченіе 2 недѣль не принималъ никакого рѣшенія и оставался на мѣстѣ, загибая лишь свой правый флангъ.

Красные, конечно, использовали это время, сосредоточили противъ нашихъ слабыхъ и широко растянутыхъ частей превосходныя силы и 10-го или 11-го августа перешли въ наступленіе. Мы, согласно полученныхъ указаній, конечно, оказывали упорную оборону, несмотря на ея безсмысленность, такъ какъ полкъ, имѣя 500—600 штыковъ, не въ состояніи оборонять позицію въ 15—20 верстъ пересѣченной мѣстности.

Послѣ двухдневныхъ кровопролитныхъ боевъ, мы вынуждены были отступать, и только тогда ген. Бѣловъ принялъ рѣшеніе отступить съ арміей, но не въ Сибирь, а въ Туркестанъ, избравъ направленіе вдоль Ташкентской жел. дороги.

Трудно сказать, было ли такое рѣшеніе результатомъ серьезно задуманной авантюры, либо просто предательствомъ. Если когда-нибудь будущая Россія будетъ интересоваться исторіей этой войны и исторіей крушенія Колчаковскихъ армій, то освѣщеніе этого вопроса въ высшей степени любопытно, поэтому я остановлюсь на немъ болѣе подробно.

Въ началѣ августа 1919 года, Южная армія занимала фронтъ отъ Верхнеуральска на рѣку Бѣлую, и далѣе, пересѣкая рѣку Сакмару въ верстахъ 10 западнѣе устья рѣки Икъ, огибая г. Оренбургъ съ юга, гдѣ лѣвый флангъ Оренбургскаго Казачьяго корпуса поддерживалъ связь съ Уральскими казаками.

Красные, еще въ концѣ іюля, начали сильный натискъ на стыкъ нашей арміи съ уральцами и имѣли въ

этомъ отношеніи успѣхъ; объ этомъ они оповѣщали въ своихъ газетахъ, которыя мы захватили во время нашего наступленія въ концѣ іюля. Въ серединѣ августа они, пытаясь окружить оба фланга Южной арміи, дѣлаютъ сильный натискъ на нашъ центръ въ районѣ нашего XI корпуса. Въ это время ген. Бѣловъ принимаетъ рѣшеніе отходить не на Сибирь, гдѣ мы могли бы надѣяться снова соединиться съ Западной арміей и гдѣ путь отхода южнѣе Кустаная на Кочетовъ лежалъ по населеннымъ и хлѣбнымъ мѣстамъ, а на Ташкентъ, т. е. къ югу, тогда какъ противникъ своими ударами отбрасывалъ насъ на востокъ. Ген. Бѣловъ рѣшилъ сосредоточить армію, растянутую на 400 верстъ въ районѣ гор. Актюбинска, т. е. за крайнимъ лѣвымъ флангомъ нашей арміи съ тѣмъ, чтобы оттуда двинуться полотномъ желѣзной дороги къ Аральскому морю, такъ какъ въ окрестносяхъ послѣдняго движеніе по сторонамъ, вслѣдствіе глубокихъ песковъ, не возможно. Туркестанъ и г. Ташкентъ, какъ извѣстно, въ это время были во власти красныхъ.

Для исполненія этой задачи, какъ намъ сообщили черезъ штабъ корпуса, генераломъ Бѣловымъ были приняты слѣдующія мѣры: къ Аральскому морю для «пробитія пробки», т. е. для занятія дефилэ около станціи «Аральское море», былъ отправленъ спеціально сформированный Туркестанскій корпусъ. По будто полученнымъ свѣдѣніямъ, этотъ корпусъ уже занялъ выше названную станцію и выходитъ изъ узкаго дефилэ. Весьма слабыя силы красныхъ въ Туркестанѣ будто бѣгутъ, спасаясь на островъ въ Аральскомъ морѣ, куда свозятъ припасы и всю Аральскую флотилію. Для обезпеченія нашей арміи хлѣбомъ отправлено уже около милліона пу-

довъ муки и пшеницы, а для обезпеченія водой по пустыннымъ мѣстамъ, приступлено къ заготовкѣ бурдюковъ въ достаточномъ количествѣ, которые будутъ перевозиться на верблюдахъ. Послѣдніе будутъ реквизироваться у киргизовъ, для чего отправленъ уже спеціальный отрядъ. Стало быть, какъ будто, все было предусмотрѣно и оставалось только совершить труднѣйшее облическое движеніе всей арміей, подъ ударами сильнѣйшаго противника, чтобы соединиться въ районѣ г. Актюбинска.

Перспектива запереться на зиму въ Туркестанѣ, съ надеждой за это время тамъ снова сформироваться и окрѣпнуть, выставивъ лишь сильные заслоны у Аральскаго озера, была очень заманчива для всей арміи. Кромѣ того мы не теряли надежду на установленіе прочной связи съ Деникинымъ по Закаспійской ж. д. и Каспійскому морю, т. к. по сообщеннымъ свѣдѣніямъ этотъ путь былъ въ рукахъ англичанъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, заставило насъ развить крайнюю энергію, чтобы выполнять задачу сосредоточенія у Актюбинска. Правый флангъ арміи (4-ый корпусъ ген. Бакича) долженъ былъ совершить громадные переходы, и, чтобы облегчить его задачу — лѣвый флангъ и центръ должны были оказывать упорное сопротивленіе, такъ какъ красные настойчиво и упорно производили свои атаки преимущественно на стыкъ Казачьяго и XI корпусовъ. Въ цѣломъ рядѣ боевъ наши полки оказали истинное геройство и вѣрность своему долгу. Былъ однажды случай, что батальонъ 84-го Александро-Гайскаго полка, съ командиромъ полка капитаномъ Левашевымъ, 3 дня оставался въ тылу у крас-

ныхъ, далъ имъ два боя — и снова присоединился къ полку, не потерявъ ни одного человѣка отсталымъ. Насколько мнѣ удалось выяснить, за время этихъ боевъ соотношеніе нашихъ силъ и противника всегда было въ пользу послѣдняго, превосходя насъ числомъ, по крайней мѣрѣ, въ 2 раза; поэтому нѣкоторыя позиціи не было возможности удерживать столько времени, какъ это предполагалось приказами Бѣлова. Въ виду этого 4-ый корпусъ не могъ выполнить своей задачи, оторвался и самостоятельно началъ отходить въ сторону Кустаная; но 3 остальныхъ корпуса были въ началѣ сентября сосредоточены въ Актюбинскѣ и могли бы начать правильный отходъ въ намѣченномъ направленіи.

4-го сентября мы были еще впереди Актюбинска верстъ на 20, какъ вдругъ узнали, что городъ этотъ захваченъ красными съ тылу. Мы выдерживали слишкомъ упорные бои на фронтахъ, чтобы могли выдѣлить еще что-нибудь на тылъ, поэтому, давъ полкамъ направленіе для слѣдующихъ отходовъ мимо Актюбинска, я поспѣшилъ къ генералу Галкину, чтобы узнать дальнѣйшій планъ. Но тутъ узналъ отъ послѣдняго столько неожиданныхъ свѣдѣній, что, положительно, не оставалось сомнѣній, что мы нарочно преданы краснымъ.— «Пробка» у Аральскаго моря не только не была пробита, но напротивъ, такъ называемый Туркестанскій корпусъ, состоявшій, какъ оказалось, изъ 2 необученныхъ запасныхъ полковъ, почти весь разбѣжался, открывъ дорогу краснымъ на нашъ тылъ изъ Туркестана. Никакихъ запасовъ продовольствія въ сторону Туркестана не было отправлено; такъ же, какъ и не было никакихъ бурдюковъ для воды, если не считать нѣсколькихъ сотъ понтонныхъ поплавковъ си-

стемы Плевицкаго, выданныхъ въ полки. Самъ ген. Бѣловъ оставилъ Штабъ Арміи и уѣхалъ къ Туркестанскому корпусу, передавъ командованіе генералу Эллерсъ-Усову.

Положеніе было настолько серьезно, что намъ не приходило и въ голову искать какого-нибудь выхода черезъ ген. Бѣлова, и мы, взвѣсивъ обстановку, приняли немедленно рѣшеніе, которое намъ казалось единственно возможнымъ — вести части черезъ киргизскія степи на Иргизъ — Тургай — Атбасаръ, чтобы въ районѣ Атбасара присоединиться къ Сибирской арміи и къ 4-му корпусу, участи котораго мы теперь даже завидовали. Съ исполненіемъ этого рѣшенія необходимо было также спѣшить, такъ какъ красные, послѣ занятія Орска, что случилось 2 днями раньше, могли трактомъ Орскъ — Иргизъ отрѣзать намъ и этотъ единственный выходъ.

Эту Туркестанскую затѣю генерала Виттекопфъ-Бѣлова можно назвать или — покушеніемъ съ негодными средствами, или же — объяснить ошибками теоретика, не умѣвшаго оцѣнить обстановку и свои дѣйствительныя силы, такъ какъ ген. Бѣловъ только теоретикъ и не имѣлъ ни малѣйшаго команднаго ценза; но послѣднее объясненіе было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, если задуманный походъ на Туркестанъ былъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ. На самомъ же дѣлѣ, сколько я могъ присмотрѣться къ распоряженіямъ ген. Бѣлова, — все его командованіе представляется мнѣ цѣлой системой безцѣльнаго перебрасыванія войсковыхъ частей, утомительными и безсмысленными походами, уничтожавшими въ концѣ концовъ эти части.

Выше было уже упомянуто, какіе походы пришлось совершить нашему корпусу. Когда мы, наконецъ, стали на фронтѣ, будучи еще далекими отъ того уровня, на которомъ войсковыя части можно назвать боеспособными, то смѣнили на фронтѣ части 4-го корпуса. Смѣненный нами, этотъ корпусъ былъ тыловыми горными дорогами переброшенъ на правый флангъ арміи, т. е. туда, откуда мы только что пришли. Эту задачу 4-ый корпусъ могъ бы выполнить, дѣйствуя активно, при нашей помощи. Что это было легко выполнить, доказало наше успѣшное наступленіе въ томъ же мѣстѣ, въ концѣ іюля.

Но генералъ Бѣловъ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать активно двумя корпусами, заставилъ 4-ый корпусъ затратить громадную энергію на трудный походъ, послѣ чего опять-таки далъ пассивную задачу «упорной обороны».

Въ серединѣ августа къ намъ на пополненіе прибыли части расформированной 11-ой дивизіи. Начальникъ штаба этой дивизіи разсказывалъ мнѣ, какъ они послѣ трехдневнаго форсированнаго марша были немедленно, безъ всякаго отдыха, кинуты въ наступленіе подъ Верхнеуральскомъ. Люди были до того утомлены, что не могли почти стоять на ногахъ, и всѣ командиры частей просили хоть маленькую отсрочку для того, чтобы немного отдохнуть и оріентироваться въ обстановкѣ; но въ отвѣтъ получили категорическій приказъ о немедленномъ наступленіи, которое, конечно, при такихъ условіяхъ, кончилось печально.

Въ это же время, т. е. въ серединѣ августа, нашими тылами со стороны Верхнеуральска тянулись горными дорогами къ Оренбургу, 9-ая и 10-ая Сибирскія дивизіи.

Не знаю, почему онѣ не могли быть использованы для дѣйствій на томъ же правомъ флангѣ, гдѣ наши дѣла обстояли далеко не благополучно и гдѣ ихъ дѣйствія могли бы намъ обезпечить отходъ на Кустанай — Кочетовъ.

Но онѣ, опять таки, совершили громадный тяжелый походъ, чтобы попасть на усиленіе Оренбургскаго фронта, гдѣ, въ конечномъ результатѣ, никакого усиленія не получилось.

Стало быть, въ теченіе августа ген. Бѣловъ получилъ три дивизіи, прибывшія изъ Сибири, прекрасно вооруженныя, снабженныя и обмундированныя. Всѣ эти дивизіи Бѣловъ «измоталъ», не попытавшись нанести противнику ни одного серьезнаго удара.

Суммируя всѣ эти явленія, которыя я, не зная плановъ командующаго арміей, имѣлъ возможность наблюдать снизу, — могу придти только къ одному заключенію, а именно, что всѣ распоряженія ген. Бѣлова составляютъ нѣчто противоположное тому, что тактика и стратегія называютъ военнымъ искусствомъ. Это не ошибка теоретика, не умѣющаго оцѣнить дѣйствительной обстановки, а скорѣе сознательно извращенная теорія, стремящаяся къ чему угодно, только не къ побѣдѣ надъ противникомъ.

Многія явленія болѣе мелкаго характера подтверждаютъ то же самое. Я не стану ихъ приводить, чтобы не растянуть слишкомъ мои воспоминанія, но укажу только на одно изъ болѣе значительныхъ.

Ранѣе я уже говорилъ, что, по приказу адмирала Колчака, были расформированы башкирскіе полки, ко-

торые, узнавъ объ этомъ, частью перешли къ краснымъ, частью разбѣжались по домамъ. Это башкирское населеніе, съ такой ненавистью относившееся къ большевикамъ, такъ и осталось почти не использованнымъ до конца. Башкирскія части, перешедшія къ краснымъ подъ вліяніемъ Валидова, понемногу возвращались оттуда назадъ, и большая ихъ половина вернулась обратно. Башкиры совсѣмъ даже не настаивали на сформированіи отдѣльныхъ башкирскихъ частей, а были готовы служить, гдѣ угодно, лишь бы помочь служить противъ красныхъ. Многіе изъ нихъ поступали добровольно въ казачьи части, несмотря на то, что казаки относились къ нимъ, какъ къ пасынкамъ, часто не выдавая имъ даже жалованья. Нѣкоторые казачьи полки держались стойко исключительно благодаря башкирамъ.

Когда, въ концѣ іюля, у насъ была отнята казачья бригада Степанова, я, оставшись почти безъ кавалеріи, самовольно приступилъ къ формированію коннаго башкирскаго полка изъ добровольцевъ. Въ продолженіи двухъ недѣль, уже во время нашего отступленія, набралось до 700 добровольцевъ со своими лошадьми, вооруженіемъ и сѣдловкой. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы сформировать 4-ый эскадронный полкъ, что мы и сдѣлали, назвавъ его башкирскимъ именемъ: Акъ Идельскій конный полкъ; (Акъ-Идель — значитъ: Бѣлая рѣка).

Къ сожалѣнію, во время отступленія, не было времени хоть сколько-нибудь обучить его и сдѣлать пригоднымъ для боевыхъ дѣйствій; а во время общаго краха подъ Актюбинскомъ, большинство башкиръ не пожелало идти съ нами въ Киргизскія степи, что понятно было съ

ихъ стороны вполнѣ резонно, такъ какъ большинство ихъ лошадей тамъ погибло бы.

Судя по этому примѣру, я думаю, что если бы своевременно были использованы башкиры, то возможно было бы организовать изъ нихъ оборону всего Южнаго Урала, включая даже Оренбургъ.

Русское населеніе Южнаго Урала было настроено преимущественно большевистски. Ихъ большевизмъ зиждился на томъ же проклятомъ земельномъ вопросѣ, такъ какъ крестьяне большихъ заводскихъ селъ, въ которыхъ уже давно нѣтъ никакихъ заводовъ, не имѣли до революціи никакой своей земли. Обрабатываемую ими землю они получали только въ годовую аренду отъ частныхъ владѣльцевъ, при томъ намѣренно въ такомъ незначительномъ количествѣ, которое не смогло ихъ обезпечить, чтобы крестьяне были бы вынуждены наниматься на ихъ лѣсные промыслы. Крестьяне этихъ селъ дали нѣсколько тысячъ добровольцевъ краснымъ, дѣйствовавшимъ противъ насъ, чѣмъ, я полагаю, и объясняется геройская настойчивость, которую неоднократно проявляли красные въ своихъ атакахъ. Несомнѣнно, недовѣріе къ весьма смутнымъ обѣщаніямъ въ Колчаковскихъ приказахъ по земельному вопросу, удерживало этихъ крестьянъ въ рядахъ красной арміи, гдѣ комиссары, со свойственной имъ демагогіей, ловко умѣли использовать каждую ошибку Омскаго Правительства. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться, просматривая большевистскія газеты, захваченныя на фронтѣ.

Крестьянское населеніе Оренбургской и Уфимской губ. къ западу отъ рѣки Икъ, гдѣ чередуются села и деревни башкирскія, русскія, малорусскія и казачьи, въ

большей своей части было пассивно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ русскихъ деревень, открыто сочувствовавшихъ большевикамъ. По мѣрѣ удаленія къ юго-востоку, въ богатой долинѣ рѣки Сакмары и въ плодородныхъ степахъ между рѣками Сакмарой и Ураломъ, большевизма уже почти не было замѣтно, но еще южнѣе, на границѣ съ Киргизіей, т. е. между Орскомъ и Актюбинскомъ, снова встрѣчались села, давшія много добровольцевъ красной арміи; въ одномъ селѣ былъ даже священникъ, не скрывавшій своихъ симпатій къ большевизму.

Какъ разъ въ этой мѣстности разыгрались наши послѣдніе бои и наше катастрофическое окруженіе. Въ казачьемъ поселкѣ, послѣдній населенный пунктъ уже въ предѣлахъ Киргизской степи, гдѣ собрались наши полки, мы пережили тяжелые часы, которые долго останутся у меня въ памяти. Мы не скрывали отъ солдатъ тяжелаго положенія, въ которомъ мы очутились. Предстоялъ походъ болѣе 1000 верстъ, въ продолженіи котораго мы не могли совершенно гарантировать солдатамъ продовольствія. Взять съ собой продуктовъ мы могли не много, такъ какъ не могли разсчитывать, что лошади вынесутъ дорогу по солончаковымъ степямъ, верблюдовъ же у насъ было пока очень немного. Разсчитывать найти что нибудь въ степяхъ, тоже не могли. Такимъ образомъ, больше шансовъ было за то, что мы идемъ на голодъ. Положеніе офицеровъ было безвыходное, и каждый изъ нихъ былъ готовъ на какія угодно испытанія, лишь бы не попасть въ руки красныхъ. Иначе было съ солдатами. Хотя и былъ отданъ оффиціальный приказъ о выступленіи, но солдатамъ въ то же время было объяснено положеніе и дано неоффиціально понять, что не

будутъ ставиться препятствія тѣмъ, кто захочетъ остаться на мѣстѣ. Появились откуда то ораторы, устраивавшіе митинги и даже натравливавшіе солдатъ на офицеровъ, и совѣтовавшіе отнять у насъ всѣ обозы, но успѣха эти митинги не имѣли; изъ солдатъ, однако, немного меньше половины не рѣшались дѣлить съ нами участь тяжелаго похода, и приняли рѣшеніе остаться на мѣстѣ. Имъ была выдѣлена часть имѣвшагося въ запасѣ продовольствія, и они разставались съ нами со слезами на глазахъ.

Одновременно насталъ также моментъ перелома въ психикѣ и офицерства, выразившагося въ стремленіи къ «самоопредѣленію». Однако, безъ большого труда удалось убѣдить ихъ, что разсыпаніе въ степяхъ по одиночкѣ грозитъ имъ гибелью, и что только совершая походъ всѣмъ отрядомъ, мы можемъ не бояться нападеній мелкихъ конныхъ партій красныхъ, которыя могли бы насъ преслѣдовать, а крупныя ихъ части безусловно за нами пойти не могли. Небольшая группа офицеровъ, всетаки, выдѣлилась, для того, чтобы слѣдовать на Каспій, но въ скоромъ времени, убѣдившись, что этотъ путь имъ наполовину уже отрѣзанъ красными, они на первыхъ же переходахъ присоединились къ намъ.

Остатки V. и казачьяго корпусовъ, узнавши о нашемъ рѣшеніи, также немедленно двинулись за нами въ степь. Характерно, что эти корпуса, несмотря на то, что были вдвое многочисленнѣе по числу штыковъ и не имѣли въ своемъ составѣ красноплѣнныхъ, вывели, однако, вдвое меньше людей, чѣмъ осталось въ нашемъ, XI корпусѣ; по слухамъ тамъ имѣли мѣсто случаи перехода цѣлыми частями на сторону большевиковъ.

Весь походъ пустынной солончаковой степью на Иргизъ, Тургай, Атбасаръ, наполовину совершенно безъ прѣсной воды, мы совершили въ теченіе 30 дней. Киргизы, узнавши о нашемъ движеніи, немедленно перекочевали съ нашего пути въ стороны, такъ что за исключеніемъ выше названныхъ пунктовъ, гдѣ часть киргизъ живетъ осѣдло, мы не встрѣтили на всемъ пути ни одного живого человѣка. Наши продовольственные запасы, разсчитанные по ½ фунта муки на человѣка въ день, мы такъ и не могли нигдѣ пополнить, такъ какъ ни въ Иргизѣ, ни въ Тургаѣ никакихъ запасовъ не было. Единственно, что могли найти у киргизовъ — это немного барановъ, но для ихъ пріобрѣтенія приходилось уклоняться въ сторону отъ дороги на нѣсколько десятковъ верстъ; кромѣ этого въ Иргизѣ удалось купить кишмишу около 4-хъ пудовъ на весь корпусъ. Большинство лошадей, числомъ до 300, пали, не дойдя до половины пути; часть ихъ удалось намъ замѣнить верблюдами, но и для этого опять таки приходилось уклоняться въ сторону.

Этотъ походъ,крайне интересный съ военной точки зрѣнія, а также съ точки зрѣнія любителя путешественника, однако, ничего не можетъ прибавить къ моей темѣ, почему не буду на немъ останавливаться. Верстъ за 100 до Атбасара, въ первой деревнѣ на нашемъ пути, мы сдѣлали остановку, чтобы пополнить наши истощившіеся запасы, такъ какъ здѣсь уже можно было найти кое какіе продукты. Здѣсь же гонецъ отъ ген. Бѣлова привезъ генералу Галкину и мнѣ приказъ по Южной Арміи, которымъ ген. Галкинъ отрѣшается отъ командованія корпусомъ, мнѣ же предписывается принять это командованіе. Мы еще въ Тургаѣ узнали, что ген. Бѣловъ также

слѣдуетъ за нами и подумывали было арестовать его, считая его явнымъ преступникомъ; поэтому понятно, что намъ и въ голову не приходило выполнить полученный приказъ о передачѣ мнѣ корпуса, приказъ, имѣвшій очевидную цѣль окончательно расколоть оставшіяся въ рукахъ у ген. Галкина силы.

На слѣдующей остановкѣ мы узнали, что ген. Бѣловъ обогналъ насъ, объѣхавъ степью деревню, въ которой мы ночевали. Въ дорогѣ же получили нѣсколько экземпляровъ приказа ген. Бѣлова, изданнаго, кажется, еще въ Тургаѣ, который съ начала до конца насыщенъ Суворовскими цитатами, съ много разъ повтореннымъ словомъ «чудобогатыри». Приказъ оставлялъ впечатлѣніе истеричнаго крика, помѣшаннаго на своемъ величіи человѣка; къ сожалѣнію у меня не сохранилось ни одного экземпляра этого интереснаго документа, чтобы на досугѣ вѣрнѣе опредѣлить, что это: крайняя ли демагогія, или плодъ больного ума.

Еще изъ подъ Тургая, ген. Галкинъ отправилъ въ Омскъ на автомобилѣ своего Начальника Штаба, съ подробнымъ рапортомъ о нашихъ злоключеніяхъ, гдѣ онъ цѣлымъ рядомъ неопровержимыхъ фактовъ доказывалъ преступность распоряженій ген. Бѣлова и настойчиво требовалъ его отозванія и разслѣдованія его дѣйствій. По прибытіи въ Атбасаръ, гдѣ имѣлась телеграфная связь съ Омскомъ, ген. Галкинъ поспѣшилъ къ аппарату, чтобы узнать, полученъ ли въ Ставкѣ его рапортъ. Оказалось, что рапортъ полученъ, но оказалось еще и другое . . . что Главнокомандующимъ фронтомъ, генераломъ Дитрихсомъ, отданъ приказъ о преданіи ген. Галкина полевому суду.

По приходѣ въ Атбасаръ, я имѣлъ намѣреніе немедленно уѣхать въ тылъ по болѣзни (ногъ) и имѣлъ уже разрѣшенный по болѣзни отпускъ, но случай преданія суду ген. Галкина, заставилъ отложить еще недѣли на 2 использованіе этого отпуска; кромѣ того было необходимо внести нѣкоторое успокоеніе въ нашихъ маленькихъ частяхъ и привести ихъ послѣ тяжелаго похода въ строевой видъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Атбасаръ молодой казачій генералъ К., назначенный смѣнить ген. Галкина, а еще нѣсколько дней спустя, ген. Дутовъ. Послѣдній былъ назначенъ вмѣсто ген. Бѣлова, вызваннаго въ Омскъ.

Съ прибытіемъ ген. Дутова, всѣми командирами отдѣльныхъ частей XI. корпуса были поданы рапорты съ выраженіемъ солидарности со всѣми распоряженіями ген. Галкина и съ просьбой о привлеченіи и ихъ къ суду, наравнѣ съ послѣднимъ. Вѣроятно это возымѣло свое дѣйствіе, и приказъ о преданіи суду ген. Галкина былъ отмѣненъ.

Генералъ Дутовъ приступилъ къ реорганизаціи остатковъ Южной Арміи съ цѣлью образовать отдѣльную Оренбургскую группу. Я не сталъ болѣе дожидаться результатовъ этихъ преобразованій и уѣхалъ въ Омскъ, предварительно откомандировавъ офицеровъ латышей, человѣкъ 15, которые были мною прикомандированы къ частямъ дивизіи изъ батальона Латвіи.

Время моего отъѣзда изъ Атбасара совпало съ временемъ успѣшнаго контръ — наступленія Западной Арміи, занявшей снова г. Курганъ. Отступившій въ направленіи на Кокчетавъ, IV. корпусъ нашей южной арміи, по полученнымъ нами свѣдѣніямъ даже пополнился

въ своемъ составѣ и успѣшно выдерживалъ натискъ красныхъ въ этомъ направленіи. Группа изъ остатковъ Южной Арміи изъ Атбасара собиралась перейти въ Кокчетавъ, чтобы объединиться съ корпусомъ ген. Бакича. Въ общемъ настроеніе было спокойное и ничто еще не предвѣщало окончательной катастрофы.

Въ такомъ именно настроеніи я покинулъ армію. Путь на Омскъ на большую половину пролегалъ по тѣмъ же степямъ, но уже населеннымъ. Эта болѣе плодородная часть киргизскихъ степей покрылась рядомъ селъ и деревень, выстроенныхъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ переселенцами изъ Евр. Россіи, поэтому поѣздку въ Омскъ уже много удобнѣе было сдѣлать на лошадяхъ. Смѣнивши верблюдовъ на лошадей, мы этотъ путь въ 500 верстъ совершили въ 10 дней и въ концѣ октября пріѣхали въ Омскъ.

Омскъ-Владивостокъ

Въ Омскѣ уже началась паника, сопровождаемая массовымъ выѣздомъ частныхъ лицъ и очень плохо организованной эвакуаціей правительственныхъ учрежденій. То, что происходило въ Омскихъ политическихъ сферахъ въ эти, послѣрніе передъ катастрофой, дни, представляетъ несомнѣнный историческій интересъ, но къ сожалѣнію у меня въ то время не было никакого желанія что нибудь узнавать и хоть сколько нибудь ближе подходить къ этимъ сферамъ. Немногія мимолетныя впечатлѣнія, отъ случайныхъ встрѣчъ съ нѣкоторыми знакомыми, только подтверждали уже сложившееся у меня убѣжденіе, что тутъ нечего дѣлать, не за что и не за кого бороться, и некому вѣрить. Въ Омскѣ я провелъ всего четыре дня, не нашедши своей семьи, которая, какъ оказалось, уже уѣхала во Владивостокъ, чтобы ждать меня тамъ и вмѣстѣ отправиться на родину, въ Латвію. Въ Омскѣ, къ тому же, я остановился у знакомаго, который далеко стоялъ отъ всякихъ военныхъ и политическихъ дѣлъ.

На другой же день своего пріѣзда, я побывалъ у ген. Галкина, который, какъ оказалось, уже дней пять тому назадъ прибылъ въ Омскъ и болѣе или менѣе оріентировался въ обстановкѣ. Генералъ Галкинъ рисовалъ положеніе такъ: адм. Колчакъ совершенно потерялъ голову. Въ Ставкѣ образовались враждебныя другъ другу партіи, которыя, борясь между собою, по очереди склоняли Колчака то въ ту, то въ другую сторону. Бывали случаи,

что рѣшенія по одному вопросу, онъ мѣнялъ по нѣсколько разъ въ день. Дѣйствительной обстановки ни на фронтѣ, ни въ тылу онъ совершенно не зналъ, такъ какъ попрежнему оставался забронированнымъ для болѣе широкихъ круговъ. Передавали случай, бывшій на этихъ дняхъ: къ адм. Колчаку насильно ворвался врачъ, прибывшій съ фронта. Въ теченіе двухъ дней его не допускали до аудіенціи, тогда онъ рѣшилъ использовать ловкость и силу, что ему и удалось. Когда онъ доложилъ Колчаку ужасную обстановку, въ которой находятся раненные и больные въ санитарныхъ поѣздахъ и лазаретахъ, послѣдній, будто бы, схватился за голову, началъ бѣгать по кабинету, и кричать, что его рѣшительно всѣ обманываютъ, что онъ больше никому не вѣритъ . . .

Меня поразило тутъ извѣстіе, что генералъ Виттекопфъ - Бѣловъ, котораго мы собирались арестовать на фронтѣ, какъ предателя, оказался назначеннымъ начальникомъ эвакуаціи г. Омска. Я тутъ же замѣтилъ, что надо полагать, всѣ интендантскіе и артиллерійскіе запасы достанутся краснымъ. Такъ оно, дѣйствительно, впослѣдствіи и оказалось; но возможно, что и не по винѣ Бѣлова, такъ какъ въ данныхъ условіяхъ Бѣловъ можетъ быть и при желаніи не былъ въ силахъ что-либо эвакуировать.

Еще ступенью ниже, попрежнему же, продолжали вестись интриги по назначеніямъ на теплыя должности, — это въ то время, когда красные были уже въ 150 верстахъ отъ Омска, и когда всякій здравомыслящій человѣкъ понималъ, что Омска удержать нельзя, что доказывалось и паникой среди его жителей. Впрочемъ, генералъ Сахаровъ взялся убѣдить Колчака въ томъ, что

Омскъ можно и должно удержать, вопреки утвержденію ген. Дитрихса, что Омскъ необходимо спѣшно эвакуировать. На этотъ разъ побѣдилъ Сахаровъ и былъ назначенъ Главнокомандующимъ фронтомъ, вмѣсто Дитрихса.

На мой вопросъ генералу Галкину, что онъ намѣренъ дѣлать самъ, онъ отвѣтилъ, что обдумываетъ планъ сформировать хоть небольшой отрядъ съ тѣмъ, чтобы начать партизанскую войну. Онъ предложилъ и мнѣ присоединиться къ нему, но я рѣшительно отказался; тогда ген. Галкинъ попросилъ познакомить его съ ген. Перхуровымъ, который будто тоже сейчасъ въ Омскѣ.

На слѣдующій день я, дѣйствительно, нашелъ ген. Перхурова. Я былъ очень радъ встрѣтить его опять и взаимно подѣлиться пережитыми впечатлѣніями. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что въ Западной арміи, гдѣ онъ находился, творились тѣ же безобразія, что и у насъ; что, наконецъ, разувѣрившись въ высшемъ командномъ составѣ, онъ отказался отъ командованія дивизіей, образовалъ партизанскій отрядъ, человѣкъ въ 700, и послѣдніе два мѣсяца работалъ съ этимъ отрядомъ самостоятельно; побывалъ два раза въ тылу у красныхъ; одинъ разъ захватилъ штабъ красной дивизіи и артиллерію и благополучно вернулся. Въ настоящее время его отрядъ находится на фронтѣ около Петропавловска, а онъ самъ пріѣхалъ раздобыть какія-либо денежныя средства, такъ какъ таковыхъ ему изъ армій не давали. Въ этотъ же день я свелъ его къ ген. Галкину и, пожелавъ имъ всякаго успѣха, распростился, очевидно, навсегда.

Была у меня въ этотъ день еще одна характерная встрѣча. Въ залѣ гостиницы, за обѣдомъ, подошелъ ко

мнѣ нѣкій полковникъ, въ которомъ я узналъ своего бывшаго адъютанта, въ бытность мою Главнымъ Комендантомъ Ставки въ Омскѣ. 8 мѣсяцевъ тому назадъ я оставилъ его въ Омскѣ въ чинѣ штабсъ-капитана. Замѣтивъ мое удивленіе по поводу такой головокружительно быстрой карьеры, онъ поспѣшилъ дать мнѣ объясненія, разсказавъ, какимъ довѣріемъ пользуется онъ въ Ставкѣ: какъ было ему поручено сформировать отрядъ особаго назначенія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; какъ съ этимъ отрядомъ онъ усмирилъ возстаніе недалеко отъ Омска; какъ отлично поставленъ отрядъ, такъ какъ каждому солдату выдается по 1000 рублей содержанія въ мѣсяцъ и т. д. Я, наконецъ, остановилъ его и напомнилъ ему другой случай, который онъ тоже прекрасно зналъ: это мои трехкратныя представленія къ производству въ подполковники капитана Лахтіонова — моего сотрудника изъ Ярославля. Этотъ капитанъ уже 14 лѣтъ былъ въ чинѣ капитана; былъ 2 раза раненъ въ Японской войнѣ; въ началѣ Германской войны тяжело раненный попалъ въ плѣнъ, откуда вернулся весной 1918 г.; по возвращеніи онъ немедленно вступилъ въ борьбу съ большевиками, участвуя въ бояхъ подъ Симбирскомъ и Бугульмой осенью 1918 г. При формированіи нашего Яицкаго корпуса, сформировалъ 1-ый полкъ, при уже указанныхъ выше затрудненіяхъ; съ этимъ полкомъ выдержалъ рядъ успѣшныхъ боевъ, лично въ нихъ всегда участвуя; былъ опытнымъ и, въ высшей степени, образцовымъ офицеромъ, и, несмотря на все это, Омскій Штабъ на всѣ представленія отвѣтилъ отказомъ, когда съ легкимъ сердцемъ производилъ въ высшіе чины офицеровъ ускоренныхъ выпусковъ 1917 года. Напомнивъ

этотъ случай, я спросилъ Б., не находитъ ли онъ какой-либо связи между этими дѣйствіями Омскаго Штаба и нынѣшнимъ положеніемъ самого Омска. Я уже не помню, что отвѣтилъ на это Б., но его словоохотливость сразу пропала, и онъ нашелъ благовидный предлогъ распрощаться.

Въ эти же дни были получены въ Омскѣ телеграммы изъ Владивостока о возстаніи генерала Гайды и о подавленіи возстанія генераломъ Розановымъ. Подробности этого возстанія я узналъ двумя мѣсяцами позже отъ очевидцевъ этого возстанія. Главнымъ его организаторомъ, какъ мнѣ потомъ передавали, былъ докторъ Григорьевъ. Переворотъ предполагалось совершить совершенно безкровно, такъ какъ почти всѣ войска мѣстнаго гарнизона, а также и населеніе, сочувствовали перевороту, и было довольно обоснованное предположеніе, что генералъ Розановъ даже не попытается сопротивляться. Но случилось иначе: ген. Розановъ вызвалъ для подавленія возстанія инструкторскій батальонъ и гардемариновъ, которые дѣйствовали сначала также нерѣшительно; но въ критическій для Розанова моментъ, японскіе миноносцы открыли бомбардировку по возставшимъ, сосредоточеннымъ въ районѣ вокзала, и тѣмъ рѣшили исходъ въ пользу Розанова. Послѣдній жестоко расправился съ возставшими. Докторъ Гигорьевъ былъ при этомъ убитъ.

Эти немногія свѣдѣнія: растерянность высшей власти, рѣшеніе лучшихъ боевыхъ начальниковъ уйти въ партизаны, продолжающіяся интриги героевъ тыла, возстаніе во Владивостокѣ — были достаточно яркими симптомами близости общаго краха, который, дѣйствительно, наступилъ въ ближайшіе дни и превратился въ ужасную, неописуемую трагедію.

Весь путь отъ Омска до Владивостока я совершилъ въ теченіе 50 дней. Такъ какъ я почти не выходилъ изъ теплушки, въ которой ѣхалъ, то мои наблюденія и интересы тоже почти не выходили за предѣлы теплушки и полотна желѣзной дороги. Между прочимъ, поражало количество бывшихъ крушеній поѣздовъ, обломки которыхъ лежали по обѣимъ сторонамъ жел. дороги. На маленькихъ станціяхъ, гдѣ поѣздъ стоялъ иногда по нѣсколько дней, давно уже не было никакихъ газетъ, и мѣстные жители питались только слухами отъ проѣзжающихъ.

Остановку на одну недѣлю я сдѣлалъ еще на станціи Камергачѣ (между Красноярскомъ и Иркутскомъ), гдѣ стоялъ Штабъ батальона Латвіи, включенный въ составъ чешской дивизіи и находящійся здѣсь на охранѣ желѣзной дороги.

Настроеніе въ батальонѣ, а также въ чешскихъ войскахъ было спокойное, увѣренное. Въ окрестностяхъ жел. дороги были различные отряды и шайки, которые раньше дѣлали попытки нападеній на поѣзда, но будучи нѣсколько разъ за это наказаны, оставляли желѣзную дорогу въ покоѣ, пока тамъ находились чехи и латыши. Отряды эти, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, были не большевистскіе, но не признавали и власти Колчака, изъ чего видно, что власть адм. Колчака признавалась только въ полосѣ желѣзной дороги и лежащихъ при ней городахъ, гдѣ были гарнизоны, а чуть подальше этой магистрали, эта власть совершенно была не популярна. На какія средства существовали упомянутые отряды и инспирировались ли они также откуда-нибудь извнѣ, объ этомъ ходили различные слухи, но сколько нибудь провѣ-

ренныхъ свѣдѣній не было. Въ общемъ это былъ готовый матеріалъ для всяческихъ неожиданностей, ожидающій для этого только подходящей обстановки.

Находясь въ Камерчагѣ, я получилъ первыя вѣсти о паденіи Омска; а уже потомъ, въ Иркутскѣ, гдѣ мнѣ пришлось также простоять 3 дня, стали извѣстны и нѣкоторыя подробности о движеніи красныхъ далѣе до Ново-Николаевска и ст. Тайга. Узнали, напримѣръ, что на протяженіи до Ново-Николаевска около 150 поѣздовъ, отправленныхъ изъ Омска, съ эвакуированнымъ имуществомъ и офицерскими семьями, попали въ руки красныхъ; сообщалось также неофиціально о сдачѣ краснымъ польской дивизіи въ Ново-Николаевскѣ. Нѣкоторые факты о судьбѣ этихъ несчастныхъ я узналъ уже будучи на пароходѣ отъ бѣженцевъ изъ Сибири. По ихъ словамъ въ Красноярскѣ и Ново-Николаевскѣ, до весны 1920 года, погибло отъ тифа около 75 тысячъ человѣкъ; столько же погибло въ Омскѣ, гдѣ кромѣ того было нѣсколько тысячъ замерзшихъ. Большая часть изъ сдавшихся поляковъ была разстрѣляна. Захваченные красными офицеры и ихъ семьи сажались въ завѣдомо зараженныя тифомъ помѣщенія, гдѣ ихъ ожидала вѣрная смерть. Наряжались цѣлые отряды изъ жителей этихъ городовъ для зарытія труповъ, но они не могли справиться съ громаднымъ количествомъ умиравшихъ.

Послѣ Иркутска предстояло проѣхать Забайкалье — царство атамана Семенова. Этотъ атаманъ сыгралъ громадную роль въ событіяхъ въ Сибири, о немъ много писалось во всевозможныхъ газетахъ, много ходило всякихъ легендъ, но истинная физіономія его до сего вре-

мени совершенно неясна. Когда власть Колчака признали: вся восточная и западная Сибирь, Уральская область, Оренбургское и Уральское казачество и даже чехи, атаманъ Семеновъ не призналъ этой власти. Когда ему пригрозили изъ Омска, онъ не испугался и отвѣтилъ дерзостью. Это было слишкомъ смѣло, однако, Омскъ пошелъ на уступки и, наконецъ, какъ-будто было достигнуто примиреніе. Когда же Омскъ ждалъ помощи атамана Семенова — эта помощь не оказывалась. Обиженные въ Омскѣ офицеры уѣзжали къ Семенову и бывали тамъ обласканы. Агенты Семенова, какъ разсказывали, разъѣзжали по всей Сибири. Въ общемъ, Семеновъ какъ-будто сыгралъ такую же роль въ отношеніи Омска, какую послѣдній, годомъ раньше, сыгралъ въ отношеніи народной арміи. Возможно ли объяснить всѣ дѣйствія атамана Семенова условіями обстановки и наклонностью «атаманствовать» самого Семенова, — либо за нимъ скрывалась еще какая-нибудь сила, — это покажетъ намъ исторія. Черезъ царство Семенова я проѣзжалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, такъ какъ ходили слухи, что агенты Семенова иногда задерживаютъ офицеровъ всякихъ ранговъ, несмотря ни на какія законныя права на проѣздъ черезъ Забайкалье. Можетъ быть, эти слухи были преувеличены, но со мной, по крайней мѣрѣ, ничего не случилось, несмотря на мои сомнительныя права на проѣздъ.

Въ Манджуріи, то-есть въ сферахъ уже Хорватовскаго вліянія, насъ непріятно поразило то, что сибирскихъ денегъ тутъ совершенно не принимали, а спекулянты за 170 сиб. рублей платили 10 руб. романовскими. Послѣднія охотно принимались китайцами.

Во Владивостокъ я пріѣхалъ въ концѣ декабря и пробылъ въ немъ два мѣсяца, ожидая парохода въ Латвію. На моихъ глазахъ здѣсь 1-го февраля 1920 года совершился тотъ безкровный переворотъ, который не удался 3 мѣсяца тому назадъ генералу Гайда и доктору Григорьеву. Такой же переворотъ, но не совсѣмъ безкровный, совершился въ Иркутскѣ черезъ двѣ недѣли послѣ моего отъѣзда оттуда. Перевороты эти, отчасти стихійные, являлись, конечно, уже слѣдствіемъ полнаго безсилія власти, которая фактически пала съ паденіемъ Омска. Какъ Иркутскій, такъ, въ особенности, и Владивостокскій переворотъ сами по себѣ ничего не объясняютъ; они являютя лишь незначительными звеньями въ событіяхъ, которыя были и будутъ еще повторяться въ этихъ городахъ и которыя подготовляются и подготовлялись мѣсяцами. Политическая обстановка во Владивостокѣ все время была настолько сложна, что я совершенно не рѣшаюсь подходить къ ней. Здѣсь сталкивались еще болѣе міровые интересы, и, можетъ быть, здѣсь закладывались тѣ скрытыя тайныя пружины, дѣйствія которыхъ мы чувствовали какъ въ Омскѣ, такъ и на фронтѣ.

Заканчивая этимъ свои воспоминанія о четырехъ развалахъ, я долженъ прибавить, что сюда не вошло множество болѣе мелкихъ фактовъ и наблюденій, которыя трудно передать на бумагѣ, но которыя, точно цементъ, спаивали болѣе крупныя явленія и облегчали составленіе болѣе опредѣленнаго понятія о переживаемыхъ событіяхъ. Возможно, поэтому, что читающій мои воспоминанія не получитъ отъ нихъ того впечатлѣнія, ко-

торое я получилъ, ихъ переживая. Но и я, въ разное время, различно объяснялъ себѣ совершившіяся событія. Переживъ пораженіе нашей организаціи «Защиты Родины и Свободы», я пытался объяснить его себѣ перевѣсомъ на сторонѣ большевиковъ, поддерживаемыхъ нѣмцами. Переживъ развалъ народной арміи и паденіе Директоріи, я объяснялъ это борьбой между двумя оріентаціями въ самомъ русскомъ обществѣ, то-есть на Союзниковъ и на Германію. Для объясненія же развала Сибирской арміи, этого какъ-будто уже не достаточно; у меня при этомъ развалѣ получилось впечатлѣніе продолженія въ скрытомъ видѣ борьбы германизма со славянствомъ, при чемъ послѣднее уничтожало само себя, подъ руководствомъ опытныхъ и безжалостныхъ политиковъ — нѣмцевъ. Но, дополнивъ свои впечатлѣнія отъ фронта Сибирской арміи — впечатлѣніями отъ глубокаго тыла, я долженъ признаться, что ключъ къ объясненію Сибирской трагедіи лежитъ еще глубже, — въ болѣе широкихъ міровыхъ силахъ, — однѣмъ изъ которыхъ не желательно возрожденіе Россіи, а другимъ не желательно допустить конкурента для эксплуатаціи Россіи.

Эти, почти невидимыя, силы вызываютъ къ жизни цѣлый рядъ авантюристовъ, которые, спекулируя то на соціализмъ, то на патріотизмъ, то на спасеніи интересовъ опредѣленныхъ классовъ, предаютъ и то, и другое, и третье, проливая цѣлыя моря крови довѣрчивыхъ массъ, а иногда погибаютъ и сами.

На пароходѣ «Gweneth»
(Владивостокъ—Рига)
мартъ-апрѣль 1920 г.

Воспоминанія ген. К. Гоппера,

являются интереснѣйшимъ документомъ о событіяхъ на Волгѣ, на Уралѣ, въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ въ 1918—1919 г.

Москва — Б. В. Савинковъ — Союзъ Защиты Родины и Свободы — Ярославское возстаніе — Самара — Народная Армія — Ген. Галкинъ — Уфа — Директорія — Ген. Болдыревъ — Омскъ — Адмиралъ Колчакъ — Ставка Верховнаго Правителя — Тылъ и фронтъ — Яицкій походъ — Крушеніе Сибирской Арміи — Владивостокъ.